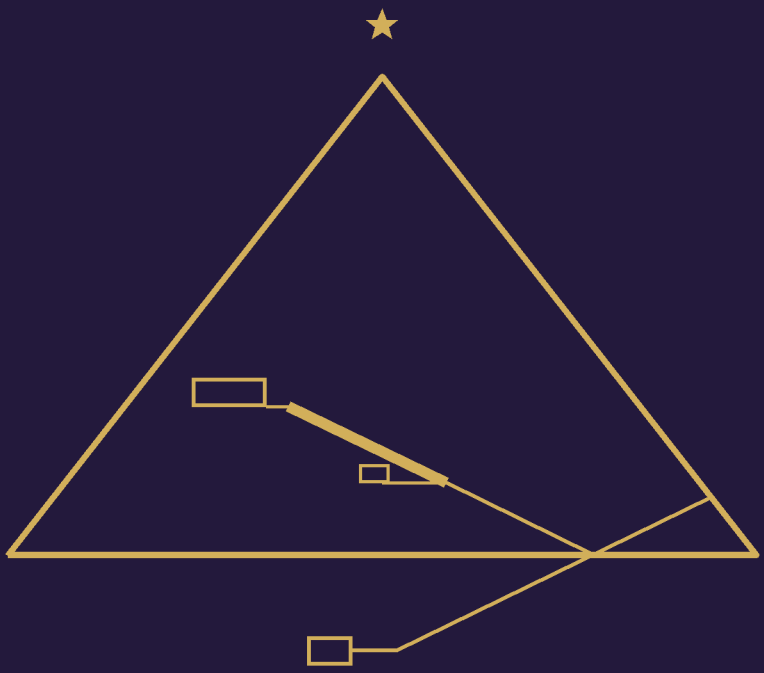
УИЛЬЯМ МАРСЕМ АДАМС

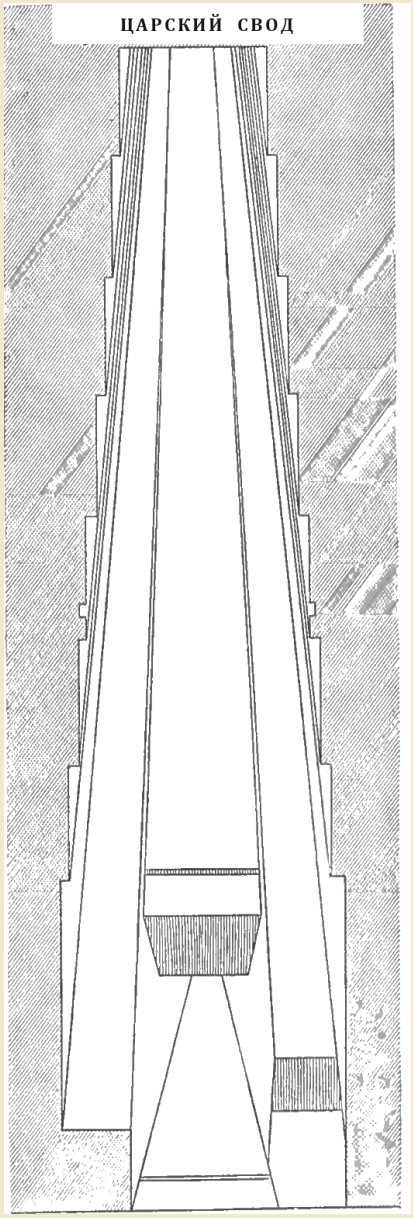
ДОМ СОКРОВЕННЫХ МЕСТ



УИЛЬЯМ МАРСЕМ АДАМС

ДОМ СОКРОВЕННЫХ МЕСТ

Ключ к вере раннего Египта по египетским источникам


ЦАРСКИЙ СВОД

Об этой книге

«Дом сокровенных мест» — книга английского исследователя Уильяма Марсема Адамса с подзаголовком «Ключ к вере раннего Египта по египетским источникам». Автор задался вопросом, который до него никто не ставил так прямо: не связаны ли коридоры и камеры Великой пирамиды с главами египетской «Книги мертвых» — той, что сами египтяне называли книгой о «выходе днем»?

Сравнивая текст и камень, Адамс приходит к выводу, что пирамида — это «Дом сокровенных мест», вещественный образ пути, которым проходит душа: вниз, в глубины испытаний, затем вверх, через Чертог Истины, к Свету. Каждый ход и каждая камера — от входного коридора и Подземной камеры до Большой галереи и Камеры Царя — у него соответствует ступени посвящения, а сама постройка оказывается связана с небом: со звездой Сотис, с Полярной звездой, с равноденствиями.

Отсюда главы книги: о Пирамиде Света, о Доме Осириса, о Сокровенном Боге, о тайнах небес и глубин, о посвящении соискателя и просветлении адепта. В конце книги — схема «Путь Света», где весь этот путь проведен по разрезу пирамиды.

Содержание

	Предисловие	7
I	Пирамида Света	12
II	Дом Осириса	34
III	Сокровенный Бог	57
IV	Тайна небес	74
V	Тайна глубин	94
VI	Посвящение соискателя	121
VII	Просветление адепта	140
	Путь Света в Доме сокровенных мест	154

ПРЕДИСЛОВИЕ

✦

Удивительное соответствие, которое можно проследить между коридорами и камерами Великой пирамиды — в древности египтяне называли ее «*Хут*», то есть «Светы», — и различными ступенями, через которые, по вере этого древнего народа, проходили святые усопшие на пути от света земли к свету вечного дня, впервые было указано мною в прошлом году на страницах журнала «Нью ревью». Прежде публикации статья в главных своих положениях была представлена господину Масперо и профессору Сэйсу, и я желаю выразить искреннюю благодарность этим выдающимся знатокам за признание и ободрение, которые они мне оказали, а также господину Менгедоту, знатоку иероглифов, за просмотр моего труда. В настоящей книге та же аналогия разработана гораздо подробнее — не до конца, правда, ибо на это вполне могут понадобиться годы труда, но, смею надеяться, достаточно, чтобы заложить ясное основание для дальнейших изысканий в любом из двух направлений. Что касается Ритуала, мы получаем, как мне представляется, последовательный и внятный разбор этого доселе непроницаемого вероучения — через постепенное преображение способностей на сменяющих друг друга ступенях просветления. Что же до Пирамиды, мы приходим к мысли о духовной и в высшей степени дальновидной цели ее сооружения. Ибо в этом дивном здании, самые камни которого в своей безмолвной гармонии словно отвечают на поспешные обвинения в безрассудстве и гордыне, которые высказывали о его зодчем те,

кто не знал его замысла, мы имеем не что иное, как нерушимый и неизменный символ народной религии.

Ценность предлагаемой здесь общей теории зависит, следовательно, как это очевидно, от точности соответствия, установленного — или такого, которое здесь стремятся установить, — между путем, столь ревниво сокрытым в недрах Пирамиды Света, и путем, описанным словами в хорошо известном собрании священных египетских писаний, которое мы называем «Книгой мертвых», но которое само притязает на имя «Книги Владыки Сокровенных мест». Но эти точки соответствия сами по себе столь многочисленны и образуют столь строгую систему взаимных проверок, что почти сводят на нет вероятность их случайного совпадения; и никакой изобретательности — быть может, самого смертоносного из всех противников истины — не хватило бы, чтобы удовлетворить бесчисленным условиям, связанным с богопочитанием, календарем и гражданским устройством страны, которые подобное соответствие должно исполнить.

И пусть не думают, что подобное исследование представляет лишь археологический интерес или что определение этого раннего вероучения не может иметь большей ценности, чем удовлетворение праздного любопытства. Отнюдь нет. Если есть в общем развитии народов факт, который историческое исследование ясно доказало, то это крайняя живучесть древних верований и их долговечное влияние на устройство общества; ибо основой древнего закона была, по-видимому, религия — гораздо больше, нежели людское соглашение. Каждое поколение, уходя, без сомнения, видоизменяет, но лишь в очень малой степени, форму общественной связи — и притом не для себя, а для поколения, которое приходит ему на смену. Поэтому, если мы

хотим яснее проследить отношение человека, во всей сложности его личности, к еще более сложному организму человеческого общества, где у каждого члена свое особое назначение, мы не можем поступить лучше, чем досконально изучить вероучение древнейшей из известных нам цивилизаций. И тот побочный свет, который, как окажется, проливает такое исследование на политическое и общественное устройство этого замечательного народа, раз за разом объясняя особенности, казавшиеся доселе странностями, видится мне сильным подтверждением изложенного мною начала. Более того, религии других народов древнего мира внезапно озаряются, стоит лишь поднести их к Свету Египта. И по мере того как звучит аккорд за аккордом, отзывается весь полнозвучный строй вероучений.

Одно примечательное обстоятельство, способное пояснить это замечание, возникает из необходимости выразить тайные аналогии между упоминаниями о Свете, которыми изобилует Ритуал, и Сокровенными местами Великой пирамиды — «Светом» египетского мира. Ибо, имея дело с идеями, облеченными, если можно так выразиться, в каменную кладку этого таинственного сооружения, я был вынужден — вернее, принужден — пользоваться выражениями и символами, принятыми в масонском братстве наших дней, такими как Великий Свод, Пурпурный Свод, Царский Свод, Звезда, Открытый Угол (князья которого, так же как и князья Круга, упоминаются в папирусе Синахита, восходящем к глубочайшей древности), и другими знаками Ремесла. Поэтому всякий раз, когда встречаются подобные выражения, — а они неизбежно проходят через весь труд, — следует помнить, что здесь они относятся к действительной кладке Великой пирамиды и к соответствующим ей чертам Ритуала древнего Египта. Вместе с тем вопрос о том, не

уцелел ли какой-нибудь след этого тайного учения о Свете в том сокровенном учении, о котором подчиненным масонскому уставу говорить не дозволено, — вопрос любопытный и напрашивающийся сам собою, хотя решить его открытым обсуждением, очевидно, невозможно.

Соображение же, которое в моих собственных глазах сильнее всего подкрепляет свидетельства связи между Пирамидой и Ритуалом, носит, признаюсь, несколько личный характер. Ибо, чтобы обнаружить такую аналогию, если она действительна, главное потребное качество — известное терпение в сопоставлении и разборе того, чего другие достигли каждый в своей области знания. Но вызвать ее к бытию, если она уже не таится в самом предмете; построить в воображении путь праведного и выразить его языком движений света; изобразить тайну незримых глубин тайною видимых небес, наметить черты света в коридорах глубочайшей тьмы и его движения — в здании, которое веками пребывает неизменным, — это было бы таким творением ума, которое, несомненно, требует не меньшего, чем творческий гений самого высокого порядка. Столь величественны очертания этого замысла, когда он торжественно встает перед взором, столь возвышенна каждая черта открывающейся картины, то очерчивающей, то превосходящей крайние пределы пространства и времени, с такой соразмерной постепенностью и вместе с таким ошеломляющим великолепием озаряет он тайну за тайной незримого мира, что я ни на мгновение не могу поверить, будто он порожден моим собственным воображением. Гораздо вероятнее мне кажется, что, хотя многое в нравственной и духовной образности еще остается темным, мы держим здесь подлинную нить к самой глубокой и пленительной загадке древнего мира и что чем пристальнее мы станем изучать Путь

Света в его масонской форме, тем глубже проникнем в древнейшую мудрость, о которой человек оставил свидетельство, и тем лучше постигнем египетскую веру о темном переходе смерти и о Вступлении в Вечный День.

ГЛАВА I

ПИРАМИДА СВЕТА

✦

У самого края необъятной пустыни, что простирает свои иссохшие пространства через всю ширину материка до берегов Западного океана, как раз у вершины знаменитой дельты, которой отмечено место встречи Верхнего и Нижнего Египта, на том самом месте, где кипучая жизнь древнейшей из известных нам цивилизаций граничила с безбрежным и бесплодным безлюдьем, стоит величественнейший и таинственнейший памятник из всех, когда-либо воздвигнутых рукою человека. Из всех прочих сооружений, составлявших чудеса древнего мира, едва ли остался хоть след. Где висячие сады, гордость вавилонского владыки? Где прославленный Фарос Александрийский? Века миновали с тех пор, как землетрясение повергло Колосса, что стоял, широко расставив ноги, над гаванью Родоса; и рука безумца обратила в пепел храм Артемиды, гордость Эфеса. Но Великая пирамида в Гизе все еще стоит неразрушенной и неразрушимой — спустя века после того, как исчезли меньшие чудеса, так же как стояла она за века до того, как они явились на свет. Несомненно, более пятидесяти, а может быть, и более шестидесяти столетий прошло с тех пор, как это здание, ни разу с той поры не нуждавшееся в заботе человека, впервые сокрыло от взоров свои сокровенные места — те тайные камеры, подобных которым не содержит ни

одно другое здание на земном шаре. Более двух миллионов раз всходило и заходило солнце над ее могучими стенами с той поры, как чистая и сплошная поверхность полированных облицовочных камней впервые отразила его лучи, словно покров ослепительного блеска, и утвердила за нею ее древнее имя — Свет.

Каков сокрытый смысл этой тайной кладки; кем и с какой целью был задуман ее сложный план; в какую эпоху было воздвигнуто это громадное сооружение, — вот вопросы, которые смущали многие умы во многих странах и породили разноголосицу, более сродную Вавилонскому столпотворению, нежели величию ее безмолвного достоинства. Ее построили евреи во дни своего плена, говорит — или, вернее, говорила — одна школа теоретиков. Ее построил Хеммис, но египтяне из ненависти к нему приписывали ее пастуху Филитиону, — таков рассказ Геродота. Ее построил Ибн Саллук, говорят арабы, перед самым Потопом, чтобы сберечь царские сокровища от предсказанного наводнения. Ее построил Мелхиседек — или кто-то еще, — горячо утверждает шотландский профессор астрономии. Она, бесспорно, была предназначена основателем для его гробницы, упорно стоит на своем одна сторона, — гробницы, в которой он оставил особое распоряжение себя не хоронить и в которой никого никак не могли похоронить, отвечает другая. Это была обсерватория, утверждает третья, — где каждое место для наблюдений было тщательно заделано, возражает четвертая. Это «пророческая летопись человеческой истории, начертанная на полу», утверждает профессор Пьяцци Смит, — где все даты перепутаны, мягко возражает господин Флиндерс Петри.

Бок о бок с этой масонской тайной, почти столь же непроницаемой в настоящее время, как и тогда, когда *Хир Шешта*,

или «Учитель Тайны», был сановником при дворе фараона, дошла до нас другая загадка — странное собрание священных писаний, или Ритуал* Древнего Египта, которое новейшие писатели назвали «Книгой мертвых», но которое само притязает на имя «Книги Владыки Сокровенных мест». Как ни жив интерес, пробудившийся ныне к этим писаниям, в уяснении их смысла достигнуто немногое. Учения, которые внушала их религия, отношения поклоняющегося к предмету или предметам поклонения, значение того особого символа, под которым эти отношения были одновременно сокрыты и выражены, — все это понимается в наше время, несмотря на сильно возросшее знание священных писаний, ненамного лучше, чем тогда, когда сами иероглифы еще не были разгаданы. И все же, как ни странно, хотя эти тайны выступают на первый план во всем, что касается древнего Египта, никто до сих пор не подумал сопоставить масонскую тайну памятника с вероучительной тайной, заключенной в загадочных книгах Тота, которому приписывается начало египетской мудрости.† Такое упущение тем более странно, что ни с той, ни с другой стороны нет недостатка в указаниях, намекающих на эту связь. Что Хуфу (которого греки неверно называли Хеопсом) принял пирамидальную форму в иероглифе своего имени, неудивительно, ибо он и был тем монархом, при котором было воздвигнуто здание. Но, быть может, не лишено интереса то, что форма Пирамиды входит и в иероглиф звезды Сотиса, или Сириуса.‡ Ибо Великий Восток, то есть положение этой звезды, когда ее восход служит непосредственным предвестием зари в утро летнего солнцестояния, был, как хорошо известно, великой исходной точкой многовековых циклов египетского счисления. И если знак, обычно служащий для обозначения Пирамиды, охватывает и само здание, и скалистое

основание, на котором оно возведено , то форма, употребленная в иероглифе Сотиса, состоит из одной лишь каменной кладки , то есть из того сооружения, которое представляло египетскому уму Вечный Свет, — отдельно от его земной опоры; притом папирус, восходящий ко времени Хуфу, основателя здания, говорит об Исиде как о владычице Пирамиды, а позднейшая надпись, Сиенская, называет ее также «Матерью Бога» и отождествляет ее с «Божественным Сотисом, Звездою, Царицею Неба».

---

[*] Это название, данное Шампольоном, горячо отвергается господином Баджем, хотя и без указания какой-либо особой причины. Мне же оно представляется ничем не хуже любого другого слова, какое можно употребить как общепринятое выражение; хотя, без сомнения, католический термин «Служба по усопшим» был бы предпочтительнее, будь он достаточно привычен нашему слуху. Название же «Книга мертвых», придуманное Лепсиусом, кажется мне, признаюсь, на редкость неудачным. Ибо, во-первых, папирус — не книга, а собрание священных писаний; а во-вторых, это название как будто указывает на обычай класть вместе с мумией списки или части списка, так что оно внушает мысль, будто святые усопшие почитались мертвыми, тогда как весь замысел учения состоял во вступлении усопшего в жизнь и свет.

[†] Господин Масперо любезно сообщает мне, что та же мысль занимала и его самого, но он ее не опубликовал.

[‡] Когда звезда восходит не одновременно с солнцем (в этом случае она была бы невидима), а настолько раньше зари, чтобы на несколько мгновений показаться над горизонтом, прежде чем ее поглотит разгорающийся свет, о ней говорят, что она восходит «гелиакически»; и «гелиакический восход Сотиса» в день летнего солнцестояния, или середины лета, — событие, которое происходит раз в 1461 год (то есть четырежды 365¼), — служил началом египетского векового цикла.

С другой стороны, священные писания, или Ритуал древнего Египта, полны намеков, которые обретают голос лишь в приложении к Пирамиде Света. Таковы праздники «Северного Прохода» и «Южного Прохода», праздник «Сокровенной Притолоки», праздник «Осириса, обитающего в доме под кровлей» и в «Пруду Великого Дома». Так, в календаре Эсне мы

читаем о «Празднике Гнезд» и еще об «Отверзании Дверей», которое в Ритуале тесно связано с «Главой об Ориентации» и с воскресением Осириса из Открытой Гробницы. Все шествие Усопшего, по сути, как будто совершается в некоем здании. Ритуал полон упоминаний о его «Вхождении» и «Исхождении», о «Вхождении после исхождения», о прохождении врат и ворот, дверей и лестниц. Более того, самые наименования, употребляемые как в письменной, так и в масонской летописи, прямо, хотя и тайно, указывают друг на друга. Где еще, если не в этих камерах, столь ревниво сокрытых, подобных которым не содержат даже позднейшие пирамиды, искать нам Сокровенные места, владыку которых «Книга мертвых» провозглашает своим собственным владыкой? Далее, за сотни лет до времени главного папируса, содержащего эти писания, уже при двенадцатой династии, надпись на гробе Амаму, погребенного в священном городе Абидосе, содержит подобный же намек и показывает, что тайные места определяют порядок Ритуала: «Не умирающим ты ушел, живым ушел ты к Осирису.* Ныне ты обрел *слова порядка, тайну потаенных мест*».

* Правильнее писать «Аусар»; но в этом и в других священных именах я сохранил более старое написание — не потому, что оно само по себе хоть сколько-нибудь предпочтительнее (а это, конечно, не так), но для того, чтобы не вносить нового и не вполне необходимого элемента непривычности.

Какое же внезапное значение обретает тогда имя «*Та Хут*», «Свет», под которым Великая пирамида, этот памятник пламени, была известна фараонам, когда, обратившись к священным папирусам, мы находим, что начальная глава озаглавлена «*Пир М Хру*», или Вступление в Свет, — то есть не в свет обыденного дня, который покидал усопший, но, как показывает образ заходящего солнца, с которым всегда связывалось нисхождение в гробницу, в

незримый Свет Невидимого мира, вечно обновляемый в сиянии Осириса. Ибо учение, заключенное в этих мистических писаниях, было не чем иным, как повествованием о пути, которым шел праведный, когда, освободившись от уз плоти, он проходил ступень за ступенью духовного роста, пока, посвященный в новое рождение и просветленный в сокровенной жизни, не соединялся нерасторжимо с тем, чье имя, говорит египетский Ритуал, «есть Свет, Великий Творец». И этот путь, который Ритуал дает в письменах, великая Пирамида Света воплощает в каменной кладке.

В двойной символике Пирамиды и Ритуала заключены и главные трудности их разгадки, и сильнейшие свидетельства их соответствия. Ибо как усопшему на его пути надлежало соединиться в полноте близости со своим Творцом, так необходимо было, чтобы он продвигался в познании тайн, одинаково окутывающих творение и духовное, и вещественное. Знать Осириса в формах его проявления было тайной силы; «постигать Осириса во всех его именах, Осириса во всех его местах» значило обрести венец просветления. Но на пути к этому бесконечному знанию было много ступеней, которые конечный смертный должен был пройти, много степеней, которых должен был достичь святой усопший, когда уста гробницы, врата Вечного Дня, отверзались для него и оглашенный Божественной Мудрости бывал принят как соискатель Бессмертия. «Внутренний человек», или «личность» усопшего, его «*Ка*» (или соискатель с воздетыми руками, 𓂓), должен был быть воссоздан в нетлении, душа должна была родиться заново, прежде чем этот соискатель мог быть посвящен в божественное; Посвященный должен был пройти огненное испытание и быть признан адептом; адепт должен был быть оправдан на Суде Истины, прежде чем мог выйти из тени

Чертогов Смерти в непосредственное присутствие Источника Света. Оправданный должен был стать Просветленным, Просветленный — достичь совершенства как Владыка, прежде чем мог войти в сокровеннейшую обитель божественного дома Осириса. Для каждой из этих степеней, по вероучению Египта, Творец отвел особое место в великом внешнем проявлении Себя Самого — во вселенной пространства; и каждое из этих мест описано символически в книгах мистического Ритуала и запечатлено масонски — в чертах и размерах Сокровенных мест Пирамиды.

Не для каждого, следовательно, был открыт этот дом, и не могло быть проступка более непростительного, чем осквернение его тайн. «Эта Книга, — говорит заключительная глава Ритуала, — величайшая из тайн. Не давай оку кого бы то ни было увидеть ее: то было бы мерзостью». Так и тайна, предписанная Ритуалом, охранялась самим устройством здания; и она ни разу не была нарушена, пока Египет оставался египетским. И поскольку отличительной чертой этой религии было пребывать сокрытой и поскольку проявление Творца еще глубже и сокровеннее, чем познание дел Его, необходимо было, чтобы символы, относящиеся к Нему и к связи человека с Ним, не выдавали своих глубочайших тайн даже Посвященному, но хранили свой сокровеннейший смысл для Просветленного после полного испытания. Вот, стало быть, задача, стоявшая перед первым *Хир Шешта*, «Учителем Тайны», родоначальником «мудрости Египетской»: выразить, но, выражая, сокрыть; облечь покровом, но покровом из света, тайны Божества; избрать такие символы, которые, не выдавая своей природы, передавали бы их живую силу, их озаряющую мощь и прежде всего их беспредельную долговечность. Никакой обыкновенный образ, это ясно, — ни минерал, ни животное, ни

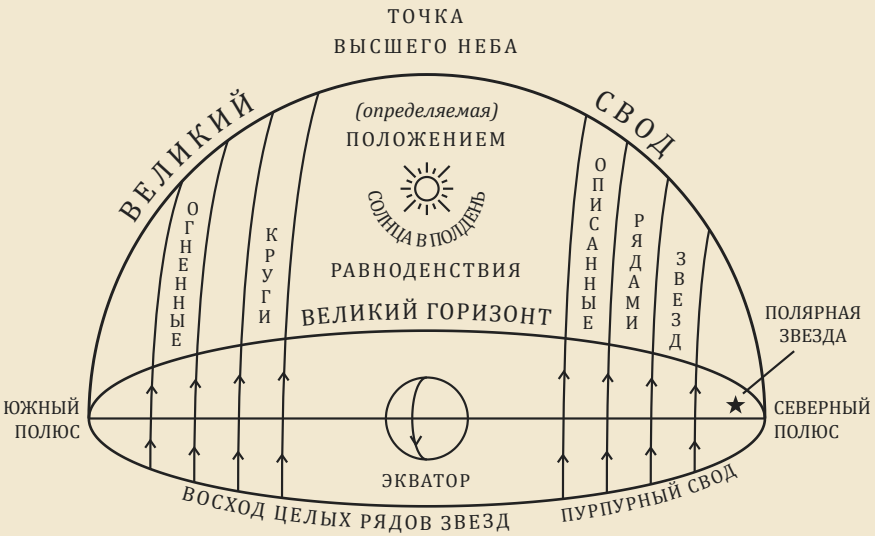
растение, ни человек — не мог бы послужить для подобного выражения. Лишь светила небес, повинующиеся в своем блистающем течении законам, не знающим перемены, могли исполнить требуемые условия. Как в живописной, так и в масонской летописи путь праведного прослежен среди сияющих миров и продвижение его измерено языком небесного движения.

Замечательный тому пример — орбита Земли, предполагающая знание вращения Земли вокруг своей оси и ее обращения вокруг Солнца, на котором покоился древний календарь Египта. «Владыка Орбиты» (*Неб Сеннен*) был одним из титулов египетского монарха. И в Пирамиде мы находим эту орбиту вместе со многими другими явлениями, масонски выраженными на стенах великолепной и единственной в своем роде верхней Камеры Восхождения. Подобным же образом другое великое астрономическое понятие, а именно горизонт, проходит не только через «Книгу мертвых», но и через всю погребальную образность страны — как в «*Саи-ан-Синсин*», или «Книге Переселения Души», и в папирусе царицы Анхнес-ра-нефераб, и в других папирусах. Что же это за горизонт — «горизонт неба», с которым связана такая тайна, и что такое его вершина, Великий Зенит небесного купола? У нас нет подобного общего понятия, и потому нашим представлениям о небесном механизме недостает известной простоты. Но предположим, что в день Равноденствия, равного деления света и тьмы, мы стоим на Экваторе, равно делящем землю на полушария Севера и Юга, и что мы заняли место, скажем, в той точке, где его пересекает меридиан Мемфиса, близ озера, откуда текут воды животворящей реки. У наших ног простерта великая плоскость, проходящая через небесные полюса и ограниченная Пурпурным Сводом, который опоясывает пол звездного купола. Из середины нашего Горизонта в этот день

солнце восходит прямо вверх,* и на вершине своего пути, где день за днем оно делит небо поровну на Восток и Запад, в этот единственный день оно делит поровну также и Великий Свод, или Великий Меридиан, который поднимается поперек от того же горизонта и простирается от полюса до полюса лазурных глубин. Тогда мы отметим четыре Главные Точки вселенской сферы — четыре точки, которыми определялись стороны Пирамиды Света; огненные престолы, по египетской теософии, четырех «Сынов Света», из которых самым знаменитым был Хапи, правящий Дух Нила. В тот же Великий Горизонт, когда равный день окончен, солнце уходит под Западные воды. И из него же все воинство звезд, от полюса до полюса, сомкнутым строем, где каждая хранит назначенное ей расстояние от солнечного пути, следует за ним сквозь безмолвную ночь — «ночь исчисления духов»: одна половина вспыхивает светом, едва скрывается их вождь, а остальные пополняют свои ряды как раз вовремя, чтобы возвестить его возвращение от Восточной точки того же Великого Горизонта. «Дорога — из огня, — говорит Ритуал, — они кружатся в огне позади него».

---

* Описанное здесь представление, хотя наши астрономы и не определяют его явно, неявно содержится в терминах Прямое Восхождение — подъем звезд прямо вверх — и Склонение, то есть отклонение в ту или другую сторону от плоскости равноденствия.



(ОТ ПОЛЮСА ДО ПОЛЮСА)
КАК ВИДНО ЛИШЬ С ЭКВАТОРА В НОЧЬ РАВНОДЕНСТВИЯ
«Они кружатся в Огне позади Него»
„ГОРИЗОНТ НЕБА“

Этот горизонт, по-видимому, разительно обозначен входным коридором Великой пирамиды, который, как хорошо известно, может быть определен по положению Полярной звезды. Ибо если принять за время IV династии дату, данную доктором Бругшем (около 3700 г. до н. э.),* то мы найдем, что примерно двести шестьдесят лет спустя (3440 г. до н. э.) Полярная звезда той эпохи (Альфа Дракона) занимала, как указал профессор Пьяцци Смит, именно это положение, так что она светила прямо вниз по коридору. И так ученики Учителя Тайны, которые в сменявших друг друга поколениях, должно быть, более двух столетий следили за приближением звезды, получили в ее окончательном совмещении убедительнейшее доказательство истинности тех астрономических отношений, в которых воплотилась их

мистическая религия. Поэтому, когда мы читаем в Ритуале о «Добром Весле Севера, Открывателе Диска», нам тотчас вспоминается узкий, подобный веслу коридор, расширенный у входа к Северу, который открывает священные недра внешней вселенной, — стрелка циферблата, обегающая пространство и неизменно указывающая положение, занимаемое каждой очередной звездой, что на краткий срок в несколько столетий несет стражу перед полюсом.

---

[*] Из уважения к весьма высокому авторитету доктора Бругша во всех вопросах египетской истории я принял дату, которую он определил для Великой пирамиды, и по-прежнему ее придерживаюсь. Недавние открытия господина Ф. Петри, быть может, указывают на более раннюю дату, и вопрос нельзя считать решенным; но в подобном деле высшая проверка — общее согласие с другими историческими свидетельствами, а в этом знании никто не был искуснее великого учителя, которого мы недавно утратили.

Взяв теперь в руки священные писания «*Пир М Хру*», приблизимся к масонскому Свету; и, раскрыв книгу на первой главе, где Тот, Вечная Мудрость, начинает наставлять оглашенного, освобожденного от тления тела, проникнем вместе с ним внутрь здания и бросим на его тайные места и их соответствия в Ритуале такой предварительный взгляд, который позволил бы нам глубже изучить двоякое выражение этой масонской тайны. Читая главу за главой по мере восхождения, ступень за ступенью вместе с оглашенным Света, мы приближаемся на пятнадцатой ступени к воротам, которые лежат еще двумя рядами кладки выше нас, — точно так же, как оглашенный в пятнадцатой главе приближается к «двойным вратам горизонта», вратам под двойным сводом, обращенным к Полярной звезде, когда он призывает «Харуэриса, великого вожатого мира, вожатого душ в их тайных местах, свет, обитающий в горизонте». С этого места начинается первый покров тайны. Ибо вход был столь надежно скрыт от

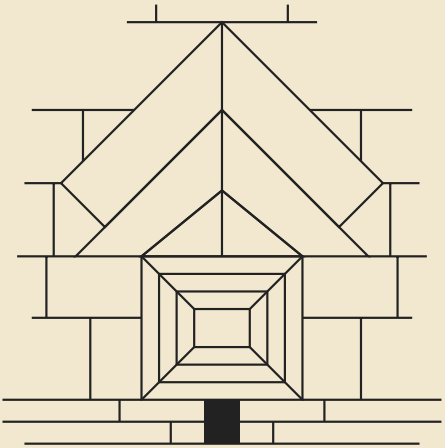
непосвященных глаз поворотным камнем, что место его, однажды утраченное, невозможно было отыскать; и двести лет после того, как здание перешло под власть халифа Омара, оно оставалось непроницаемым, пока халиф аль-Мамун в девятом веке нашей эры не пробил наугад отверстие сквозь сплошную кладку и случайно не наткнулся на входной коридор. Войдя через низкие ворота, устроенные, таким образом, в Северной стороне на значительной высоте над землей, мы видим перед собой Коридор Горизонта точки Равноденствия, который, спускаясь к Югу в глубины тьмы, указывает к Северу на звезду Пурпурного Свода. Переступая врата в семнадцатом ряду кладки, мы узнаем то место, где в семнадцатой главе оглашенный принимается как соискатель и восклицает: «Я иду от Врат Тасер (Восхождения). Что такое врата Тасер? Это врата, где бог Шу (Свет) поднимает диск неба. Врата Севера суть Врата Великого Бога», — продолжает он, говоря, очевидно, о тех же вратах; совершенно так же, как в Пирамиде единственный вход — это Врата Восхождения в семнадцатом ряду Северной грани. Простившись теперь вместе с ним со светом земного дня и ступая по нисходящему коридору, мы минуем, немного спустившись, очень тонкую и превосходно проведенную двойную линию,* прочерченную отвесно на наклонной стене так, чтобы указывать вниз, на основание, и отделяющую верхний участок коридора, где Усопший в Ритуале лишен всех способностей, кроме способности движения, от более продвинутой его части, где умственные способности постепенно к нему возвращаются. Продолжая долгий спуск, мы приходим к отверстию в западной стене и, пройдя через открывшийся таким образом проход, полого поднимаемся в некое подобие грота на дне Колодца — квадратной отвесной шахты с выбитыми в крутых стенах опорами для ног. В эту камеру Глубоких Вод соискатель

спускается с Западной стороны, как солнце на исходе дня уходит в Западные воды и в сиянии вспыхивает над сокровенным миром. От верха шахты горизонтальный коридор ведет к месту божественного рождения, упомянутому в Ритуале, — к Камере Луны, где, по египетскому учению, Осирис каждый месяц возобновлял свое рождение. В этой камере, некогда наглухо заложенной, освобожденная душа рождалась вновь; и оттуда она выходила, чтобы спуститься по лестнице шахты, как мы видим на папирусе Ани,[†] и воссоединиться с соискателем, ожидающим ее в Колодце Жизни. Тогда, когда душа восстановлена, совершается посвящение и дается сила вынести испытание.

---

[*] Обнаружение этой линии связано с обстоятельством весьма необычного свойства, которое одно время как будто придавало некоторую видимость опоры историческим теориям профессора Пьяцци Смита. Ее нашел не кто-либо из измерявших или наблюдавших Пирамиду, а студент, который никогда не видел здания, но полагал, что если теории профессора верны, то какая-нибудь особая отметка должна указывать именно это место. Когда произвели осмотр — ибо сам профессор ее никогда не замечал, — предсказание оказалось верным: случай прорицания, который был бы достаточно замечателен, если бы эти теории были истинны, но который кажется поистине странным, если принять во внимание их явную ошибочность.

[†] Этой иллюстрацией я обязан господину Ф. Комптону Прайсу, известному знатоку древних письмен, который только что завершил великолепное факсимиле этого папируса для попечителей Британского музея.



Врата Восхождения. Северная грань: ряд XVII

Возвратившись со дна Колодца в Коридор Горизонта и продолжая путь все дальше вниз, мы выходим, миновав недолгий горизонтальный отрезок, в Подземную камеру, или Место Центрального Огня, где посвящаемый проходит свое испытание. Это камера, высеченная в сплошной скале, с неприступным полом, загроможденным огромными глыбами различной высоты: он подобен озеру окаменевшего пламени или громадам горных хребтов, воздвигнутых действием центрального огня земли; а за этой грозной камерой маленький коридор уводит в небытие. Продолжая осмотр здания и выходя из места испытания так же, как выходит из него Посвященный, ставший теперь адептом, который поворачивает назад и минует место уничтожения, мы вновь поднимаемся по Коридору Горизонта, пока немного ниже прочерченной линии не приходим к гранитным вратам, или опускной решетке, устроенной в своде. Эти великие врата, некогда совершенно скрытые кладкой и обнаруженные лишь тогда, когда сорвался камень, пока аль-Мамун пробивал себе вход в пирамиду,

стоят на пороге Сокровенных мест. Мало того что врата были целиком и тщательно скрыты, — нижняя часть коридора за ними была заложена огромными камнями, которые не убраны и поныне и, быть может, не могут быть убраны вовсе. Так что и теперь Притолока все еще сокрыта, и проникнуть внутрь можно лишь через пролом, насильственно пробитый в стене коридора выше этих глыб; и точно такую же трудность испытывает адепт, проходя Притолоку Правосудия, прежде чем вступить в Двойной Чертог Истины. С трудом пробравшись сквозь пролом, мы оказываемся в небольшом низком коридоре длиною около ста двадцати девяти футов, который поднимается вверх под углом чуть меньшим, чем угол наклона входного коридора, и соответствует нижней части Чертога Истины, где адепт оправдывается перед сорока двумя судьями незримого мира, «Богами Горизонта и Богами Орбиты». Затем, склонившись под низким проемом, которым этот коридор завершается наверху (завершается, но не перегорожен), — под «Вратами Празднества», — мы ступаем на некое подобие площадки, откуда раскрывается вся система внутренних коридоров. Со всех сторон здесь — «перекресток чистых путей жизни», о котором говорит гроб Амаму. На западной стороне — устье Колодца, «врата Анрухф», ведущие вниз, к «путям тьмы». Перед нами простираются поля Аалу, блаженная страна, где оправданный исполняет труды, которые ему дано совершать для Осириса. «Я копал в Анрухф, — говорит он далее, — я сверлил отверстия», то есть отверстия для доброго семени, для хлеба, что вырастал в семь локтей высотой, — те самые отверстия, что высверлены в боковых уступах Южного восходящего коридора и которым доныне не придавали никакого значения.

За полями дорога ведет прямо к Камере Царицы, Месту Нового Рождения, где душа получала свою вторую жизнь; и здесь, в восточной стене, в обрамлении лестницы о пяти восхождениях, находится нечто вроде ниши или изображения — «прообраз», если воспользоваться выражением Ритуала, — в который душа рождается заново, обретая пятеричную власть возрожденных чувств. От той же точки, у верхнего края Колодца, расходятся и внутренние лестницы, изображенные на уже упомянутом гробе. Отвесно вниз, в Колодец, спускается «лестница, сделанная для Осириса». К северу «лестница Земли» полого нисходит к Сокровенной Притолоке, входу на восходящий путь. Вверх, к югу, но под совсем немного иным наклоном, идет восходящий коридор, который иные писатели называют «Большой галереей»; он образует верхнюю часть Чертога Истины, Великую Ложу, или Светлый Чертог Орбиты. Это примечательное сооружение представляет собою коридор длиною около ста пятидесяти семи футов и высотою в двадцать футов, целиком — пол, стены и свод — построенный на склоне, за исключением небольшой части у южного, верхнего, конца. По обе стороны наклонного пола тянутся двадцать восемь уступов, и в каждом — отверстие; о том, как упоминает о них Ритуал, уже было сказано. А у верхнего конца, как раз над Камерой Царицы, линию пола круто обрывает глыба высотою в три фута, образующая помост, или престол суда. Отсюда по верху глыбы, то есть по сиденью престола, коридор идет горизонтально примерно на шестьдесят один дюйм, причем боковая стена здесь не вполне отвесна, но слегка нависает в сторону склона. Позади престола галерея завершается: южная стена опускается семью напусками кладки, не доходя до сиденья на сорок два дюйма, и оставляет дальше к югу выход — узкий, подобный могиле лаз. В наклонном своде галереи, который

спускается с юга на север несколько круче пола, — тридцать шесть напусков, подобных волнам реки света; число их соответствует числу декад в круге египетского года. И на боковой стене помоста, у верхнего конца галереи, также семь напусков, один над другим, сходящихся сводом к вершине; а на том месте, которое соответствует положению нашего земного шара среди планет, по всей ее длине проходит глубокий желоб, или орбита. Так перед нами живо встает связь между Орбитой и «Ходом Солнца» в Двойном Чертоге Истины — нижнем Чертоге Истины во Тьме и верхнем Чертоге Истины в Великолепии, с Престолом Сияния на верхнем его конце. А над этим престолом возвышается обитель семи великих духов, служащих своему Господу Творцу, тех, что, как повествуют Священные Книги, «охраняют гроб Осириса».

Теперь начинается самая таинственная часть здания. Лишенный своих благородных пропорций и сниженный до столь малой высоты, что пройти можно лишь ползком, на руках и коленях, коридор пронзает южную стену Большой галереи и идет прямо — сперва в Преддверие, или «Место Приготовления», а затем в великолепный зал, именуемый Камерой Царя, в самой уединенной части здания. В каждом из этих покоев — один, и только один, предмет. В Преддверии — нечто вроде масонской завесы, мимо которой никто не пройдет, не склонив головы. В Камере Царя — саркофаг, не закрытый, но открытый; а воздуховоды, которыми щедро проветривается этот глубоко сокрытый покой, возвещают, что это камера не мертвых, но живых, место «Востока», где, по Ритуалу, Осирис пробуждается от своего сна. В этой части здания постройка меняет свой материал на гранит, образуя как бы особый дом внутри Пирамиды, внутренний Дом в самом Доме Осириса, куда входят низким,

подобным могиле коридором, ведущим из-за престола. Это Дом Славы, описанный на уже цитированном гробе Амаму, дом, к которому приближается Просветленный, миновав судилище Осириса. Здесь — «Врата чистых духов», войти в которые могут лишь омытые в водах Жизни и сияющие блеском Орбиты. И здесь же, по-видимому, звучит торжественное слово, описанное в «Саи-ан-Синсин», — слово «Богов в Доме Осириса», за которым следует ответ «Богов в Доме Славы»: ликующая песнь святых усопших, что стоят победителями перед престолом суда, торжественно подхваченная внутренним хором их возлюбленных, которые прежде них ушли в полноту света. Выше — «Врата Эмпирея» («отверстие Хатхор», как называет их Ритуал), ведущие к «Сокровенным местам Неба», — восходящие пространства над Камерой Царя, некогда наглухо замкнутые и составляющие самое внутреннее, самое возвышенное и самое тайное из Сокровенных мест. И над всем этим господствует и все венчает исполинский гранитный треугольник, масонски выражающий божественную Троицу Египта.

Такова сложная и доныне не объясненная система врат и коридоров, шахт, каналов и камер, которую мы находим внутри Пирамиды Света: одни ведут вверх, другие вниз, третьи идут горизонтально; одни грубы до последней степени, другие изысканно отполированы; одни великолепны по своим пропорциям, другие так низки, что человеку приходится ползти, и так узки, что он с трудом может пройти. Она совершенно единственна в своем роде: можно смело утверждать, что ни одно другое здание (даже из позднейших пирамид) не заключало в себе ничего хотя бы отдаленно похожего на верхние камеры. Как ни поразительна каждая ее черта, всего примечательнее явное намерение зодчего сохранить ту тайну, что придает величие

странной теософии Египта. Каков же был замысел — тайный и ревниво оберегаемый замысел, — с которым воздвигнуто это дивное здание? Предположение, будто различные его особенности лишены смысла или порождены простой прихотью, решительно опровергается той предусмотрительностью и той щедростью расчета, что видны в каждой подробности. Нельзя утверждать и того, что они необходимы для целей обыкновенной гробницы. Ибо, во-первых, их нет в других пирамидах, которые для этой цели служили; а во-вторых, если и есть намерение, которое зодчий выказал открыто, то это намерение создать такой ряд преград, чтобы никакое человеческое тело не могло быть здесь погребено.

Поистине Великая пирамида есть Дом Гробницы; но гробницы не закрытой, а открытой. Это гробница не человека, но бога; не мертвого, но воскресшего. Это гробница божественного Осириса, чье рождение на земле, нисхождение в преисподнюю, победа над змеем Апопом, воскресение и суд над мертвыми составляли важнейшие черты веры Египта и в единении с которым святые усопшие проходили путь просветления и невредимыми миновали божественное судилище.

При таком взгляде начинает проясняться и практическое значение этого сооружения. На этом учении покоилось все устройство общественной жизни древних египтян. Календарь, праздники, обязанности царя, права жречества, отношения областей к их главенствующим храмам — все находило свое выражение на Пути Света. Поэтому всякое ложное толкование или искажение учения (как это, по-видимому, случилось при Ху-эн-Атоне) повлекло бы за собой бесконечную смуту в государстве, не меньшую, чем ущерб для религии; и опасность эта была тем вероятнее, что употребляемые символы были темны.

И вот масонская символика Великой пирамиды дает простое и практически неразрушимое средство увековечить учение египетской мудрости, не выдав его. Это выражение, однажды найденное, никогда более не повторялось; прочие гробницы и пирамиды Египта притязают на родство с творением Великого Магистра лишь отдельными, второстепенными чертами. И если письменные списки Ритуала, из которых ни один ныне сохранившийся, вероятно, не восходит ко времени более древнему, чем время Хуфу, были подвержены изменениям и ошибкам, то кладку Пирамиды Света в ее сокровенных местах не могло повредить никакое течение времени и не могло затронуть никакое разночтение. Это воплощение, тайное и вместе неизменное, составляющее буквально масонский Ритуал всего учения о Свете, объясняет ту на редкость отрывочную манеру, в которой священные слова доверялись письму. Во времена первых трех династий лишь одна глава смутно, по преданию, притязает на то, что была записана, и еще об одной говорится, будто она была открыта Мен-Кау-Ра, внуку строителя Великой пирамиды. И хотя на позднейших пирамидах начинают появляться священные надписи, лишь при XI династии они становятся сколько-нибудь обычными. Из различных глав, таким образом обнародованных (то есть употребленных в надписях или записанных на папирусах) в разные времена, существовало, как упоминает г-н Бадж в своем «Трактате о мумии», четыре главные редакции. Первая — редакция Древнего царства, написанная иероглифами; к ней принадлежит важная надпись на гробе Амаму. Затем следует фиванская редакция, также иероглифическая, папирусы которой с великим трудом сличил и издал г-н Навиль; за ней в следующую династию (XX) — другая, написанная иератическим, то есть жреческим, письмом. И наконец, последняя — редакция XXVI, или

Саисской, династии, которой мы обязаны великим папирусом*, хранящимся ныне в Турине; факсимиле его, состоящее более чем из ста шестидесяти изначальных глав и трех дополнительных, издал Лепсиус в 1846 году. Именно в пору этой редакции, как говорят, порядок глав был впервые установлен. Каким же каноном, или мерилом порядка, пользовались составители? Уж во всяком случае не сравнительной древностью глав: ибо единственная глава, притязающая на происхождение от I династии, стоит в папирусе сто тридцатой, а та, что приписывается в нем IV династии и озаглавлена «Вхождение в Свет в одной главе», словно некогда она была единственной главой в употреблении, — стоит шестьдесят четвертой. Но ответ на этот вопрос, по-видимому, содержится в последней из дополнительных глав; ибо папирус возвещает, что ключ доступен всякому, кто вполне разумеет масонские тайны. «Эта Книга, — говорит он, — есть Книга Владыки Сокровенных мест». А значит, в этих Сокровенных местах и надлежит искать Тайну Владыки Сокровенных мест, «Тайну уставных слов», как говорит гроб Амаму. Вот почему именно эту редакцию мы и будем сравнивать с Ритуалом в камне, предшествовавшим ей более чем на три тысячи лет; сама огромность разделяющего их срока лишь ярче выявляет близость соответствия. Поистине величаво отвечает этот исполинский памятник тому таинственному имени, которое он носил. Окруженный тьмою столь же глубокой, как та, которую Всевышний сделал покровом Своим, среди картин, невидимых глазу, но верно изображающих славу небесной тверди, Великий Зодчий воздвиг престол, которому течение веков не в силах было повредить, и неизменно начертал в его сокровенных местах неизменный путь праведных — письменами света, воплощенными в неизменных движениях небесных светил.

[*] Английский перевод опубликовал г-н Бирч в книге Бунзена «Место Египта», а французский выполнил г-н Пьерре. Говоря об этом предмете, невозможно удержаться от сожаления о почти невероятной небрежности, с какой папирусы, касающиеся всевозможных предметов, рассеяны как попало по половине музеев Европы, причем не сохранилось никакого общего описания их содержания или хотя бы сведений о самом их существовании. Одни находятся в Бодлеянской библиотеке, другие в Лувре, третьи в музеях Болоньи, Неаполя, Турина, Лейпцига, Берлина, Копенгагена, Стокгольма и Рима; а наш ненасытный саркофаг, Британский музей, погребает их тысячами. Если бы Францию, страну, которой в этих делах принадлежат столь славные заслуги, удалось склонить к тому, чтобы вместе с нами побудить правительство Египта учредить комиссию и запросить у различных европейских правительств возможно полные сведения о папирусах и других памятниках Древнего Египта, какими каждое из них располагает, ответ, несомненно, был бы благоприятным; и тогда открылось бы множество бесценных свидетельств, в которых мы не без оснований могли бы надеяться проследить действие и взаимодействие религиозных, политических и хозяйственных сил в этом сложном государственном устройстве. Так можно было бы собрать материал для начала общей «Энциклопедии архаической социологии» и, быть может, для основания науки об органическом обществе в его конкретном развитии.

ГЛАВА II

ДОМ ОСИРИСА

✦

Среди бесчисленных превращений, свидетелем которых стал наш век переворотов, ни одно не носит столь поразительного характера, как воскресение первобытного Египта. Более тысячи лет — с того дня, когда халиф Омар справил погребальный обряд над древней ученостью в пламени великой Александрийской библиотеки, и до того дня, когда Шампольон, словно новый Сотис, возвестил зарю новой эпохи египетского блеска, — все сгущавшийся мрак погребал под собою всю страну. Не минуло и века с тех пор, как султан грозил самыми ужасными карами, в этом мире и в будущем, тому чиновнику, который осмелится допустить христианина «приблизиться к священной гавани Суэца, откуда начинается святой хадж». Ныне эта гавань — многолюдный вход на самый всемирный путь земного шара. Веками Египет, будучи древнейшим оплотом мусульманского закона, был и ревностнее всех охраняемым. Ныне его суды признают многосоставную юрисдикцию чужеземных народов, которой нет прецедента в истории никакого иного государства.* На памяти живущих его иероглифы были загадкой, оставленной без всякой надежды; его храмы были скрыты под нечистотами, скопившимися за поколения арабов; самый возраст его руин нельзя было угадать даже с точностью до тысячелетий. Ныне

могучие здания ясно предстают взору и свидетельствуют о своем первоначальном величии; царские списки можно сверить по их подлинным записям; а ошибки нерадивых писцов, полагавших, что ни один смертный глаз никогда не взглянет на папирусы, сокрытые на груди мумии, обличены иероглифической ученостью Европы.

---

[*] Как прецедент, быть может, придет на ум пример Священной Римской империи, ибо иноземные государи несомненно заседали в рейхстаге. Но эти государи обладали там правом не в силу договоров и не по праву своих чужеземных королевств, а по праву имперских княжеств, которыми им случилось владеть.

Особое очарование окружает каждую подробность жизни раннего Египта. Всякой иной державе можно с большей или меньшей уверенностью назначить некую точку исторического начала. У Китая, у Ассирии, даже у Вавилонии мы смутно различаем следы первых, еще простых шагов. Дни Ромула или Кекропса — лишь Средние века истории в сравнении с днями Хуфу или Мены. Индия не притязает для древнейших своих Вед на древность свыше четырех тысяч лет. Священные писания Китая насчитывают менее чем на тысячу больше; начало Вавилонии отстоит еще примерно на тысячу далее. Лишь на берегах Нила находим мы, за века до времени аккадского Саргона, устоявшуюся монархию и сложившееся государство, развитый Ритуал и стройную иерархию, своеобычное зодчество и богатый алфавит. Оттого та главная несообразность, что обыкновенно затуманивает наше представление о древности, — а именно вмешательство чуждого среде начала в складывание обычаев народа, особенно когда этот народ был пересажен с какой-то совершенно иной почвы, — отсутствует на горизонте Египта; и картина египетской цивилизации, какую мы можем нарисовать, имеет свой исток, свое развитие и свое завершение в условиях одного лишь Египта.

Ни одной притягательной черты не недостает этой замечательной картине. Величавая река, источник неиссякаемой жизни и свежести для всей страны; длинная вереница величественных храмов, венчающих ее берега; смеющийся народ, теснящийся на ее водах; пляски, игры, песни, борьба, нескончаемые празднества; увеселительные лодки, толкающиеся среди священных ладей мертвых, — все это слагается в картину, которая, будучи оправлена в ослепительную ясность безоблачного неба, оставляет очарование, не знающее ни соперника, ни забвения.

Картина эта к тому же не требует мучительного усилия воображения, чтобы восполнять ее для себя из обрывочных и разрозненных подробностей. Нам не приходится складывать в сколько-нибудь связное целое отрывочные намеки на общественную жизнь, с трудом собранные из случайных упоминаний, рассеянных у двух десятков разных писателей. Не нужно нам и довольствоваться описаниями событий, составленными спустя века после того, как они произошли. Мы можем идти прямо к первоисточнику и обращаться к подлинным записям. На громадных пропилеях храмов, на стенах, на огромных саркофагах, на архитравах, на колоннах исполинских зданий мы находим деяния государей, изложенные священными иероглифами. О битве при Регилльском озере мы вынуждены полагаться на предания, сохраненные Ливием; а о первой великой битве при Мегиддо, случившейся за сотни лет до того, как Иосия сложил голову на той же равнине, и задолго до того, как вообще была дана битва при Регилле, у нас есть современный ей рассказ самого победителя Тутмоса и списки добычи, составленные царскими чиновниками. Более того: памятники Египта дают нам не одни описания, но и подлинные изображения событий. Что

осталось потомкам для созерцания от триумфов, справленных прославленным Юлием? А триумфы Рамсеса и Сети, совершившиеся почти столь же задолго до Цезаря, сколь день Цезаря отстоит от нашего, живут и поныне во всех подробностях. Одежды, украшения, лица, даже цвет волос разных народов, шедших в тех шествиях, — все это можно видеть сегодня на стенах дворцов, которые были их свидетелями. От Моисея и Соломона, от основателя Рима, даже от великого апостола язычников у нас не осталось и предания об их облике. А черты фараона могут быть знакомы нам так же, как были знакомы его благоговейным подданным. Тройная ограда из массивных колонн, исполненных бесконечной печали в своем одиноком величии, — вот все, что осталось поведать нам, как чтили сотрясающего землю Посейдона в его обители в Пестуме. Но каждая черта шествия, проходившего по длинным нефам Карнака, — сосуд очищения, крылья на священном писце, хор певцов, четверные ряды жрецов, священный ковчег на их плечах, херувимы с распростертыми крыльями, осеняющие Божество, восседающее между ними, — все сохранилось для нашего обозрения, не меньше, чем слова торжественной литании, с которой молящиеся обращались к Ра, незримому Свету.

Две резкие особенности отличают памятники древнейших времен. Ничто так не поражает, как научное знание, которым, как признают все шире по мере того, как факты исследуются тщательнее, обладали жрецы Египта. Какой зодчий наших дней взялся бы возвести здание высотою более четырехсот футов, полное камер самого сложного устройства, которое ни разу не потребовало бы починки за пять тысяч лет? Какой иной народ не только открыл трансцендентное отношение между радиусом и окружностью — основу всякого измерения кривых, — но и

положил его в начало архитектурного построения? Какое иное здание ориентировано с такой совершенной точностью, что, если прав мистер Флиндерс Питри, ничтожное смещение, накопившееся в течение веков, отображает (а значит, и измеряет) вековое колебание, вызванное сокровенной космической силой? Где еще найдем мы выраженными в масонской кладке различные соотношения поверхности земли, данные по разным способам исчисления, — как, по словам того же знатока, зодчий Великой пирамиды выразил их в площади ее настила на разных уровнях? Где еще найдем древний календарь, основанный на периодическом движении земли? Какой иной народ знал, как утверждают доктор Бругш и господин Масперо, собственное движение солнца в пространстве; или кто владел прекрасным Сотическим циклом, Циклом Великого Востока, который отмерял целые эпохи звездой-вестницей, когда она на миг загоралась на восточном горизонте?

Столь же поразительно и, быть может, еще отчетливее неизменное присутствие животворящей реки. Из конца в конец страны, из века в век ее истории, в религии, в торговле, в почестях мертвым, куда бы мы ни обратились и на каком бы предмете ни остановили взор, мы ни на миг не теряем из виду синих вод Нила. Этот прекрасный поток, текущий спокойно на сотни миль под ясным небом, один давал зелень и изобилие длинной и узкой полосе плодородной земли, что тянется вдоль его берегов, отрезанная пустынями с обеих сторон, и один делает возможным самое существование египетского народа.

Согласно древнему преданию, и в согласии также с записями, предки этого народа в весьма отдаленные времена были происхождения не северного, а южного* и изначально были уроженцами Пунта, лежащего близ экваториальных истоков Нила.

В согласии с этим преданием мы находим, что средоточием египетской вселенной, горизонт которой, как мы видели, очерчивает священный Горизонт Ритуала, определяемый Полярной звездой и обозначенный Пирамидой, было Апту, или Южная «Вершина Земли», упоминаемая доктором Бругшем в «Святой земле Хент» и лежащая в непосредственной близости от тех мест. Ибо наша точка отсчета была обозначена пересечением экватора с великим меридианом Мемфиса; а пересечение это приходится как раз у западного берега великого экваториального озера, из которого знаменитая река берет свои животворящие воды; а потому в день равноденствия наблюдатель, стоящий у истока реки, в праотеческой земле египетского предания, узрел бы то великое «Прохождение Солнца» и шествие вселенских воинств пространства, которым торжественно отмечается день «Исчисления Духов». От этой точки начала мы наметили четыре стороны света вселенской сферы — престолы четырех египетских духов Света, с Хапи посреди них, охраняющим южные источники Нила. Эти четыре светлых духа, стражи небесного свода, представлялись египтянам в образе собакоголового павиана, существа, более всех схожего с человеком; и к ним, как к четырем животным пред престолом Ра, взывал о помощи Оправданный в Ритуале в тот миг, когда полное великолепие Орбиты разверзалось пред его просветленным взором. Так вся система египетской астрономии, в научном ее начертании не меньше, чем в мистическом значении, была, по-видимому, изначально задумана без всякой оглядки на позднейшее поселение народа в низовьях Нила, а применительно к первоначальному его жилищу среди солнечных источников Юга; Великий же Меридиан, по-видимому, был определен не по своему местному отношению к Мемфису, а потому, что проходит через вершину земли, под

Великим Сводом вселенной и вершиной небесного купола над точкой начала.

[*] Поскольку противоположного мнения все еще держатся некоторые египтологи и его одобрял сам доктор Бругш, да будет мне позволено привести в подкрепление мнение весьма выдающегося авторитета. Господин Масперо, когда я задал ему этот вопрос, весьма любезно сообщил мне, что хотя много лет назад он разделял господствовавшее тогда мнение о северном происхождении, но после дальнейших исследований изменил свои взгляды и ныне полагает, что египтяне пришли с Юга. Если этот взгляд верен — а многие факты, по-видимому, его подтверждают, — то бесконечные затруднения, проистекшие из веры в знаменитую «доисторическую азиатскую семью», то есть в семью, о существовании которой нельзя представить ни единого свидетельства, разрешаются, или, вернее, вовсе не возникают и не требуют разрешения.

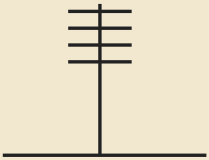
Однако, сколь ни замечательна эта первобытная местность в свете египетского предания, интерес ее возрастает вдесятеро, когда мы рассматриваем ее в соединении с прочими чертами великого водораздела, существенную часть которого она составляет и который неодолимо напоминает нам знаменитый водораздел, описанный в нашем собственном Писании как первобытное жилище человека. Там — не полноводные потоки, но, как в Книге Бытия, «начала» четырех рек, что выходят «для орошения» всей страны. Там, за Замбези, лежит земля золота с ее рудниками неведомой древности; а благовонная трава, иероглифическое имя которой *Бетру* (или *Бедру*, ибо Л в египетском тождественно Р), наводит на мысль о прообразе еврейского *бетелу*, превращенного греками в бделлий. Там исток Нигера, который в своих извивах обтекает всю землю чернокожих. Там исток разливающегося Нейлоса, по-египетски «Прорывающего Пределы», бледным отблеском которого служит еврейское слово Хиддекель, означающее «Бурный». И там Конго, река «Жизни», в точности соответствующая еврейскому Перит («плодоносный»), превращенному греками в Евфрат. Еще

поразительнее то, что в восточной части великого бассейна лежит чудесный сад, или Рай, в три тысячи квадратных миль, столь пламенно описанный Стэнли и полный животной жизни, скипетр которой был одним из знаков достоинства («Тад»), носимых великим божеством Амоном; а из этого сада вытекает единственная река, Шари, точь-в-точь как в нашем библейском повествовании единственная река текла посреди, чтобы орошать сад, насажденный в восточной* части необъятного водораздела Едема. И как, по тому же повествованию, первые следы нескончаемого потока человеческих странствий легли к востоку от сада, так и поток младенческого Нила, берущий начало близ этой точки, клонится к востоку от великого меридиана, прежде чем повернуть к югу, к озеру, которое и поныне носит праотеческое имя египетского Ну,† а ниже его — к руинам Ассура, открытым Кайо на берегах седой Мероэ.

* При бесчисленных попытках отождествить колыбель человека, как она описана в Писании, — попытках, которые можно считать буквально сотнями и которые немало способствовали тому, что всякое верное изложение человеческого развития стало делом почти безнадежным, — сад постоянно смешивают с водоразделом, а «начала» рек — с их полным течением, единственную же реку и вовсе упускают из виду.

† Из того же источника, думается мне, можно пролить немало света на библейское повествование о Потопе, если рассматривать его как необычайный разлив Нила в долине, жилище первобытной семьи, как я старался показать в другом месте; а это, в свою очередь, отзовется на различных вопросах, связанных с ранним заселением Египта: на почитании Ну, божества вод; на священном ковчеге Амона, прообразе ковчега Моисеева; на особом благоговении перед нилометром, или «Татом», символом божественного Ну, с его троякой мерой разлива; на внезапном появлении той одинокой, но величественной цивилизации; на смутном предании минувших поколений; на глубоком почитании праотеческих монархов; на вселенской власти, на которую притязала божественная царственность Египта; и прежде всего — на ясном и спокойном созерцании смерти как светозарного входа в поля света. Вавилонское предание, изложенное на табличке о Потопе, переведенной в «Записях прошлого», также

согласуется с этим взглядом; ибо, по этому преданию, местом катастрофы определенно была не Вавилония, поскольку герой решительно заявляет, что переплыл море. И в самом деле, насколько мне удалось проследить, нет такого народа — от Индии и Китая на Востоке до Мексики и Перу на крайнем Западе, — чьи туземные предания и археологические остатки расходились бы либо с египетским преданием о первобытной земле Пунт, либо с библейским описанием первобытного водораздела, если только мы согласимся читать при свете египетского предания повествование, переданное нам Моисеем, о котором само Писание прямо говорит, что он был научен всей мудрости Египетской.



Священный Тат, или Мера Разлива

Из той страны путь их, по-видимому, пролегал двояко. Часть их, согласно весьма древнему преданию, упоминаемому доктором Бругшем, шла вдоль берегов реки, задержавшись, как видно, на время на острове Мероэ, где седой храм Амона и упомянутые выше руины Ассура отмечают их древнее присутствие; другие же, по-видимому, спустились Красным морем, как указывают открытия мистера Питри, а оттуда пересекли пустыню к Коптосу. Ввиду этого важнейшего обстоятельства необходимо помнить, что для египтянина Юг был «Великой Стороной», которой подобало особое благоговение. Оттого-то каждый год священные изображения относили в прародительскую страну; отзвук этого предания мы находим в посещениях, которые боги Гомера наносят «непорочным эфиопам». Оттого-то в древней надписи на гробе Амаму нам рассказано, как святой умерший, «облетев весь лик небес», «водворяется среди блаженного сонма на юге». И в том же древнейшем папирусе мы читаем о небесной земле Хент,

или Хент-Аменти, обители Сокровенного Бога, отображенной на земле «Святой землей Хент» у Апату, или Южной вершины земли. Оттого же и самая священная часть храма помещалась в той же стороне; и Великая пирамида, от входа до самой внутренней камеры, ориентирована с севера на юг.

Поистине, для ума египтянина все русло огромной реки было лишь священным образом незримой земли, орошаемой «небесным Нилом», о котором говорит Ритуал: *Нутер Харт*, или Святой земли Мертвых, с ее тройным делением на Руста, область Посвящения; Аалу, округ Просветления; и Аменти, тайную обитель сокровенного Бога.

Далеко к югу, за чередою речных плесов и пустынь, лежала праотеческая земля Пунт — подобно Аменти, далекая обитель незримого Отца. У тропической оконечности Египта, прямо под небесной, или тропической, дугой, по которой проходит солнце в летнее солнцестояние (в ту эпоху около 24° северной широты, ибо наклон земной оси к плоскости ее орбиты был тогда примерно на полградуса больше нынешнего), находился порог, или «Врата Нила», через которые предки народа вошли в страну. Этот порог, или престол животворящих вод, лежащий под Царским Сводом солнцестоятельного престола, отмечает точку, которой достигает Просветленный в Ритуале, когда он свершил в Аалу «прохождение солнца» и «отверзает врата Нила», порог небесного света.

Как умерший, совершая это восхождение, вступал в присутствие сорока двух судей мертвых (богов Горизонта и богов Орбиты), из которых каждый был верховным в своей особой области, так и вся земля Египта была поделена на сорок два нома, или округа: двадцать номов в Нижней стране и двадцать два — в Верхней. Каждому ному был назначен великий храм как столица, со своим особым служением и жречеством. И как храм составлял

обширную ограду святилища, так и округ становился обширной оградой храма. И не одни лишь храмы посвящались священному: постройки повседневной жизни разделяли их божественный смысл. И для всякой части страны, как показал де Руже, дворец и канал не меньше, чем храм и округ, носили таинственное имя и отражали область святых мертвых. Вдоль всей долины реки, нисходящей к северу, — в Фивах, в Абидосе, в Тентере — стояли великие святилища, освященные явлениями Божества. На северной оконечности, где океан служил границей страны, было устье Розетты, или Руста, отображавшее, как мы узнаем из Папируса Хуфу, устье гробницы и обращенное к Полярной звезде, неугасимому светильнику глубин, который указывал египтянам путь к сокровенной жизни. Посреди земли, где Нил разветвлялся, образуя великий угол Дельты, господствующий угол в строении долины, стоял Мемфис (или Меннофер), «Святое Место», престол двойного правления Египта, с дворцом, посвященным духу-Творцу Птаху, с кладбищем, носившим имя «Блаженного Бессмертия», подобно нашей «Божьей ниве», и с каналом, названным по Плаванию Незримых Вод. Там же была область *Сохет Ра*, Поля Солнца. И близ священного города, на западном берегу реки, вздымалась «Пирамида Света», построенная на уединенной скале, обращенной к великой стороне Юга, — дом Осириса, к которому, как говорит папирус Аменхотепа, «Тот», Вечная Мудрость, «ведет Просветленного».

Святость, особенная даже в той стране благоговения, окутывала таинственное здание. «Чувство очарования», читаем мы в другом папирусе, проникало всю область вокруг Великого Дома; и даже торопливый путник наших дней едва может противиться этим чарам, глядя на торжественные стены. Но для посвященных древности высшая цель их бытия, чин их

празднеств, чистота их веры, прочность их монархии были сосредоточены в этой грозной кладке.

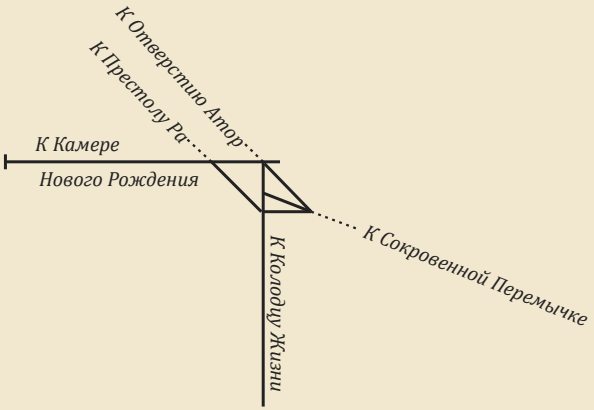
Как территориальное устройство страны с ее сорока двумя провинциями Нижнего и Верхнего царств внутренне соответствовало сорока двум провинциям Судей Мертвых — верхним богам Орбиты и нижним богам Горизонта, — так что политический остов служил оболочкой духовной теософии, — так было и с внешностью и внутренностью Великого Дома. Ибо от той точки, где адепт предстает пред сорока двумя судьями в Двойном Чертоге Истины, преодолев глыбы у нижнего конца Камеры Тени, и до престола у верхнего конца Камеры Сияния, где он принимал венец просветления, снаружи насчитывается сорок два ряда кладки; так что они образуют оболочку того Двойного Чертога внутренней Истины. И как сама светлая река отображала поток «небесного Нила», так и течение этой реки было масонски отображено в сокровенных местах дома Осириса. На стенах Камеры Сияния была изваяна орбита нашей планеты среди семеричного сонма вокруг солнечного престола — та орбита, что отмеряет подъем и спад животворящих вод Нила. Вдоль кровли нисходит поток изваянных лучей числом тридцать шесть, соответствующих тридцати шести декадам дней в круге египетского года. У верхнего, или южного, конца камеры, как у верхнего, или южного, конца царства, под Царским Сводом Семиступенчатого Восхождения, или «Пылающего Венца», как называет его Ритуал, стоит Престол Порога. За ним низкие врата ведут узкими протоками к камерам Юга с сокровенными камерами в вышине, увенчанными Великим Сводом, который господствует над всей внутренностью здания, — так же как врата Нила ведут за порог к южной земле Пунт и к долго сокрытому истоку реки, где земля Хент под Южной вершиной отображала

небесную землю Хент, или Хент-Аменти, упоминаемую в Папирусе Амаму, — Внутреннюю Обитель Бога в Высшем Небе.

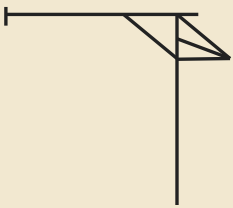
На стыке верхних и нижних камер находится верхнее устье Колодца, служащее ключом к тайной внутренности, — точно так же, как город Мемфис с самим домом Осириса был тайным ключом к устройству двойного царства. Там же меньший проход из тайной Камеры Божественного Рождения, «Камеры Исиды», «Света Сокровенного Нила», соединяется с главным течением масонской реки — точно так же, как на виньетке небесного Нила рукав потока вливается в главное течение из «Анну (или Она), тайного места рождения богов». От этой точки масонский поток, подобно Нилу в той же точке, разветвляется в дельту: один рукав ведет вниз, к Сокровенной Перемычке, другой образует Колодец Жизни в области Руста, где, как мы узнаем из другого папируса, росло древо бессмертия. И в скале, которая ограничивает Камеру Горизонта и на которой построен дом Осириса, мы узнаем «Скалу Горизонта Небес», о которой говорит Ритуал.

Более того, самая форма некоторых иероглифов выдает свое пирамидальное происхождение. Так, если очертить стык верхней и нижней камеры, проведя линию кровли Колодца ниже линии кровли галереи, с тремя камнями пандуса впереди и с выступами верхней и нижней галерей в этом месте, мы получим иероглиф, произносимый *Tayu* , который, как хорошо известно, означает Верхний и Нижний Египет, хотя никакого объяснения его формы до сих пор не предлагалось. Подобным же образом предположим, что мы начертим Двойной Чертог Истины (от Сокровенной Перемычки до Врат Эмпирея у южного конца кровли над престолом) вместе с Камерой Нового Рождения и Устьем Колодца: мы получим ту часть сооружения, которая особенно подвластна Тоту — божественному лицу, коим совершается посвящение.

Затем, если мы составим шифр этой области, начертив линейный план, показывающий лишь направление этих частей по отношению к Устью Колодца, где, как мы вскоре увидим, совершается обряд посвящения, мы получим священный символ, принадлежащий одному лишь этому божеству. И как силою Тота адепт, пройдя испытание, вводится в присутствие сорока двух судей в Двойном Чертоге, соответствующих сорока двум номам, или провинциям Египта, так и этот символ Тота входит в иероглифические имена всех номов, кроме одного-единственного.



Пирамидальная область Тота



Священный иероглифический знак, присущий одному Тоту

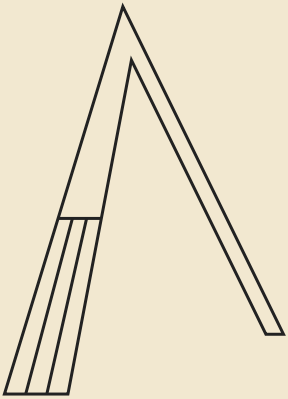
На той же гармонии между небесной и земной страной, воплощенной в кладке Пирамиды Света, зиждился и порядок египетских князей. Ибо как Великий Дом, Место Осириса, вселенского Бога, был представлен во всей своей полноте в лице верховного Монарха, так и два великих отдела этого Дома — область посвящения с ее направляющим углом у Сокровенной Перемычки и область просветления с ее Изваянной Орбитой в Большой галерее, места соответственно богов Горизонта и богов Орбиты, — были представлены в двух великих разделах египетского двора: князьях Угла и князьях Круга. И точно так же тот семеричный небесный сонм, ряды которого были изваяны над престолом в Камере Сияния, был представлен в семеричных рядах «Спутников Царя», непосредственно окружавших особу фараона. Так Великий Дом с Двойным Чертогом Истины внутри образовывал масонское устройство не только религиозного, но и политического строя царства, с восходящими степенями — от Пурпурного Свода Звезды, определяющего Священный Горизонт Руста (или Розетты), до Царского Свода солнцестояния, или предела солнечного престола над водным престолом порога, и далее вдоль Великого Свода Небесного Меридиана до точки кульминации солнца в равноденствие над истоком реки, в первобытной земле Пунт.

Когда мы стоим пред порталом этого «Великого Дома», *Пир Аа*, вспоминая знакомый титул, который отсюда получили фараоны, и созерцаем небо, отраженное в синих водах реки, текущей снаружи, и его образ, масонски выраженный в пути внутри, — «диск» словно «поднят из гробницы», и мы взираем на незримый мир. Египет, столько веков бывший землей погребенных, вдруг стал землей восставших из мертвых. И весть, которую долго безмолвствовавший голос возвещает словно огненным языком, —

это изначальная вера в божественное происхождение и назначение человека. Не один лишь Ритуал и не одна Пирамида Света говорят нам о вечном дне. Повсюду и всегда во всем древнем Египте возвещается то же учение. От орбиты земли, от Полярной звезды небес, от восхождения Сотиса, от сияния солнца, от вод реки, от дворцов, от храмов, от гробниц, от самых недр ограбленных мертвецов исходит голос, веками молчавший в могиле; и голос этот с поразительной ясностью свидетельствует о суде за гробом и об отчестве незримого Бога.

Примечание о священном Угле

Среди драгоценностей, которые возлагались последним украшением на священную мумию, бывал иногда и Золотой Угол — один из самых темных, но вместе с тем самых занимательных символов, какими пользовались египтяне. Угол встречается не в руке, а воздетым на руке великого Божества — «Амона, Вечного Отца»; он же — один из скипетров, носимых Птахом, духом-Творцом. Что еще примечательнее, хорошо известное изображение, именуемое Патайкос, которое возили на своих кораблях финикийцы, весьма убедительно отождествлено Шампольоном с тем же богом Птахом; а *Пат-Аик* по-египетски значит Посвящение Угла. Та же фигура встречается и среди наскальных изваяний на побережье Малой Азии.



Великий Угол, воздетый Амоном, Источник Жизни, в Троице Египта

Меж тем как священный символ Угла был столь широко распространен, само имя его (скрытое от нас под личиной разных языков), по-видимому, носили несколько народов Леванта. Около средней, или более узкой, части Средиземного моря, как раз там, где Италийский полуостров выдается навстречу выступающему мысу Африки, мы встречаем имя Угла в важном острове Сикелия, или Сицилия, — стране, которая по своему положению принимала поток многих переселений и служила ареной многих столкновений. Остров этот получил свое название не от римлян — ибо они, как сообщает нам Овидий, звали его Тринакрией за его треугольную форму, — а от сикелов, племени, которое, по Фукидиду, переселилось на него из южной части Италии, с каковой областью остров веками был тесно связан. Так вот, сикелы носят имя, которое ничего не значит ни по-гречески, ни по-латыни, но по-египетски означает, без всякой перемены или видоизменения, «Сыны Угла»; а сходный, но еще более многозначительный титул «Пиратов Угла» обнаруживается в греческом имени лестригонов — другого народа, жившего там,

столь глубокой древности, что Фукидид признается в неведении об их происхождении. Отсюда же, быть может, не без вероятности следует производить и наше собственное слово «sickle», или «sikel», как его писали прежде, — «серп». Ибо серповидный меч (символом которого в жреческом алфавите Египта был Угол), как еще можно видеть на памятниках, был священным оружием, которым египетский монарх поражал пленников; и, как показал капитан Бертон в своем известном трактате о мече, это то самое орудие, от которого берут свою форму и восточный ятаган, и абордажная сабля наших моряков.

Далее, на восточной оконечности Леванта имя Угла вновь появляется, в двойной форме и в связи еще более явной и многозначительной. Прямо против устьев Нила, как раз в той местности, где морские переселенцы из Египта, вероятно, высаживались бы, миновав почти лишенные гаваней берега Палестины, лежат страны Киликия и Финикия, из которых каждая выражает понятие Угла (по-египетски *Килик*, по-еврейски *Фене*); а обе вместе образуют Угол залива, через который проходит великая разделительная черта Востока и Запада.

И еще раз — в самом Египте, согласно повествованию Книги Бытия (а Моисей, следует помнить, был по меньшей мере сведущ в египетском предании), мы находим среди потомков Хама племя Патрусим, что на том языке означает Пределы Угла (*Пат-Роис*) и связывает их с теми князьями Угла, которые, как мы видели, составляли неотъемлемую часть двора фараона.

Что же это за угол, столь высочайшей важности, что он служит символом великого Божества и дает имя княжеским народам земли? О весьма важной роли, которую играет отношение между Углом и Кругом в строении Великой пирамиды, мы уже говорили; но есть еще иной Угол, который остается рассмотреть, а именно —

угол между двумя рукавами Дельты, на которые река разветвляется у Мемфиса, ниже Великого Дома. Этот Угол дает простой ключ к весьма любопытной задаче космографии. Рассматривая известное тройное деление древнего мира, довольно трудно уразуметь, по какому началу оно было произведено. Россию даже ныне едва ли можно считать частью собственно Европы — ни по племени, ни по строению земли; а как Скифию ее, по-видимому, почитали чем-то совершенно отдельным. Малая Азия, напротив, имеет береговую линию, почти непрерывно продолжающую берег Греции; и население ее, по крайней мере на побережье, по-видимому, в значительной мере произошло из родственных источников. Нелегко найти и ту средоточную точку, от которой расходятся три разделительные линии. Она не может, например, лежать в Вавилонии, куда иные склонны были бы ее поместить, потому что Сирия лежит к западу от нее; не может она лежать и в Армении, где стали бы искать ее другие, так как эту страну отделяет от Африки немалое пространство. Если же мы встанем перед Великим Домом в Мемфисе, масонской летописью первобытной науки, вход которого указывает главное деление вселенской сферы, и окинем взором великую реку, которую мы видели отображенной внутри, то найдем, что форма, какую река принимает в этом месте, подсказывает три деления всего полушария. Позади нас, к югу, тянется длинная долина, ведущая вверх к сокровенным истокам далекой первобытной земли; она указывает на огромный полуостров Африки, заключенный между морями и образующий также южную границу обширного Средиземноморского бассейна. И прямо вдоль этой долины, выше Великого Дома, через все царство Верхнего Египта, простирается Великий Меридиан, очерчивающий на земле Великий Свод Вселенной и проходящий

через их древнюю родину под верховным куполом высочайшего неба. Далее, если линии северной развилки продолжить бесконечно, то к востоку от самого восточного рукава лежит материк Азии; к западу от самого западного — собственно Европа. Наконец, между ногами этого господствующего над землею Угла лежит знаменитое царство Нижнего Египта с князьями Угла; на побережье за ним — Киликия, земля Угла; а еще далее, но все так же между ногами того же Угла, простирается необъятная равнина Скифии, разделяющая и вместе соединяющая Восток и Запад. На южных окраинах этой равнины, на берегу Черного моря, согласно древним преданиям наших саг, имели свое пиратское гнездо предки Одина и того мореходного народа, который и поныне носит гордое имя англов. И весьма примечательно, что та же сага не раз упоминает, что граница Востока и Запада проходит близ их древнего города на Черном море, и называет их соседями племя ванов, чье имя часто встречается на древних памятниках и доныне сохраняется в армянском озере, лежащем у этой пограничной черты.



Великий Угол дельты Нила, Источник Жизни, в Треугольнике Египта

Странно также видеть, что едва летописям наших предков дают говорить об их собственной истории — летописям, попутно подтвержденным и классическими историками, такими как Флор, и древними памятниками, — как через самое имя нашего народа,

связанное с широко распространенным символом египетского Угла, открывается проблеск еще более глубокой древности; и поток света изливается на наши слова и обычаи, стоит лишь обратиться к египетским источникам. Так, привычное имя «викинг», которому не найдено никакого значения, по-египетски означает обитателя Угла, то есть англичанина; и оба слова, из которых оно сложено, доныне сохраняются в английском как «wick» — место, и «kink» — изгиб. Также и «берсерк», другое хорошо известное, но непонятное прозвание, означает на этом древнем языке «плуг пены» — образ яркий и самый естественный для этих пахарей океана, вполне согласный с многочисленными поэтическими именами, которые викинги давали своему истинному дому — кораблю. Сам Один, хотя и был потомком предков, поколениями живших на Понте Эвксинском, носил египетское имя — многозначительное имя Разрушителя; а его знамя, ворон, было египетским символом разрушения. И не только как пират* (а это и само египетское слово), но и как учитель он связывается тем же источником. По преданию, он в некоторой мере знал искусство бальзамирования и притязал на знание тайны священного письма, а его последователи отличались крылатым головным убором, какой носил священный писец Египта в знак владычества над востоком и западом, дарованного Ра Тоту, Владыке Мудрости. Так же и с погребальными пирами, с замысловатыми обрядами и общением с мертвыми, которые столь глубоко укоренились в сердцах наших скандинавских праотцев. Асары, или святые предки, которым они поклонялись, были точным подобием, и по имени, и по свойствам, святых душ Египта, соединившихся с Осирисом (правильнее — Уасаром) и потому сами называвшихся его именем. Титул херсира, или Предводителя Воинства, который, как указал Дю Шайю в

своем ценном труде, древнее титула короля, имеет в иероглифическом письме (*Хер-сер*) то же самое значение — Главный Устроитель. Земля Кент (Хент)[†] была областью святых мертвых, и иероглифом ее был парус. Да что там, едва ли найдется в странной мифологии Скандинавии черта, которая не отражала бы, в образе более или менее искаженном, ту или иную часть египетского Ритуала. Или, чтобы привести лишь еще один пример, иного рода, но столь же любопытный: наш народный клич «Гип, гип, ура!», который сам собой, хоть и без всякого смысла, срывается с наших уст и который, говорят, есть также клич казаков, живущих близ нашей древней родины на Черном море, на иероглифическом языке (*Хеп, хеп, хура*) значит «Вперед, вперед, на грабеж» — многозначительный клич наших предков-пиратов в миг свершения. Но страннее всего думать о том, что последнее из Сокровенных мест земли, открывшееся цивилизованному человеку, оказалось, по преданию, местом его древнейшего жилища; что исток исторической реки, которая своим могучим Углом очерчивает линии первого заселения земного шара, ныне стал средоточием его новейшего раздела, производимого народом англов, делящим мир; и что, в то время как огромное озеро, отмечающее древнюю «вершину земли», носит имя монархини этого народа, само египетское царство управляется по указке ее министров.

---

[*] Некоторые этимологи странным образом производят это слово от греческого πειράω — «пытаться», как будто пират из всех людей на свете — тот, кто бросает свое дело на полдороге.

[†] Пьерре в своем «Иероглифическом словаре» указывает, что *хент* всегда означает подниматься по Нилу к югу и что парус при этом всегда распущен; так это и соответствует, на Пути Света, восхождению Просветленного по Орбите под распущенным парусом небесного свода.

Правда, эти предания, как и предания других народов, совершенно расходятся с учением об «арийской расе» — построением новейшей науки, которое, словно блуждающий огонек, уводило историков далеко от твердой почвы. К счастью, однако, сам его создатель, профессор Макс Мюллер, как мы можем надеяться, положил этому учению конец: он начисто отверг перед Британской ассоциацией всякую действительность ее существования, решительно отклонил самую мысль о том, будто есть нечто вроде арийского черепа, и прямо заявил, что арийская раса — не более и не менее как вымысел ради филологического удобства. Ибо не прежде, чем угаснет последний отблеск этого обольстительного, но в высшей степени обманчивого метеора, будет дозволено древним летописям народов пролить свой истинный свет на прошлое. И не прежде того поймем мы наши собственные законы и язык, наши обычаи и государственное устройство или проследим историю того Имперского народа вод, который увековечивает имя священного Угла. И поистине ни одно царство не обладало еще более романтической историей в прошлом и не достигало положения, более захватывающего или более опасного в своем первенстве, чем то, какое занимает сегодня Англия, стоящая в средоточной земле высочайшей древности, с руками, простертыми во все концы земного шара, — одинокая фигура повелительного величия, но нерешительная в политике, с неохраняемыми границами и почти безоружная для обороны, меж тем как ее окружают кипящие народы, считающие свои воинства миллионами, и она беспечно внимает глухому ропоту всеобщей войны.

ГЛАВА III

СОКРОВЕННЫЙ БОГ

✦

Глубоко в сердце какого-нибудь древнего леса нам порой встречается огромный седой валун; древностью своей он далеко превосходит почтенные деревья, и весь его облик говорит о далекой земле и о минувших днях. Когда мы сидим на этой гранитной глыбе, а ветви колышутся высоко над нашими головами, тихий покой вокруг лишь углубляет наше изумление перед ее присутствием. Бессчетные века лежал здесь этот великий камень — недвижный, безжизненный, неизменный, — среди бесконечного движения меняющейся вокруг него жизни. Никакая человеческая сила не принесла эту громаду туда, где она лежит; никакой глаз не проследит пути, по которому гнали ее силы природы. И лишь тогда, когда мы проследим могучие перемены и потрясения, которые претерпел весь наш земной шар в глубинах времени, когда оглянемся далеко назад, за пределы самого раннего посева этого леса, в те дни, когда окрестная страна на сотни миль была дном необъятного океана и айсберги несли по нему огромные скалы, оторванные от его скованных льдом берегов, — лишь тогда сможем мы понять, как очутился здесь этот первобытный камень.

Нечто подобное нередко можно различить и в религиозной вере и богослужении народа, когда предание или обычай

переживает потрясения и перемены столетий и остается прочно вросшим в народную жизнь, хотя всякий след его смысла давно погребен в прошлом. Большинство суеверий, вероятно, имело некогда понятный смысл, пусть даже смысл этот покоился на ошибочном веровании; но подобные пережитки отнюдь не обязаны своим существованием одному лишь суеверию. Кто, например, сумеет объяснить латинские названия псалмов в Молитвеннике Церкви Англии, не вернувшись более чем на триста пятьдесят лет назад, ко временам, когда Англия в общественном богослужении пользовалась тем же языком, что и весь остальной христианский мир? Так и в латинской мессе «Кирие элейсон» выдает свое родство с греческим, а слово «осанна» в службе Вербного воскресенья возвращает нас к еврейскому.

Но есть одно слово, которое звучит не по особому случаю, а за каждой службой, не раз и не два, а после каждого прошения, — не как часть молитвы, но как ее итог и печать. Если чужестранец постоит у закрытых дверей церкви, пока идет служба, то одно слово — и, вероятно, только одно — он услышит отчетливо, повторяемое вновь и вновь. «Аминь», «аминь», «аминь» — вот возглас, что раз за разом выкатывается наружу во всю мощь хора и молящихся. Это то слово, которым апостол обозначает безусловную природу Божества в сравнении с сотворенным веществом: «все обетования Божии в Нем „да“ и в Нем „аминь“». Это то имя, которым тайновидец Апокалипсиса в конце видения призывает пришествие своего Божественного Учителя: «Аминь. Ей, гряди, Господи Иисусе!» Это то имя, которое Учитель принимал Сам: «Истинно (аминь) говорю вам». И это то имя, которым египетские жрецы древности обращались к

сокровенному Божеству, — Амон, что по-египетски значит «Сокровенный».

Что бытие единого Бога было широко известно — по крайней мере некоторым кругам людей — среди народов древности, в этом едва ли может быть сомнение. У китайцев, по свидетельству виднейшего знатока, доктора Легга, слово *Ти* выражало то же понятие, какое мы выражаем словом «Бог»; и то, что самая ранняя династия китайских императоров приняла его как титул, вполне согласуется с древним верованием, будто монарх правит как представитель божества. Когда ученики Ману пришли к этому мудрецу просить наставления в той мудрости, что легла затем в основу индийского закона, они обратились к нему так: «Ибо ты один, о владыка, знаешь смысл (или обряды) и знание, преподанное во всем установлении Самосущего (Сваямбху), которое непознаваемо и непостижимо». И учитель их в ответе своем изложил начало Единого Несотворенного Бога, Подателя Света. «Божественный Самосущий, — сказал он, — неразличимый, но делающий различимыми стихии и все прочее, явился с творящей силой, рассеивая тьму».

И снова в «Махабхарате», самом раннем творении послеведийской словесности, перевод которой, как и законов Ману, дан в великолепной серии «Священных книг Востока» — долговечнейшем памятнике ее прославленному издателю, — подобное же учение приписано Вьясе: «В начале был Брахман, без начала и конца, нерожденный, светоносный, свободный от тления, неизменный, вечный, непостижимый, до конца непознаваемый».

Не менее ясны изречения некоторых греческих поэтов. «Един Самородный, от коего все произошло» — такова одна из строк, приписываемых знаменитому Орфею. «Богу все легко, ничто не

невозможно», — пел Лин, брат из того же светлого сонма. Более полное, но не менее точное описание дает Ксенофан:

Есть единый Бог, величайший средь богов и людей;
Не подобен он смертным ни образом, ни мыслью.
Весь он видит, весь слышит, весь он знает
И без труда своим разумом движет все.

Другой поэт, Клеанф, которого святой Павел приводит в своей знаменитой речи к афинянам, бьет в самый корень той замкнутости, что проистекала из отличительного начала древнего язычества, — будто божество не внемлет ничьим молитвам, кроме молитв собственных потомков, — ибо он провозглашает, что все люди суть потомство Бога и что, следовательно, право молиться Ему принадлежит всем:

О ты, преславный и бессмертный,
О многоименный, о Всемогущий,
Зевс, Владыка Природы, правящий всем по Закону,
Радуйся! Чтить тебя — право всех,
Ибо все мы от Тебя.

Даже римский ум, столь подслеповатый к миру невидимому, не был вовсе лишен проблеска этой истины, которой Гораций дал выражение, говоря о высшем божестве:

Того, от кого не рождается никто больше его самого;
И нет живущего, кто был бы равен ему или хотя бы вторым после него.

Но истины, что сверкают там и сям в учениях Индии, Китая или Греции, бледнеют и меркнут перед сиянием египетской теософии. Возьмем, к примеру, следующий отрывок, приводимый

господином Баджем из гимна Амону-Ра, сокровенному божеству, Самосущему Свету:

> «Слава тебе, Ра, Владыка Закона, чье святилище сокрыто; Владыка богов, бог Хепера (Самосущий Свет) в ладье своей; изречением (своего) Слова призвал он богов к бытию. Слава тебе, бог Атму (Свет), Творец смертных. Сколь ни многочисленны их образы, он дает им жизнь, он делает различным цвет одного человека и другого. Он слышит мольбы угнетенного; он милостив сердцем к тому, кто взывает к нему; он избавляет боящегося от сильного сердцем; он судит между могучим и слабым.
>
> О Образ, Единый, Творец всех вещей. О Единый, Единственный Создатель сущего. Люди вышли из двух очей его, боги возникли от изречения уст его. Он творит зеленую траву, чтобы жил скот, и хлеб насущный на (потребу) человеку. Он дает жить рыбе в реках, пернатой птице в небе; он дает дыхание жизни зародышу в яйце, он дает жить всякого рода птицам, а также гадам, что ползают и летают, он дает жить крысам в их норах и птицам, что на всякой зеленой ветке. Слава тебе, о творец всего этого, ты, Единственный».

Но не только единство было истиной о Божестве, ведомой жречеству Египта. По всему пространству царства — в Фивах, в Омбосе, в Тентире, в Мемфисе, в Анну (или Оне) — как высший почитался Триединый Бог, о котором, по-видимому, некоторое знание достигло и Греции: призываемый многими именами, но повсюду состоящий из трех лиц, единосущных и совечных. «Я Тму утром, — говорит Творец в известном месте, — Ра в полдень и Хармахис вечером»; то есть как рассвет, полдень и закат (которые означаются этими именами) суть три особых образа, вечно и равночестно сосуществующих в существе солнца, так и три божественных лица вечно и равночестно сосуществовали в

существе Несотворенного Света. Так, провозгласив священное Единство в самых решительных и ясных словах, уже приведенный гимн переходит к призыванию трех лиц по имени, но употребляет при этом единственное число для совокупной Троицы. «Он многообразен, — так продолжает гимн. — О Амон, утвердитель всех вещей, Атму и Хармахис, все люди поклоняются тебе, говоря: хвала тебе за то, что ты пребываешь среди нас, поклонение тебе за то, что ты сотворил нас. Все твари говорят тебе: слава, и все земли восхваляют тебя. С высоты неба, по широте земли и до глубин моря воздается тебе хвала».

Если бы, однако, Божественная Троица была единственной тайной «Ритуала», следовать за его символами было бы не столь уж трудно. Но за нею есть глубина таинства еще дальше — таинства тем большего, что оно явлено в видимом образе. Мы читаем в «Ритуале» о Боге воплощенном — и не только воплощенном, но страждущем и умирающем. Перед нами слезы Исиды и мука Осириса — мука столь сокрушительная, что боги, и люди, и самые бесы, говорит «Ритуал», объяты ужасом. Более того, не только признано двоякое действие одного и того же священного лица — как человека и как Бога, — но оно и воплощено в символике животных; точно так же как у христиан символ Агнца служит для Божественного Лица, а телец и орел — для евангелистов. Возьмем, к примеру, виньетку «Ритуала», изображающую воскресение Осириса, совершающееся в присутствии египетской Троицы. Человеческий образ, как высший из доступных, подобает верховной Троице; а чтобы изобразить низшую природу, или божественную человечность, необходимо взять существо пониже, чья отличительная черта указывала бы на черту изображаемого Божественного Лица. Таким существом была кошка, чьи глаза, меняющие форму,

подобно солнцу, с ходом дня, являли египтянину образ сияния света. И вот перед нами кошка, отсекающая голову змею тьмы в присутствии священной Троицы. И эта символика, когда первоначальный ее смысл был утрачен, — то есть когда познание Бога более не сохранялось в их науке, — естественно должна была породить почитание самих животных.

Не менее глубоким было отношение между Творцом и Его творениями, как на то указывает их известный символ сотворенной жизни, именуемый Анх*, или Священное Зеркало, в котором всякое великое божество вечно созерцает собственный образ, но которое редко сжимает в руке кто-либо, кроме Амона. Но как может вселенная быть изображена зеркалом, а если и может, то зачем небесным силам созерцать в нем свое отражение? Поскольку Египет дает лишь символ, но не выдает ключа к тайне, пусть великий Учитель средневековой философии возвестит нам это глубокое отношение, которое не меняется с течением веков. По учению Фомы Аквинского, вселенная существует двояко: во-первых, идеально — в уме Бога, и во-вторых, вещественно — вне Его, так что в творении Всемогущий созерцает Свой собственный ум, как в зеркале. Как драматург, прежде чем дать своим героям живое выражение, замышляет в собственном уме их облик, их лица, их поступки, страсти и условия жизни со всеми подробностями их окружения, и как творение его отражает образ ума автора, — так и в теософии Египта весь космос, объемлющий все пространство, все время и все порядки сотворенного бытия, отражал единую мысль в уме Творца.

* Иное значение — рыбацкий узел — в последнее время принято некоторыми знатоками; но форма узла существенно отличается от формы Анха, верхушка которого стоит прямо на стержне. И опять же: как мог бы рыбацкий узел стоять прямо на коленях богов? И если бы даже мог, то зачем?

Поэтому и сам человек имел «двойника», или соответствие, в Божественной Идее — священный «прообраз», праздник которого празднуется в «Ритуале» и который масонски выражен в нише Камеры Нового Рождения. Отсюда и происходило то, что идеальный двойник обладал такой божественной святостью и монарх приносил жертвы собственному двойнику. Ибо в мире умопостигаемом не менее, чем в мире механическом, выраженная форма всегда есть соответствие напечатлевшейся силы; тогда как, обратно, в мире механическом вещественная форма обязана своим бытием невещественной движущей силе. Ибо может ли какой-либо математик определить самую природу силы иначе, нежели как то, что приводит вещество в движение? Но если сила есть то, что приводит вещество в движение, то сама она не может быть вещественной, коль скоро истинен основной закон движения, гласящий, что вещество в покое остается в покое. Итак, если движения вещественной вселенной — а «Ритуал» непрестанно говорит именно о движениях небесных тел, а не только об их существовании, — не суть следствие невещественной силы, напечатлевающей себя на веществе, то все наше представление о динамике ложно с самого начала. И тогда сам разум становится насмешкой над разумом; ибо нет ни одного достижения инженера, ни одного предсказания астронома, ни одного приложения математики, которое не доказывало бы истинность начала, коренным образом ложного. Так, с другой стороны, ни один философ не может долго утверждать какую-либо субстанциальность, лежащую в основе явлений вокруг него, если не признает в них выражения творческой мысли, напечатлевающей себя на сотворенном веществе; и ни поэт, ни художник не может явить новые типы характера, если не наделен высшей силой воображения — способностью прозревать и

очерчивать неисчерпанные формы человеческой личности, в возможности существующие в едином творящем уме. Ибо гений есть сила давать форму возможностям.

В каком бы направлении ни следовать за египетской теософией, вещи времени всегда говорят о вечности, самосущее Божество всегда сокровенно отражено в своих творениях. Соответственно, всякое явление природы несло им соответствующее проявление божественной личности, и, по «Ритуалу», именно Божество, обитающее в душе, дает человеку силу постигать эти соотношения. «Я — восприятие, — читаем мы, — нетленная душа». В полуденном зное солнца они созерцали великолепие Ра; в его закате — смерть Осириса; в новом рассвете — его воскресение как воплощенного Гора; в пылающем огне — духа-творца Птаха; в стройных соразмерностях вселенной — Вечную Мудрость, Тота, «разум и волю Бога»; в звездной тверди, увенчанной Альционой и Плеядами (священным быком и сопровождающими его коровами), — неизреченную красоту Атор*, живой скинии священного Света.

* Правильно Хат-Хор, Дом Гора, Восставшего Бога Света.

Если теперь тщательно держать в уме крайнюю сложность этого сокровенного параллелизма и строгое подобие между мирами видимым и невидимым, составляющее основу всего государственного организма, нам нетрудно будет понять, сколь важное служение по отношению к Сокровенному Богу исполнял Дом Осириса. Если рассматривать их порознь, великие храмы Египта являют нам разнородное собрание всевозможных божеств, среди которых преобладает то солнце, то луна, то земля, то река, то орбита, то горизонт — без всякой видимой причины или цели; а «Ритуал» рассыпается в хаос обломков образов и уродливых

искажений астрономических понятий. Но, увиденная во внутреннем свете великого дома, где Путь Сокровенных мест отражает реку небесного света, великая храмовая система Египта открывается как органическое целое, исполненное простого величия, не недостойного ее несравненных святынь. Ибо поскольку главные места на вещественном Ниле представляли различные ступени на Пути Света, то естественно возникают и различные культы духов, исполняющих соответствующие служения, — примерно так же, как у нас вода Иордана особо освящена для таинства крещения. Так, в отношении Анну, божественного места рождения, постоянно упоминается новое рождение; Фивы особо связаны с Амоном, Сокровенным Богом; тогда как в Мемфисе ключом всего организма был сам Дом Осириса. И знание духов, обладающих особыми силами в этих местах, составляло видную часть «Ритуала» при подготовке посвящаемого к перенесению испытания.

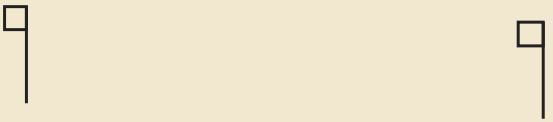
Будь дело иначе, будь подлинные предметы египетского поклонения грудой местных и ничем не связанных божеств, — тогда, поскольку образ правления был почти чистой теократией и власть монарха проистекала не только из его происхождения, но и из личного его единения с Ра, и поскольку ересь каралась отлучением и даже, как утверждает господин Масперо, смертью на костре, — было бы неизбежно, чтобы каждая новая династия, выходя то из Тиниса, то из Мемфиса, то из Фив, то из Саиса, вырывала с корнем религию, установленную предшественниками; и летописи Египта были бы так же полны религиозных раздоров и смуты, как летописи наших собственных Тюдоров. История, однако, доныне явила лишь один случай попытки со стороны царя ввести новшество в религию. Аменхотеп IV, женившийся на чужеземной царевне, принял титул

Ху-эн-Атон*, или «Просветленный Диска», — титул, который, как мы можем видеть, явно попирает «Ритуал», воплощенный, как мы видели, в каменной кладке. Ибо как диск солнца есть лишь видимая его поверхность, так и «диск» гробницы был лишь ее входными вратами, которые поднимал Шу (Свет), «когда солнце заходит из мира жизни»; и потому поместить просветление в эту точку значило пренебречь всеми ступенями — соискателя, посвященного и адепта — и разрушить самые существенные условия просветления. Точно так же и выражение «Живущий в Истине», которое, как указывает господин Питри, постоянно употреблял Хуэнатон, означает, будучи отнесено к диску, то же самое приземленное понятие, ибо подставляет вещественный и видимый предмет на место той Истины, которая в древнейшем богослужении была духовной, внутренней и незримой. И вот при следующем монархе, хотя слово «Атон» было сохранено, оскорбительный титул «Ху» тщательно истребляли.

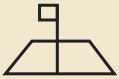
* Я принял перевод слова «Ху», данный господином Деверией в приведенном выше месте, поскольку иероглифы тождественны; но имя это, по мнению господина Флиндерса Питри, правильнее произносить «Ахенатон». Этот усердный исследователь в своем занимательном труде о Тель-эль-Амарне, месте дворца, построенного Хуэнатоном на рубеже Среднего и Верхнего Египта, обстоятельно подтвердил то мнение, что целью монарха было поставить солнечный диск (Атон) предметом поклонения на место личного Божества — Ра, Сокровенного Бога и Несотворенного Света, Амона, — которому прежде поклонялись под различными символами. Эту попытку, равно как и различение диска и лучей, — которое, по его мнению, также ввел Хуэнатон, — господин Питри называет разительным шагом вперед в философской истине; хотя трудно понять, каким образом поклонение вещественному предмету вместо Личного и Незримого Бога может философски считаться шагом вперед.

Итак, в масонской летописи — Доме Осириса — мы имеем ключ ко всему государственно-религиозному устроению страны: ключ, который никто не мог подделать, никто не мог изменить, никто не мог уничтожить; который ни один человек не мог постичь, не

будучи посвященным, и ни один не мог забыть или истолковать превратно, однажды получив просветление. Соответственно, в этой кладке мы находим первообразы многих мистических символов, которыми жрецы выражали божественную и царскую власть так, чтобы она была понятна тем и только тем, кто был посвящен масонски. Так, если мы начертим желоб орбиты в Камере Сияния со «Стеной Земли» у северного конца, отделяющей Орбиту от Тени, мы получим иероглиф орбиты — «*сеннен*», тождественный картушу , который окружает титулы монарха. Этот знакомый символ, с помощью которого Шампольон впервые угадал тайну письма, есть, следовательно, не что иное, как масонский знак, означающий, что пределом царской власти служит не окружность земли, а несравненно более обширная орбита земли; и тем самым указывающий (поскольку орбита подразумевает обновление из века в век) ее долговечность не менее, чем ее всеобщность. Далее, если мы изобразим течение небесного Нила лучами, начертанными на потолке той же камеры,  мы получим иероглиф реки, тогда как прямая линия пола, нисходящая от трона, дает его иератическое соответствие. Так, если мы начертим великий трон в Чертоге Истины с центральной линией света, уходящей вниз, в глубины скалы, на которой он построен, — «Трон и ось», — мы получим иероглиф, обозначающий святость, — *нутер*, «Святой»; а если добавим к нему нижнюю часть здания, область посвящения, получится иероглиф области святых умерших — «Место Святых Умерших».



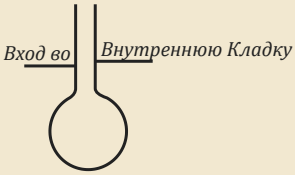
Слева — Трон и ось; справа — Нутер, Святой



Место Святых Умерших

Далее, предположим, что мы изображаем то же место изнутри, начертив Колодец, где возрожденная душа вновь соединяется с соискателем, — «Колодец Жизни, Место Посвящения», — вместе с линией, где внутренняя кладка граничит с природной скалой, сквозь которую снизу совершается вход, или посвящение, во внутреннюю кладку, — «Вход во Внутреннюю Кладку», — вход, непроходимый для соискателя, пока душа не возвращена ему. Затем, если мы обозначим образ самого Колодца, сияющего в собственных живых, но невидимых водах, каким видит его душа сверху, — подобно тому как Творец взирает сверху на Свой собственный образ во вселенной, — мы получим символ «Анх», или зеркало жизни, — «Анх, Символ Сотворенной Жизни». Так, если мы изобразим нисхождение, которое проходит посвящаемый от устья Колодца до Отверстия в Камеру Огненного Испытания, — «Отверстие из Колодца Жизни в Камеру Божественного Огня», — мы получим Скипетр Птаха, Духа Божественного Огня. И если мы изобразим коридор горизонта вместе с кладкой входа — «Коридор Полярной звезды», — мы получим скипетр Анупа, вожатого души. Порой все иероглифическое имя получает если не происхождение, то по меньшей мере пояснение из того же пирамидального источника; как, например, имя Хапи, лучезарного стража Нила. Ибо если мы начертим Великий Свод высшей камеры, отображающий Великий Свод вселенной, престол этого светоносного духа, мы получим начальный знак этого слова. А если добавим Входные Врата (увенчанные, в свою очередь, Двойным Сводом) вместе с прорезанной линией в Коридоре

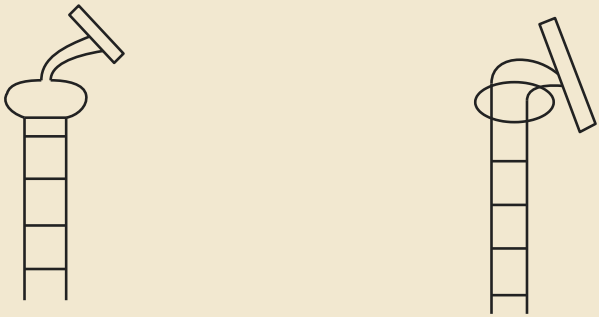
Горизонта, указующей вниз, к основанию скалы, мы получим полный набор иероглифов, составляющих его имя,  и тем самым масонски обозначим его служение как хранителя скалы, устья и источника Реки Света.



Колодец Жизни, Место Посвящения



Анх, Символ Сотворенной Жизни



Слева — Скипетр Птаха, Духа Божественного Огня; справа — Отверстие из Колодца Жизни в Камеру Божественного Огня



Слева — Коридор Полярной звезды; справа — Скипетр Анупа

Но несравненно важнейшее выражение этих истин заключено в календаре, или повторяющемся ряде празднеств, который отражал на земле ликования неба и полное понимание которого было одной из слав, уготованных в «Ритуале» Просветленному. Посредством этого календаря «Наставники Тайн Небес» согласовывали не только государственную, но и общественную жизнь народа с теософией Света; а через его масонское выражение божественные проявления и личные свойства Сокровенного Божества одновременно сообщались наставленным и ограждались от непосвященных. Именно их чувству божественной личности — гораздо вероятнее, чем какому-либо искусственному притязанию на мнимую исключительность, которая, по-видимому, вовсе не существовала на деле, — можно приписать тайну, окутывавшую их религию. Ибо тайна для Бога есть лишь то же, что уединенность для человека, и чувство это у нас углубляется с углублением близости. И хотя триста лет непрерывных препирательств о сокровенных истинах, глубже всего затрагивающих сердце и ум, во многом огрубили и притупили наше духовное чувство, душа все еще отвергает, как самое непростительное оскорбление, осквернение пошлым прикосновением.

Ибо признаем мы это или нет, источники всего нашего бытия сокрыты. От тьмы чрева до тьмы гроба исток каждого нашего

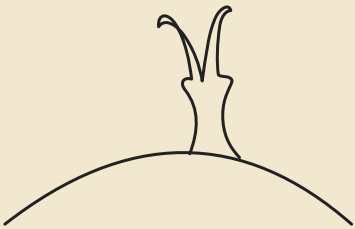
действия скрыт от нас покровом. Тайна — начало; тайна — конец; тайна — все тело нашей жизни. Мы не можем ни дышать, ни спать, ни есть, ни двигаться, а тем более мыслить или говорить, не пользуясь силами, для нас непостижимыми, посредством процессов, для нас неисследимых. Кто столь невежествен, чтобы не знать этого; кто столь учен, чтобы сделать это ясным? Могущественнейшая и сокровеннейшая из всех — та страсть, что становится тем молчаливее, чем она долговечнее, страсть, которая владеет разом и чувствами, и духом: верховная тайна Любви.

Но Любовь была не кем иным, как Сокровенным Богом. В Греции, куда некоторые лучи египетской мудрости проникали с яркостью, в какой было отказано более далеким землям, эта истина не была неведома. Любовь была третьей в Троице Гесиода. И у Парменида мы читаем, как «раздор проник в глубочайшие места; но в средоточии недвижно стоит Любовь». Но в учении Египта любовь Творца, столь явная в возвышенном гимне, приведенном выше, есть движущая сила вселенной, сокровенная энергия Света. «Я — Разлив», — говорит Творец в «Ритуале», — полнота Потока Жизни. И еще: «Я — Источник Радости», неисчерпаемый родник блаженства для души. Весьма замечателен также намек, встречающийся в другом гимне Амону, где говорится о венце просветления, или венце «*атеф*» монархов — «„*Атеф*“, Венец Высшего Света, Венец Просветленного в Пылающем Круге Орбиты», — созданном по образу того света, что порой венчает Зодиак, Пылающий Круг высшего неба, перед летним рассветом, — «Свет Высшего Неба, Венец Пылающего Круга Зодиака». Этот венец, как мы узнаем из «Ритуала», возлагался на голову просветленного, когда он совершал «прохождение солнца» в восхождении по «орбите»; и гимн

возвещает, что «к северу и к югу от этого венца — Любовь». Так, когда Просветленный в масонском Свете, взойдя по Камере Орбиты, стоял перед троном у ее верхнего конца, к северу и к югу от него была Любовь: к северу — Любовь, явленная в звездном вожатом, что привел его к познанию истины во всем ее великолепии, а впереди — Любовь, сокрытая в высотах неба, в Сокровенных местах Сокровенного Бога.



«Атеф», Венец Высшего Света, Венец Просветленного в Пылающем Круге Орбиты



Свет Высшего Неба, Венец Пылающего Круга Зодиака

ГЛАВА IV

ТАЙНА НЕБЕС

✦

Из всех природных образов, знакомых уму, нет ни более лучезарного, ни более спокойного, чем образ катящегося года, что вечно кружит у подножия Бога. Даже среди туч и тумана простой бой часов — этой летописи движения планет — напоминает нам, как тесны пределы окружающего мрака и как тусклая земля у нас под ногами в тот самый миг, когда мы на нее смотрим, сияет своим далеким спутникам на полях света. И пока эта блистающая орбита ткется оборот за оборотом в неизменной красоте, вокруг нее, подобно золотым змеям, обвиваются цикл за циклом вековые периоды и перекидываются через бездны времени годами Всевышнего.

Такая система стройных периодов и выверенных промежутков, отвечающих мерилам всеобщим, а не произвольным, была естественной и даже необходимой частью теософии жречества, чье религиозное учение было намеренно скрыто под покровом астрономических подобий. Поэтому, исследуя астрономическую науку «Учителей тайн небес»,* если воспользоваться официальным титулом, бывшим в ходу при дворе фараона, мы не без основания можем надеяться проследить происхождение и смысл различных привычных мер, которые повсюду в употреблении, но коренной замысел которых неизвестен. И в этом

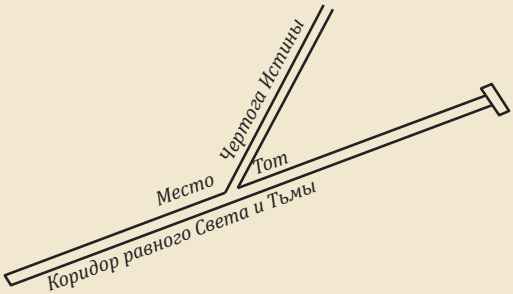
мы не будем вовсе разочарованы; а обыденные единицы времени и пространства вдруг приобретут живой интерес, когда мы увидим, что они не плод какого-либо произвольного установления, пусть даже остроумного, но порождения всеобщих созвучий и представляют собою, так сказать, доли и такты музыки сфер.

---

[*] Большинством изложенных здесь сведений о египетской астрономии я обязан бесценным изысканиям безвременно ушедшего доктора Бругша о календаре, а его «Истории» — цитатами из папирусов и упоминаниями обычаев страны.

Что Луна была священным и, по крайней мере в ранние времена, тайным мерилом египетской науки, в этом едва ли есть сомнение. Тот, великий Владыка Мудрости и Меры, божественный летописец, перед которым стояли Весы Правосудия, где взвешивались свет и тьма нравственной жизни человека, был владыкой не Солнца, а Луны; и этому последнему светилу мы обязаны нашими основными мерилами как пространства, так и времени, в чем легко убедиться, если всегда помнить, что речь идет о мерах приближенных и о «средних», то есть усредненных, движениях. Ведь положение небесного тела для наблюдателя на поверхности Земли, вообще говоря, не таково, каким оно было бы, если бы он стоял в ее центре, который служит главной точкой отсчета в астрономии. Эту разницу, или параллакс, поэтому всегда нужно принимать в расчет; и для Луны, стоящей на горизонте, она оказывается около[†] трехсот шестидесятой части небесного круга, то есть градуса; а значит, и обратно: основная мера круга дается разницей между видимым положением восходящей Луны в любом месте для наблюдателя на поверхности Земли и тем положением, в котором она явилась бы в тот же миг наблюдателю, стоящему в центре Земли.

† Недостает до него без малого трех (дуговых) минут, то есть немногим меньше семитысячной доли окружности.



Весы перед Тотом

Столь же проста и основная мера времени, а именно час — срок, за который Луна на своей орбите, по отношению к Солнцу, проходит расстояние, равное собственному диску; и эта мера была в Египте особо священной: каждый из двадцати четырех часов, протекающих за одно вращение* Земли, был посвящен своему особому божеству — двенадцать часов света и двенадцать тьмы. «Изъясни Бога в Часе» — таково требование к адепту в Чертоге Оправдания. И Богом в Часе, как мы узнаем, был Тот, Владыка Луны и «Счислитель Земли».

* Слово «вращение» в этой книге всегда означает движение тела вокруг собственной оси, а «обращение» — его движение вокруг другого тела.

Подобное же примечательное соотношение существует между лунным периодом и восходами звезд, и египетские астрономы пользовались им тоже. Ибо если на видимое положение Солнца относительно остального неба движение Земли по орбите оказывает заметное действие, то в отношении звезд расстояния столь огромны, что орбита Земли сжимается до ничтожества. Поэтому время между двумя последовательными восходами

одной и той же звезды в данном месте в среднем будет немного короче, чем между двумя последовательными восходами Солнца в том же месте: ведь в первом случае оно зависит лишь от полного оборота этого места вокруг центра Земли, тогда как во втором нужно учесть еще и перемещение самого центра Земли за этот промежуток. Разница эта составляет в среднем около четырех минут в сутки и, следовательно, за пятнадцать дней достигает часа. И вот, как мы узнаем из весьма любопытной статьи профессора Ренуфа о календаре XIX династии, наблюдения звезд производились каждый пятнадцатый день, и тем самым звездный период связывался с лунным периодом часа.

Далее, промежуток, который в среднем проходит между мгновениями, когда Луна раз за разом становится полной (всегда по отношению к данному месту, например к Мемфису), то есть лунный месяц, или «лунация», составляет около двадцати девяти с половиной солнечных суток. Возьмем же за единицу времени тридцать таких солнечных суток; тогда каждый лунный месяц будет недотягивать до этого срока на полсуток, или на одну шестидесятую часть, а лунный год из двенадцати таких периодов — на шесть суток, так что все меры окажутся соразмерны. Вот здесь и лежит ключ к весьма своеобразному согласованию лунных движений с солнечными месяцами (всегда по тридцать солнечных суток), на которое доктор Бругш указал в Таблице Эдфу; она была обнародована во дни Птолемеев, но, по-видимому, ни разу — пока правил царь из своих. В первый день праздновалось «зачатие Луны», когда это светило стояло на меридиане в полдень (оставаясь еще невидимым для наблюдателя), — тонкость, неведомая нашему календарю; во второй день — ее рождение, или первое появление, и так далее на протяжении всего тридцатидневного месяца. Поэтому в первом месяце лунные

промежутки, разумеется, более или менее точно совпадали с солнечными сутками. Но хотя оба ряда все дальше расходились, лунные имена оставались прикреплены к тем же солнечным дням. Так, первый день каждого солнечного месяца звался зачатием Луны, а второй — новолунием, хотя ни то ни другое явление могло не прийтись и близко к этому времени, — способ выражения, требовавший, по-видимому, двойной записи, простой для тех, кто держал в руках нить, но для чужака безнадежно обманчивый.

Обращаясь теперь к движениям нашей собственной планеты, мы находим, как показал доктор Бругш, что египетское деление солнечного, или, вернее, земного, года основывалось на знании о трехстах шестидесяти пяти с четвертью оборотах, которые Земля совершает вокруг оси, завершая (приблизительно) одно обращение вокруг Солнца, — причем каждый четвертый, или «великий», год вставлялся добавочный день. Но такой взгляд на дело порожден нашей собственной неряшливой манерой выражать астрономические понятия и привычкой пользоваться языком, в котором воплощены смутные и сбивающие с толку представления греков; и он вовсе не воздает должного египетской точности. Истина же в том, что отдельный год, или обращение Земли, не отмечен никаким космическим, всеобщим соответствием. Лишь на четвертый, или «великий», год, как его называли, устанавливается гармония: вращательное и обращательное движения завершаются одновременно (или почти одновременно); а в то же время само Солнце, увлекая за собою всю планетную систему, проходит дугу своей собственной могучей орбиты, примерно равную всему кругу пути Земли. Соответственно каждый год, по-видимому, включал в себя (как это и есть в действительности) триста шестьдесят шестой день.

Но если строго держаться факта, последний солнечный день старого года был тождествен первому дню нового — дню «завершения-начала»; кроме каждого четвертого, или великого, года, когда обращение Земли завершалось одновременно или почти одновременно с вращением и оба праздника разделялись. Более того, поскольку четыре минуты (времени) в сутки за год складываются в то время, которое занимает полный оборот Земли вокруг оси, отсюда следует, что число таких оборотов, или звездных суток, в каждом году на единицу больше числа солнечных суток; разница же происходит оттого, что смещение Земли каждые двадцать четыре часа из-за ее движения по орбите приходится учитывать по отношению к Солнцу, но оно неощутимо в сравнении с расстоянием до звезд. Итак, описанным выше способом счета солнечные, или видимые, сутки приводятся в согласие с числом истинных оборотов Земли.

Таков был принцип, и каждый год поддавался делению на две части: одну составляла орбита в триста шестьдесят дней, до которой лунный год недотягивал ровно на столько же дней, на сколько солнечный ее превышал; другую — священный промежуток, или «панегирия», как называет его доктор Бругш, из шести дней, и каждый из них был праздником особой святости.

Эта орбита в триста шестьдесят дней сама, в свою очередь, делилась не только на двенадцать равных солнечных месяцев, но и на три равных времени года (каждое по сто двадцать дней), отвечавших, как показал доктор Бругш, трем великим природным частям египетского года: времени разлива («Се»), которое начиналось с подъемом Нила около новолуния, ближайшего к летнему солнцестоянию; времени зимы («Пир») и времени зноя («Сему»), более или менее соответствовавшему нашей весне. Поэтому в каждом году период в триста шестьдесят дней делился

либо на три равных времени года, по двенадцать декад дней в каждом, либо на двенадцать равных месяцев, по три декады дней в каждом; священный же промежуток относился ко всему этому периоду (одна шестидесятая) так же, как минута (дуги) относится к градусу, а избыточная четверть суток, на которой держалось все устройство, относилась к священному промежутку (одна двадцать четвертая) так же, как солнечный час к полным суткам.

Небезынтересно заметить и то, что хотя в порядке времен года, исправленном доктором Бругшем, их иероглифы не имеют никакого соответствия с природным годом (как полагал Шампольон) и потому кажутся произвольными и лишенными смысла, однако, обратившись к пути души в «Ритуале», мы находим, что они символизируют три последовательные ступени ее восхождения: поля Аалу , в которые она выходит из Камеры Нового Рождения; Ограду  Сокровенной Притолоки Правосудия — начало Оправдания; и исток Небесного Нила , где она получает венец Просветления.

Для обычных нужд и сравнительно коротких сроков счета по Великому циклу достаточно; но для долгих промежутков соответствие оказывается недостаточно точным: действительная разница каждый год недотягивает до четверти суток почти на двенадцать минут, то есть на пятую часть часа (без некоторого числа секунд). Но пятая часть часа, очевидно, за тридцать лет сама составит шесть часов, то есть четверть суток; и соответственно каждые тридцать лет мы встречаем в египетском календаре особый праздник, или Юбилей, — им поминался срок, за который, как говорят, была построена Пирамида Света. А за пятьсот лет — египетский Цикл Феникса — та же разница составит от четырех до пяти дней, то есть почти священный промежуток; так что если этот промежуток опустить, орбита наступающего года смыкается

с орбитой уходящего, и каждые пятьсот лет Феникс обновляет себя. Все эти циклы, следовательно, вращаются вокруг согласования четверти суток; и столь существенной частью всех календарных расчетов была эта четверть, что каждый четвертый год, если верить Гораполлону, праздник отмечали прибавлением четверти акра к земле, принадлежавшей храмам.

Из трех времен года время разлива было первым и главным; и половодье Нила проходило искрящимся потоком через всю религию страны. «Я — Разлив, — говорит Творец в шестьдесят четвертой главе, которая считается древнейшей в „Ритуале“, — Свет Второго Рождения». Каждая ступень ежегодного разлива животворящей реки была поводом для особого праздника. Незадолго до летнего солнцестояния первым признаком грядущего подъема служило то, что воды в Верхнем Египте окрашивались багрянцем. Об этом удивительном явлении, которое носит имя «Красного Нила», Геродот оставил прекрасный рассказ; и любопытно отметить, как пример глубокого согласия древних и нынешних путешественников, что его описание пространно приводит выдающийся ныне здравствующий египтолог профессор Масперо. Красный Нил замечателен во всех отношениях, но, быть может, ни в чем так, как в том, что воды в эту пору особенно сладки, тогда как при «Зеленом Ниле», как зовется другая пора, бывает наоборот. На первое состояние, в связи с солнцем середины лета, по-видимому, намекает «Око, наполненное кровью», упомянутое в «Ритуале»; а на второе — «нестерпимое зловоние», произведенное Осирисом в реке. Около времени, соответствующего нашему июлю, воды начинают подниматься; и тогда праздновалось «Плавание Ладьи Ра» вместе с днем рождения Осириса. Несколько дней спустя проходило великое Собрание у Нилометра, или священного «Тат», — самого

чтимого символа их культа; и делалось первое возвещение о подъеме. К середине августа совершалось прорытие Великой Плотины, через которое поднявшийся поток мог разлиться по частным каналам, — обряд, известный в более поздние времена как «Бракосочетание Нила», а древнему миру — как праздник «Вскапывания Земли». Словом, не меньшая святость окружала всякую пору этого потока жизни, чем сам «Небесный Нил», образом и подобием которого была земная река.

Теперь, быть может, будет небезынтересно и небесполезно на минуту сравнить систему Египта с нашим високосным годом, которым мы, в сущности, обязаны этой стране через астронома Сосигена, выписанного Юлием Цезарем из Александрии, чтобы хоть отчасти исправить путаницу римского календаря. Этот знаменитый грек, по-видимому, исполнил свою задачу так, как нередко исполняют переделку. Он мало вникал — а быть может, и мало знал — в астрономическое начало, на котором стоял египетский счет, и вовсе не касался тонкостей дальнейшего согласования, которых этот счет требовал; и в самом деле, не прошло и полувека, как его собственные поправки сами потребовали поправок. Он не обращал внимания ни на мерило, ни на меру, ни на орбиту, ни на священный промежуток. Сперва он разделил год на двенадцать неравных частей, не связанных ни с какой небесной мерой, — и эти части носили, правда, имя Луны, но сама Луна, великая измерительница, никак с ними не согласовывалась. А потом он приставил «лишний день» к «лишнему месяцу», почти не заботясь о том, согласуется ли это с небом.

И разница между египетским и чужеземным обращением с календарем не случайна и не маловажна. Напротив, она подсказывает ключ к его употреблению в древней стране как

великого политико-религиозного орудия, посредством которого общественный уклад народа согласовывался с теософией жречества. У нынешних народов единственной желанной целью, по-видимому, служит однообразие повторений — чтобы всячески облегчить устройство дел или удовольствий и заключить в строжайшие пределы ничтожный срок, отведенный жизни грядущей. Поэтому всякая система, нарушающая заведенный порядок, — особенно если она связана, как в Древнем Египте, с поминовением священных событий, — вызывает куда больше нетерпения, чем восхищения. А различные поправки календаря, по-видимому, считаются чем-то вроде обрезков и остатков времени, раскиданных Солнцем и Луной по небу, которые остроумному астроному вроде Сосигена надлежит свернуть и аккуратно убрать.

Совсем непохож на этот узкий и неблагодарный дух был радостный нрав, с которым египетские «Учители тайн небес» взирали на эти священные промежутки. Во всей символике этой страны жизнь была средоточием, окружностью, полнотою блага. Жизнь была скипетром в руке Амона; жизнь была богатейшим «даром Осириса». «Не будь неблагодарен к Творцу твоему, — говорит мудрец Птахотеп в том, что, быть может, является древнейшим из дошедших до нас памятников, — ибо Он дал тебе жизнь». «Я — Источник Света, — говорит Творец в „Ритуале“. — Я пронзаю тьму. Я делаю ясным путь для всех; Владыка Радости». Поэтому эти промежутки принимались с благодарностью как своего рода передышка, когда время, подобно Солнцу в дни солнцестояния, как будто ненадолго замирает, и человек, подобно бессмертным, мог наслаждаться сокровищем жизни, не умаляя его. Соответственно панегирия, или время хвалы, разделявшая, а вернее, соединявшая год с годом, приходилась не на мрак зимы,

как у нас, а на самую высоту и жар лета — на пору одновременно свершения и обновления, когда Солнце было в полной силе, а воды Нила, поднимаясь, начинали обновлять свои животворные разливы. В первый день священного промежутка непрерывной хвалы праздновалось рождение Осириса, Владыки Света, Первоначального Двигателя Творения. Во второй — Гора, Бога от Бога, Света от Света, первенца творения, по выражению египетского «Ритуала». В третий — Себа, Творца-Духа земли. В четвертый — Исиды, с ее двойным, человеческим и божественным, материнством. В пятый — Нейт, из чьей божественной личности хлынул поток жизни вечной, той, что «давала каждой мумии питье, которого та жаждала, дабы душа ее не разлучалась с нею более вовеки». А в шестой день праздновался праздник «Хеп-Теп» — венчающее торжество Завершения-Начала.

Такова была симфония света и радости, которой для египтянина предварялся сияющий год; и таково же было ее масонское выражение, в котором звучал полный диапазон лунной и солнечной, земной и небесной, временной и духовной гармонии. Как лунная Камера Нового Рождения, Обитель Исиды, «Матери Бога» и «Царицы Пирамиды», была изначально замурована и потому составляла трижды сокрытую и самую тайную часть Сокровенных мест, так и в восточной лестнице этой камеры мы, по-видимому, обнаруживаем самый тайный масонский ключ как к астрономической форме, так и к духовному смыслу — к внешнему и к внутреннему свету. Ибо в ее пятиступенчатом восхождении мы имеем соотношение движения Луны с Солнцем — в пяти градусах, на которые Луна каждый месяц поднимается над эклиптикой и опускается под нее. Далее, поскольку священная четверть суток, которой вращение Земли согласовывалось с ее обращением,

превышает истинный срок (почти точно) на двенадцать минут, то за пять лет этот годовой избыток составит (5 × 12 =) 60 минут — лунную меру часа. И так мы читаем в «Ритуале» о «Камере Часа в Русте» — области и смерти, и рождения. В той же лестнице, вокруг ниши, или «образа», в котором формируется возрожденная душа, — образа Царицы Пирамиды, — мы имеем пятикратное возрождение чувств; и в ней же мы можем узнать, в таком виде, чтобы сохранить, но не выдать этот трижды сокрытый масонский ключ, двойной престол Исиды и Осириса, указывающий, быть может, на еще более тайную лестницу внутри.



Престолы Исиды и Осириса

Но и этим не исчерпывается полнота этого плодоносного символа: он дает ключ и за пределами собственного углубления и связывает Камеру Нового Рождения с лунно-солнечной Камерой Орбиты, точно так же как само Новое Рождение связывает Русту с Аалу — место посвящения с местом просветления. Так в том же восхождении в Камере Божественного Рождения мы имеем пять божественных дней рождения, составляющих священный промежуток солнечного года. Непосредственно над ними — великий престол, венчающий лунную камеру и масонски выражающий египетский «Хеп-Теп», или венчающий праздник Завершения-Начала; ибо камера, над которой он возвышается, представляет область и Смерти, и Рождения — «Завершение-Начало» смертного Бессмертия. Нависающими уступами свода образованы тридцать шесть лучей, или выемок, отмечающих тридцать шесть декад лунно-солнечной орбиты. Южная стена,

наклоненная примерно на один градус к северу, указывает на северную границу пояса зодиака, нижняя линия нависающей стены — на его южную границу, а между ними лежат семь планетных пространств, и по пространству, соответствующему Земле, проходит желоб лунно-солнечной орбиты.

Еще и другие свидетельства отношений между нашей планетой и ее светоносной помощницей, когда они вместе описывают дважды расчерченную Орбиту Света, можно найти в этой необычайной Камере Сияния. Как стена тайно указывает на северную, а наклонный пол — на южную границу Огненного Круга Зодиака (около 89° и 152° северного полярного расстояния соответственно), так и наклон свода к горизонтальному коридору (около 28° 30′) тайно определяет предельный наклон лунной орбиты (около 28° 30′) к священной плоскости равноденствия. А пятьдесят шесть камней боковых пандусов, по двадцать восемь с каждой стороны галереи, дают масонское выражение пятидесяти шести сменам света и тьмы, которые приблизительно совершаются за период вращения Луны, — двадцати восьми восхождения и двадцати восьми нисхождения; двойное положение камней, частью горизонтальное, частью наклонное, отвечает двойному притяжению Луны к Земле и к Солнцу, а отверстия в их середине с крестами, высеченными над ними, указывают прохождения Луны через Великий Меридиан Дома Осириса.

Возвращаясь еще раз к календарю, ясно, что система, сочетающая столь дивную гармонию с такой совершенной простотой, никогда не могла бы быть построена без некоторой определенной отправной точки во времени — Великой Эпохи, безусловно отмеченной каким-либо редким сочетанием небесных тел, которое наступает лишь через долгие и четко отмеренные

промежутки. Такой промежуток дает знаменитый Цикл Сотиса, глубоко древний в Египте и свойственный только этой стране; его принцип, зависящий от соотношения скоростей вращения и обращения Земли, далеко не всегда понимали до конца.* Поскольку средний промежуток между двумя последовательными восходами данной звезды в данном месте определяется лишь периодом вращения Земли, тогда как для Солнца нужно прибавить около четырех минут из-за ее обращательного движения по орбите за этот срок, отсюда, как мы видели, следует, что звезда будет в среднем восходить в этом месте каждый день примерно на четыре минуты раньше, обходя весь круг двадцати четырех часов за год. Следовательно, в каждом году будет один день, когда эта звезда взойдет в этом месте «гелиакически», то есть ровно настолько раньше зари, чтобы на несколько мгновений показаться на горизонте, прежде чем исчезнуть в нарастающем сиянии. Положение звезды относительно Земли и Солнца в миг гелиакического восхода мы можем назвать ее Востоком; а когда это положение совпадает с летним солнцестоянием, мы можем обозначить его как Великий Восток звезды.

* Например, знаменитым ученым Скалигером, чье заблуждение разоблачил оксфордский астроном профессор Гривс в 1640 году.

Число градусов, на которое Солнце опущено под горизонт при гелиакическом восходе звезды, не определено окончательно и несколько меняется от местности к местности; но обычно принимают, что звезда теряется в заре, когда Солнце стоит на десять градусов ниже горизонта, так что это время приходится примерно за сорок минут до полного восхода Солнца.

Рассмотрим теперь промежуток между двумя такими восходами какой-нибудь определенной звезды; и для этого

выберем, подобно египтянам, Сириус, или Сотис, ярчайшее из далеких солнц, пламенеющего для нас стража огненных воинств пространства. Положим, что в некий определенный день (например, в день летнего солнцестояния) Сотис стоит на горизонте Мемфиса, когда Солнце на одиннадцать градусов ниже его, то есть на один градус ниже точки зари. В этот день Сотис взойдет гелиакически и останется видимым на горизонте около четырех минут (пока Земля поворачивается на один градус), после чего потеряется в занимающейся заре. В годовщину этого дня он снова будет на горизонте, когда Земля завершит свой 365-й оборот, то есть когда наша планета будет на четверть градуса менее продвинута по орбите, так как полное обращение занимает 365¼ оборота. А поскольку Земля поворачивается на четверть градуса за минуту (времени), соответствующий восход будет каждый год сдвигаться на минуту, а значит, на четыре минуты за каждый великий цикл. Но так как четыре минуты дают разницу в один день в первом появлении звезды, на каждый великий цикл придется разница в день в гелиакическом восходе звезды, и, следовательно, за 4 × 365¼ (то есть 1461) год будет пройдена вся орбита. Этот прекрасный цикл с его тетрахордом звездного света, что лишь блеснет на горизонте и тут же исчезает, теряясь в растущем сиянии, имел, судя по упоминаниям зари, свое духовное подобие в празднике «Образов», или божественных форм красоты, — когда усопший, воссозданный по образу божественному, во славе восставал из гроба и сиял какое-то время среди сонма звездных духов, прежде чем растворить свой блеск, но не свое бытие, в сиянии явленного Божества.

Из этого чрезвычайно важного цикла мы можем сделать некоторый вывод о Великой Эпохе египетского календаря, то есть о дате, когда кончилось одно лишь предание и начали храниться

систематические записи, устроенные на астрономических началах. Поскольку в течение цикла гелиакические восходы приходятся на каждый день всего года, в первой половине цикла они будут идти в одном направлении (относительно орбиты Земли), а во второй — в противоположном. А так как существует и соответствующий ряд заходов, подверженный такой же перемене направления, оба ряда в каждом цикле составят двойное обращение вспять, меняясь местами не один раз, а дважды. Поэтому когда Геродот в известном месте (Евтерпа, 143) рассказывает, как, согласно египетским записям, восходы и заходы четырежды выходили из своего порядка с тех пор, как начался их счет, — «восходы дважды становились на место заходов, а заходы дважды становились на место восходов», — смысл становится совершенно ясен, если отнести эти слова (как предлагает Роулинсон) к гелиакическим восходам и заходам Сотиса, определителя календаря. И само то обстоятельство, что Геродот, по всей вероятности, сам не понимал — и не должен был понимать — смысла этой выдержки, сильно говорит в пользу ее подлинности: весьма трудно представить, чтобы человек, несведущий в астрономии, так исказил сообщение, сделанное ему астрономами, что случайно наткнулся бы на верное изложение другого астрономического соотношения. Итак, мы узнаем, что со времени установления научного календаря завершились два Сотических цикла (четыре обращения вспять), так что цикл, текущий тогда, был третьим. И поскольку есть свидетельства, что этот цикл завершился в 139 году н. э. и, следовательно, начался в 1322 году до н. э., мы заключаем, что начало первого Сотического цикла и установление научного календаря пришлись (за 2 × 1461 год до того) на летнее солнцестояние 4244 года до н. э.; и миг начала был отмечен гелиакическим восходом Сотиса.

В главе LXIV, которая описывает новое рождение души и тем самым дает ключ ко всему вероучению, или, по ее собственным словам, дает «Вхождение в Свет в одной главе», встречается место, которое, по-видимому, относится к этому рассвету иного века. «Двадцать четыре проходят, — говорится там, — до шестого. Он пребывает во Вратах». Иначе говоря, в шестом часу, считая от полуночи (а так, как показал профессор Ренуф, было в обычае), шествие звезд останавливается и Солнце вступает во Врата нового цикла — подобно тому как для возрожденной души ночь миновала и она вступает во Врата Вечного Дня.

Что указанная дата была истинной эпохой установления календаря, к которой прежде всего следует относить все астрономические намеки, будь то в «Ритуале» или в Пирамиде Света, подтверждается простым объяснением, которое она дает одной весьма заметной особенности (и кажущейся странности) в его употреблении. Как хорошо известно, «узел», или точка, где Земля в равноденствие пересекает плоскость экватора, а следовательно, и точка солнцестояния (которая всегда отстоит на 90° от точки равноденствия), не неизменны, но год за годом немного не доходят до своего прежнего положения (или опережают его) и потому смещаются по кругу в направлении, противоположном обращению Земли. А скорость этой прецессии (около 50″ в год) такова, что узел, или точка пересечения, обходит всю орбиту примерно за двадцать шесть тысяч лет. И вот доктор Бругш, столь превосходно осветивший древний календарь, обратил внимание на то обстоятельство, что в позднейшие династии употреблялся двойной ряд месяцев, где, например, «Первое Тота», то есть первый день первого месяца, во времена Тутмоса III (около 1600 года до н. э.) указывается и на день, соответствующий нашему 20 июля, и на 27 августа, и подобным

же образом с остальными; но никакого разрешения он не предложил. Предположим теперь, что, помимо текущей даты солнцестояния, сохранялась и архаическая дата — предположение, вполне согласное с египетским обычаем и складом мысли, — то есть велась запись того дня Великой Эпохи, в который Земля достигала той точки своей орбиты, где она была, когда календарь был установлен; тогда особенность получает объяснение. Ибо раз дата равноденствия, а значит, конечно, и солнцестояния, каждый год приходится немного раньше относительно орбиты, архаическая дата будет приходиться немного позже. И так как за двадцать шесть тысяч лет она обходит круг года и вновь падает на годовщину, то за две тысячи шестьсот пятьдесят лет архаическая дата сдвинулась бы на тридцать семь или тридцать восемь дней позже; так что если календарь был основан в указанную эпоху, разница между текущей и архаической датой во дни Тутмоса III как раз отвечала бы той разнице, которую мы находим. Далее, в начале третьего Сотического цикла, в 1322 году до н. э., архаическая дата пришлась бы еще позже — на 29 или 30 августа. И эта дата, по-видимому, была принята в позднейшие времена как неизменная архаическая дата и без дальнейших изменений вошла в Александрийский календарь.

Подобной же ссылкой на архаическую дату мы можем пролить некоторый свет на особую святость, приписываемую некоторым дням месяца, которую иначе трудно объяснить. Так, в календарях третьего Сотического цикла пятнадцатое и шестое число месяца оказываются особенно священными; а в Туринском папирусе «Книги мертвых» (намеки которого, вероятно, не восходят так далеко, как к первому циклу, но могут относиться либо ко второму, либо к третьему) не менее трех раз дается повеление

праздновать важнейший праздник года, День рождения Осириса, пятнадцатого числа месяца. Но День рождения Осириса был, как мы видели, первым праздником Нового года — какую же связь мог иметь такой день с каким-то определенным днем какого бы то ни было месяца? Самую тесную, если принять в расчет архаическую дату. В начале второго Сотического цикла архаическая дата Дня рождения Осириса падала бы на двадцать или двадцать один день позже, чем при основании календаря; и если вспомнить пять дней священного промежутка, мы приходим к пятнадцатому дню первого месяца; а подобный же расчет, с учетом в целом сорока одного дня, приводит нас в третьем Сотическом цикле к шестому дню следующего месяца. По той же причине и другой великий праздник — праздник Ладьи Ра — велено праздновать в День рождения Осириса: при основании календаря этот день совпадал с подъемом священного Нила, воды которого представляют новую жизнь.

Итак, чтобы хранить верный счет времени, необходимо отмечать движение Земли по отношению к четырем, и только четырем, различным мерилам, а именно: к звездам, к Луне, к Солнцу и к равноденствию; прочие относительные движения Земли не оказывают ощутимого действия на наш счет времени. Все эти мерила с их соответственными мерами и гармониями были, как мы видели, известны египтянам; и этим объясняется отмеченное доктором Бругшем обстоятельство, что с весьма ранней поры календарь Египта велся по четырем различным счетам. Все эти мерила, каждое со своим духовным значением, соответствующим «Ритуалу», мы видели выраженными и в кладке Великой пирамиды. Ибо для зодчего египетского Света не было такой небесной истины, которая не являлась бы в движениях небесных светил; и не было в Сокровенных местах

Великого Дома такой камеры, которая не отражала бы тайно путь праведного в тайне небес.

ГЛАВА V

ТАЙНА ГЛУБИН

✦

Свет — первое начало сотворенной жизни. Нет жизни без роста; нет роста без света. Цвет, благоухание, вкус, всякий многообразный предмет чувства исчезают, если нет света. Каждый луч — отдельный небесный дар, прямо из руки Творца; как на барельефе в гробнице в Фивах, открытом Стюартом, где расходящиеся лучи образуют пирамиду света и к каждому лучу прикреплена благословляющая рука.

Но как всеобща в живой природе потребность в свете, так же широко простирается и его проявление в образе движения. Где бы ни существовала жизнь — в человеке или птице, в звере или рыбе, — там есть и та сила, в которой отказано неодушевленной материи, — сила зарождать движение. Жить, двигаться и существовать — три состояния, неразрывно связанные друг с другом. Математик и поэт равно признают всеобщность движения в живом образе. «Движение, источник красоты!» — восклицает Пиндар в одной из самых возвышенных своих од. «Вся природа в движении», — говорит профессор Прайс в своем ясном трактате о бесконечно малых. Так и неизменные гармонии небесных тел выражают себя в периодах их орбит. И сквозь соотношения этих светоносных кругов, как сквозь покров славы, египетские «Учители Тайны Глубин» прообразовали соотношения

внутренней истины. Глубина за глубиной, пространство за пространством, высота за высотой — от сонма планет вокруг нашего Солнца до тех пределов, где «скопления бесчисленных звезд — лишь слабое туманное мерцание», — Свет повсюду есть Всемогущий Творец, а законы Света — выражение непогрешимой истины.*

* Так и Моисей, который нигде не притязает на прямое откровение относительно чего-либо из содержащегося в книге Бытия (хотя в последующих книгах это притязание повторяется вновь и вновь) и чью славу знатока египетской науки сотни лет спустя после его смерти помянул святой Стефан в своей речи к соотечественникам, начинает свое изложение Тайны Глубин с зарождения Света и Движения: «Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет».

Но как ухватить вещественной хваткой умопостигаемые соотношения самой эфирной стихии, какую только знает человек? Как заключить в прочную форму вспышки огненной искры, когда она с непостижимой быстротой мчится из пространства в самое дальнее пространство? Как сделать доступными прямому прикосновению далекие пути этих летящих светил? Одним словом, как нам воздвигнуть проявление Света и найти масонские выражения для Тайны Глубин? Сам Свет дает нам ответ. Ибо если, как на фиванском барельефе, изобразить расходящийся поток лучей таким, каким он льется в полдень в день летнего солнцестояния, первый день египетского года, — мы получим одну грань Пирамиды Света. Предположим теперь, что воздвигнута четырехугольная пирамида с четырьмя такими сторонами, обращенными соответственно к четырем странам неба. Тогда, поскольку каждый оборот Земли завершается на четверть вращения позже предыдущего, следует, что каждый четвертый, или великий, год по завершении обращения Земли к Солнцу будет повернута одна и та же грань; и так масонски будет

выражен египетский Великий Цикл (в четыре года). Именно такую форму мы находим в четырехугольной Пирамиде Света: стороны ее ориентированы так, что изначально были обращены к четырем странам света, а вершина так усечена, что в один день в году Солнце может покоиться на ней «всеми своими лучами», так что здание «пожирает собственную тень».

Когда общая форма определена, какие пропорции примут размеры, или, иначе говоря, под каким углом стороны будут сходиться к невидимой вершине? Ответ дает Земля на своей орбите. Ибо так как эта планета движется вокруг Солнца по (приблизительно) круговому пути, а каждый луч идет к ней по прямой, отношение между освещающей силой и освещаемым телом может быть выражено отношением радиуса к окружности круга. Но это отношение таково, что высота пирамиды, находящаяся в том же отношении к периметру ее основания, дает угол около 51° 50'. И это и есть Угол Подъема Великой пирамиды. Не случайна и эта важнейшая, более того, господствующая мера; ибо означенный угол — самая приметная и почти единственная черта, которую меньшие и более поздние пирамиды разделяют с Пирамидой Света, так что он составляет масонский знак, которым низшие постройки молча заявляли о своем родстве с Великим Домом.

Однако хотя этих общих сторон сияния и довольно, чтобы определить общий облик здания, более пристальное исследование света откроет связь еще более сокровенную. Ибо поскольку нашу атмосферу можно представить разделенной на последовательные слои воздуха, плотность которых возрастает по мере приближения к Земле, каждый луч на своем пути будет слегка отклоняться, или преломляться, переходя из более тонкого кольца в более плотное; преломление наибольшее, когда светило

стоит на горизонте, и неощутимо, когда оно близ зенита. И обратно: если в какой-либо день наблюдать положение Солнца через равные промежутки от восхода до полудня и от полудня до заката, видимое место Солнца при каждом наблюдении будет из-за преломления слегка отличаться от истинного; и чертеж, изображающий их взаимные соотношения, примет вид многоэтажного дома с небольшой площадкой на вершине, поскольку близ зенита истинное и видимое положения совпадают (и остается лишь движение прохождения через меридиан), — иначе говоря, мы получим облик Великой пирамиды, с которой сняты облицовочные камни.

Итак, если в первый день (египетского) нового года — когда Солнце видно над горизонтом в Мемфисе около четырнадцати часов — производить наблюдение каждые две минуты (четыре наблюдения за то время, в которое любой луч доходит от Солнца до Земли), всего получится около четырехсот сорока наблюдений, составляющих двести двадцать рядов восхождения и нисхождения, из которых некоторого числа будет недоставать наверху, поскольку в зените преломления нет. Но именно так и обстоит дело в Пирамиде Света: число сохранившихся рядов кладки — около двухсот, а число, потребное для ее завершения, исчисляют примерно еще в двадцать. Далее, поскольку Луна каждые две минуты времени проходит одну (угловую) минуту своего круга относительно Солнца и поскольку в начале каждого Сотического цикла она начинает новую лунацию и (незримо) приходит на меридиан одновременно с Солнцем в полдень, следует, что эти единичные промежутки наблюдения соответствуют минутным промежуткам ее движения; и каждый ряд Великой пирамиды соответствует изменению высоты Солнца

за одну угловую минуту движения Луны относительно этого светила.

Определив таким образом истинную и видимую формы Великой пирамиды через истинное и видимое движения света, мы должны теперь исследовать, каким масштабом нам возводить камеры дома. Катящаяся Земля вновь подсказывает мерило. Космическая единица пространства — Скипетр Анупа, Путеводителя Горизонта Небес, — должна быть ясно определена и не допускать смешения; она должна рождаться сама из себя и при этом быть неизменной; человеку должно быть по силам ее охватить, но не во власти — изменить. И эти условия исполняет одна-единственная известная человеку линия — полярная ось Земли, то есть та линия, вокруг которой совершается суточное вращение Земли, тогда как сама она совершает годовой круг около Солнца. Продлите эту линию так далеко, как может проследить глаз или досягнуть мысль, — глубины, которые она пронзает, для нас навеки пребывают в покое. Это та линия, что направляет ось Священного Горизонта Точки Равноденствия и что указывала разуму Египта входной путь для святых усопших, когда они переходили от сотворенного к Несотворенному Свету. Прекрасный намек на просветляющее действие Солнца в связи с этим двойным движением оси, когда Земля, ладья Божия, совершает свой суточный и годовой путь в небесах, содержится в «Ритуале». Ибо мы читаем там, как святой усопший «явился в Ладье Ра в течение каждого дня» и как Тот, Божественная Мудрость, «облекает духов оправданных миллион раз в одеяние из истинного льна», — из того вещества, то есть, что своей чистотой и блеском напоминает нам мантию, сотканную из лучей света, которой Солнце заново окутывает Землю всякий день, когда она обращается перед ним, — подобно тому как душа

человека облекается новым сиянием всякий раз, когда он обращается к лицу своего Творца.

Как же нам воспользоваться этой могучей мерой, этим правилом света и мерилом пространства? На этот раз отвечает само здание — своим привычным названием. По словам доктора Бругша, слово *пир-ам-ус* по-египетски означает *ребро*; и, исследуя периметр основания здания, мы находим, что он сложен из облицовочных камней со скошенным горизонтальным ребром, отделанным так изумительно, что, по словам Флиндерса Петри, оно равно «тончайшей работе оптика». Во время посещения Египта императрицей Евгенией в 1869 году один из этих облицовочных камней был измерен на месте У. Диксоном, и оказалось, что в нем ровно 25,025 британского дюйма. Но отношение этой длины к полярному радиусу (или полуоси) Земли имеет величайшее значение для всеобщего измерения. Несколько лет назад сэр Джон Гершель указал, что наш дюйм содержится в полярном радиусе Земли ровно 250 250 000 раз; так что если увеличить эту единицу на тысячную ее долю (меньше толщины тончайшего волоса), она будет содержаться в полярном радиусе ровно двести пятьдесят миллионов раз. А поскольку в этом камне двадцать пять так увеличенных дюймов, он укладывается в полярном радиусе Земли ровно десять миллионов раз; и так как египтяне, несомненно, были знакомы с десятичной системой и выражали единицы, десятки, сотни, тысячи и миллионы особыми иероглифами, этот камень в периметре основания Великого Дома дает простую масонскую единицу космической длины, мерило всеобщего измерения.

Будь это соотношение единичным случаем, вполне естественно мог бы возникнуть вопрос, не случайна ли эта связь; но замысел зодчего убедительно подтверждается родственным

открытием, которым мы обязаны Флиндерсу Петри. Этот проницательный наблюдатель указал, что длина приподнятой мостовой составляла простую меру (одну двадцатую) географической мили. А поскольку географическая миля есть мера окружности Земли по экватору, знание ее предполагает и знание величины полярного радиуса.

Но сколь ни поразительно отношение этого камня к космическому мерилу, его соотношение с Пирамидальным Ребром, частью которого он является, не менее богато всеобщими следствиями. Ибо если принять за длину этой линии основания* среднее из результатов, полученных главнейшими обмерами, произведенными с тех пор, как великий Наполеон открыл тусклые глаза Европы на неисчерпаемые сокровища древнего Египта, мы находим, что облицовочный камень содержится в так измеренной линии ровно 365,25 раза, а следовательно, во всем периметре (4 × 365¼) — 1461 раз. Отсюда, как форма подсказывает Великий Цикл, так подсказывает его и мера периметра основания: число раз, которое космическая единица повторяется в этом периметре, определяет число солнечных суток в Великом Цикле, а следовательно, и число солнечных лет в цикле Сотиса.

---

* Эти результаты, выраженные в наших дюймах, таковы:
Французская комиссия — 9163
Полковник Говард Вайз — 9168
Профессор Пьяцци Смит — 9110
Королевские инженеры, первый обмер — 9130
Они же, второй обмер — 9140
Ф. Петри — 9126
Среднее — 9140

Эта длина, следовательно, отличается от полученной Флиндерсом Петри. Но так как Петри по какой-то не вполне ясной причине допускает для каждого гнезда «игру» не менее чем в 4½ дюйма — условие, бесспорно, в высшей степени

странное для работы, «равной тончайшей работе оптика», — трудно полагаться на его точность с обычным доверием. Заметим, что принятое здесь среднее всех результатов в точности совпадает с одним из измерений, а также со средним между наибольшим и наименьшим.

Поэтому не кажется невероятным предположить, что прежде чем облицовочные камни окончательно замкнули тайну, отношения Солнца и Луны к положению Сотиса и Полярной звезды были соотнесены с рядами Пирамиды описанным выше образом; и так исходная точка для всех движений Земли — по отношению ли к Луне, к Солнцу, к равноденствию или к звездам — была неизменно запечатлена в масонском свете.

Однако измерить движения Земли — это начало, но лишь начало всеобщего масштаба. То, что нужно нам для Тайны Глубин, — не что иное, как протяжение солнечного, или измеримого, пространства. Иными словами, нам надо определить крайние пределы по обе стороны, внутри которых не найти иного источника изначального света, кроме нашего Солнца, ибо расстояния до звезд не поддаются точному измерению. Но расстояние до предельной точки солнечного, или измеримого, пространства, или, вернее, радиус предельного горизонта (поскольку расстояние будет одинаковым во всех направлениях), составляет около двух с половиной тысяч миллионов длин полярной оси Земли; так что эта ось содержится в радиусе измеримого пространства в двести пятьдесят раз чаще, чем сама она содержит ребро облицовочного камня. Теперь, если разделить этот облицовочный камень на двадцать пять равных частей, каждая такая часть, как мы видели, будет содержать наш дюйм, увеличенный на тысячную его долю. Эта единица, которую мы можем назвать полярным дюймом, измеряет, следовательно, не только ось Земли, но и глубины солнечного, или измеримого, пространства: она содержится в первой двести пятьдесят

миллионов раз, а в последних — двести пятьдесят тысяч биллионов раз. И вот в той древней главе «Ритуала» (LXIV), которая, по ее собственному утверждению, была открыта во дни IV династии, мы читаем, что Творец, являя Себя новорожденной душе как Измеритель пространства, берет мерилом именно это отношение. «„Я, Знающий Глубины“ — Имя Мое, — так гласит текст этой возвышенной главы, — Я творю циклы сияющих миллионов лет; и биллионы — Мое измерение».*

* В подлиннике: *Ари херти хуу аха пу тефнут пу красту-ф*. Приведенный выше перевод несколько отличается как от перевода доктора Берча, так и от перевода Пьерре.

Упоминание этих циклов сияющих лет подсказывает начало необычайной красоты — ключ к зодческим мерам древнего Египта. Среди многих ценных плодов трудолюбия Флиндерса Петри — собрание локтей различной длины, которыми пользовались зодчие IV и XI династий. Эти зодческие единицы весьма многочисленны и, если не возводить их к космическим началам, совершенно разнородны: они не обнаруживают видимой согласованности ни между собой, ни с чем-либо иным. Когда же, приняв за единицу полярный дюйм,* мы сравниваем их с мерами света, выраженными в сияющих кругах и радиусах небесных периодов, — памятуя всегда, что радиусы и полурадиусы циклов лет созвучны угловому построению Пирамиды и тайно вовлечены в аналогию Просветления, — мы находим поразительнейшее соответствие, мера за мерой, не абсолютное, правда, но расходящееся лишь на десятые доли дюйма.

* Этот дюйм, разумеется, тот же, что принят профессором Пьяцци Смитом и назван им «пирамидальным дюймом»; но он так неразрывно связал это название со взглядами, прямо противоречащими египтологическим исследованиям, что я предпочитаю пользоваться выражением, которое обозначает несомненное соотношение, впервые указанное сэром Джоном Гершелем.

Возьмем, например, число полярных дюймов, на которые делится облицовочный камень, если рассматривать его как меру пространства, а именно двадцать пять; весьма близкое к нему значение находим у двух образцов* IV династии, найденных в Гизе, — то есть таких, которыми пользовались по соседству с Великой пирамидой около времени ее возведения. Далее, если взять за единицу полурадиус цикла Равноденствия, радиус которого составляет около 4122 лет, и положить дюйм на столетие, половина его дает нам локоть в 20,6 дюйма; а эта мера есть самая распространенная форма египетского локтя, мерило, по которому строился священный «Тат», или Нилометр, измерявший воды жизни, — символ, почитавшийся высшим выражением святости и последним украшением, которое возлагали на святых усопших. От Луны мы также (приблизительно) получаем два мерила египетской меры. Ибо число дней в лунном месяце, если взять дюйм на день, близко дает локоть IV династии в 29,3 дюйма. А число лет (около 18,6) в цикле лунных узлов (то есть в промежутке, протекающем между двумя последовательными пересечениями Луной плоскости равноденствия в точности в той же точке ее орбиты), если взять дюйм на год, дает (очень близко) локоть XII династии в 18,7 дюйма. И еще: поскольку орбита Земли не строго круг, а эллипс, в одном из фокусов которого находится Солнце, на орбите всегда будет одна точка, находящаяся в «перигелии», то есть ближе к Солнцу, чем любая другая. И эта точка не неподвижна, но обходит орбиту Земли примерно за 114 000 лет; половина этого обхода дает нам пятидесятисемидюймовый локоть XI династии (дюйм на десять тысяч лет), а четверть радиуса — сорокапятидюймовый локоть IV династии (дюйм на тысячу лет). Итак, по-видимому, таблица локтей, которыми пользовались зодчие тех ранних

времен, представляла бы общую систему космических мер, где масштаб отложен на оси Земли — единственном мериле неизменного пространства, — а отношения различных локтей пропорциональны неизменным временным периодам небесных тел. И так, едва смахнешь налет, которым пыль веков покрыла эти остатки древней науки, облик их уже не мертв и не отталкивающ; мы узнаем в них пламенеющие знаки всеобщей истины, самоцветы из лазурных глубин, сверкающие блеском внутреннего света.

---

* Петри утверждает, что этот локоть «явно есть египетское издание царского двадцатипятидюймового локтя Персии»; но почему персидский локоть должен был применяться в Гизе или что мы знаем о Персии за несколько тысяч лет до времени Дария — этого он нам не говорит. Трудно понять, почему бы ему с равным основанием не объявить Капитолий Ромула «явно итальянским изданием Капитолия в Вашингтоне».

Стоит лишь приложить этот ключ к «Книге Владыки», как начинает раскрываться целый ряд сокровенных значений. Знаменитый урей, или символ змея, — связанный каким-то не вполне определенным образом с солнечными явлениями, — всегда был неразрывно сопряжен с царским достоинством Египта. Но, по-видимому, от внимания ускользнуло, что в «Ритуале» встречается несколько змеиных образов различной длины и — что само по себе весьма поразительно, но легко объясняется уже достигнутыми результатами, — что если выразить эти длины в дюймах, они оказываются пропорциональны мерам различных змеевидных кривых, описываемых движениями Земли и Луны. Так, в главе CXXX мы читаем о «змее в семьдесят локтей в его кольце». Но если взять общеизвестный локоть в 20,6 дюйма и повторить его семьдесят раз, мы получим тысячу четыреста сорок два дюйма; а это пропорционально (с точностью до семисотой доли) числу минут времени (24 × 60) в среднем суточном

вращении экватора, или кольца змея; так что здесь выражено наше собственное деление неба на двадцать четыре часовых круга, каждый из которых делится еще на шестьдесят равных частей, или минут времени, — обе эти меры, как мы уже видели, были знакомы египтянам. Более того, число оборотов Солнца вокруг собственной оси составляет приблизительно сто сорок четыре за десять лет, так что змей выражает осевое движение, общее и Солнцу, и его спутнику, и потому, по-видимому, он и есть «главный урей, сверкающий и ведущий миллионы лет», о котором мы читаем в главе XXXIV. С другой стороны, в другом месте ранее упомянутой главы протяжение в семь локтей дает длину — не кольца змея, а его спины; и эта длина (сто сорок четыре дюйма) как раз дает спину тропического змея, или спирали, то есть удаление Солнца в солнцестояние от экватора, составлявшее в ту эпоху около двадцати четырех градусов, или сто сорок четыре десятка угловых минут. Можно было бы привести и другие примеры, более сложного свойства; но и этих, пожалуй, довольно, чтобы показать, что в дюйме мы обладаем нитью к тайному значению многочисленных символов и что именно по этой причине он не был открыто выставлен как мерило, а место его занял локоть, который не выдает никакого смысла никому, кроме того, кто уже в известной мере посвящен в Тайны Глубин.

Обратившись теперь к Пирамиде Света, мы находим, что тот же принцип явственно проведен через все здание: длины различных его коридоров и камер, будучи выражены в полярных дюймах, по-видимому, пропорциональны радиусам (или полурадиусам) тех небесных периодов, которые соответствуют ступеням продвижения усопшего. И господство этого принципа выступает столь резко, что если одно лишь знание мер, сколь угодно точное, ничего не говорит о духовном их смысле, то уже достигнутое нами

понимание согласованности здания с «Ритуалом» позволяет нам самим определить размеры многих его частей. Ибо во всем учении Египта продвижение в Свете совершается через умножение наставления и опыта в Истине; а в Мудрости этой древней страны мерами Истины служили годы Всевышнего.

В самой точке входа, обозначающей священный горизонт Полярной звезды (ибо иероглиф звезды означает невидимый мир), мы находим, что рассмотрение особого положения, которое занимает звезда, когда она стоит, так сказать, в соединении с Пирамидой, расширяет и возвышает наш взгляд, поднимая его от земного плана к небесному. Ибо хотя для обитателя нашего шара великой плоскостью отсчета служит плоскость, проходящая через небесные полюсы и заключающая в себе горизонт точки Равноденствия, однако, когда мы переходим к рассмотрению наших собратьев-светил, кружащих вокруг того же родоначального солнца, и принимаем в расчет влияние, которое члены одного и того же сияющего семейства оказывают друг на друга, мы вынуждены признать так называемую Неизменную плоскость планетной системы — ту плоскость, иначе говоря, относительно которой, как доказывает Лаплас, всегда соблюдаются некоторые в высшей степени важные соотношения между массами и движениями планет. Эта плоскость никогда не бывает наклонена к видимой эклиптике, то есть к плоскости земной орбиты, более чем примерно на 3° 6′. Но эта дуга (3° 6′) с точностью до нескольких минут измеряет расстояние полюса от Полярной звезды в то время, когда звезда стоит, так сказать, в соединении с Великой пирамидой. Поэтому, когда Полярная звезда светит вниз по входному коридору, ее положение относительно полюса (с должным учетом поправок) определяет

предельное положение неизменной плоскости относительно плоскости орбиты.

Так же обстоит дело и с непостижимо медленным изменением* наклона оси к эклиптике — изменением, которое, никогда не превышая 2½° в ту или другую сторону, требует для своего свершения не менее тридцати тысяч лет. И по этому величественному склонению и поднятию полярной оси на ее пути вокруг Солнца — по этому невыразимо торжественному поклону, который скипетр Анупа совершает перед престолом Ра, — мы можем определить наклоны внутренних коридоров относительно друг друга. Разность между пределами солнцестояний (исчисляемая примерно в 2° 22′) дает разность между наклоном потолка и наклоном линии пола Большой галереи, или Камеры Орбиты; а наклон этого потолка к горизонтальному коридору, ведущему в лунную Камеру Нового Рождения (28° 30′), определяет, как мы уже видели, предельный наклон Луны к экватору. Изменение за один сотический цикл соответствует разности между линиями пола верхней и нижней галерей. И если мы вправе отнести завершение здания к 3732 году до н. э. (всего лишь на одно поколение раньше оценки доктора Бругша, которая и не притязает на точность), то, поскольку строительство длилось тридцать лет, число лет от основания календаря до основания Пирамиды составит около четырехсот восьмидесяти двух, то есть совпадет с числом дюймов между входом и прочерченной линией, указующей на основание; а промежуток между основанием календаря и согласованием Пирамиды с Полярной звездой (а именно около восьмисот лет), то есть изменение наклона за это время (около 4′), близко соответствует разности между наклонами Нижней восходящей галереи и Коридора Полярной звезды; так что тем, кто понимал смысл этого наклона, сроки

согласования звезды со входом были бы известны заранее. Если таков был примененный принцип, — а если принять во внимание, как трудно получить точные меры, точки соответствия поразительно близки, — то никто не мог понять отношения звезды к зданию, не постигнув прежде воплощенного в сооружении масонского отношения между мерилом пространства, представленным во входном коридоре, и солнечным престолом в верхнем конце Большой галереи, или Камеры Орбиты. И никто не мог быть наставлен Владыкой в этой тайне, не получив масонского свидетельства ее истинности на Пути Горизонта Неба и в его ориентации по сокровенным внутренним покоям — в начале и в конце Ритуала Света.

---

[*] См. таблицу и записку, изданные Смитсоновским институтом в Вашингтоне.

Проникая теперь в самые потаенные глубины Сокровенных мест, обозрим небесное значение, которое мы приписали различным камерам, и (всегда помня, что имеем дело с приближениями) отметим соотношение их мер с соответствующими небесными периодами; при этом небесная единица в каждом случае меняется сообразно природе небесного цикла (а потому всякий раз требует знания связи «Ритуала» с данной камерой), тогда как масонской единицей всюду служит полярный дюйм — двадцать пятая часть Пир-ам-уса, то есть ребра облицовочного камня в обводе основания, двадцать пятая часть десятимиллионной доли полярного радиуса Земли и двадцать пятая часть тысячебиллионной доли радиуса солнечного пространства. Ибо «миллионы и биллионы — мера вещей».

Начиная с высочайшего и сокровеннейшего источника жизни и света — Вечной и Самопорожденной Энергии Сокровенного Бога, — мы находим его отображение в непрестанном вращении Солнца

вокруг собственной оси: в энергии, начала которой мы не знаем и которой приписываем рождение планет. Таких оборотов Солнце совершает около двух тысяч пятисот двадцати пяти, пока Земля совершает сто тысяч подобных оборотов; и это число дает число полярных дюймов в высоте крайней точки огромного гранитного треугольника,* который господствует над сокровенными местами внутренних покоев. Спустившись оттуда в Камеру Царя, где в открытой гробнице Осириса празднуется рождение Вечного Дня, мы обращаемся к мере света — не в его внутренней энергии, а в его излучении — и находим, что локоть, пропорциональный радиусу цикла равных Света и Тьмы (20,6 дюйма), служит мерой этой камеры, равно как и Камеры Нового Рождения Души.

* Это число дано в британских дюймах; поправка же на перевод их в полярные дюймы примерно уравновесится толщиной гранитной вершины.

По мере того как мы продвигаемся к внешней части, проявление сияния определяет пропорции Камеры Орбиты, Верхнего Чертога Истины, где уже было отмечено столь много лунных и солнечных явлений. В верхнем конце этой камеры стоит великий престол — «камень Бога», по выражению «Ритуала», — со всех сторон окруженный сиянием, облеченным в масонскую кладку. Сиденье этого престола (около 61,3 дюйма) измеряет, сколько раз радиус Земли содержится в радиусе орбиты Луны; высота же его пропорциональна числу декад в круговороте египетского года, а пять божественных дней рождения выражены в Камере Нового Рождения, лежащей непосредственно под ним. Над этим престолом, в верхнем конце камеры, поднимается семиуступчатый свод планетных небес, и его граничные линии очерчивают пылающий пояс зодиака. А от его подножия сбегает вниз линия пола, по которой восходит Просветленный; она измеряется радиусом цикла перигелия, или Круга Наибольшего

Сближения, образованного «Собранием Служителей Истины», — но посередине его не мог пройти никто, кроме одного лишь Просветленного. И если мы примем расстояние до Сотиса (чья камера лежит дальше) равным 1 374 000, а не 1 375 000 расстояний до Солнца, то число тысяч часов, за которое свет доходит до нас от этой звезды (между 1881 и 1882), будет определено числом полярных дюймов в непрерывной линии пола Большой галереи (1881,2), по которой восходит Просветленный, прежде чем перейти к Сотису; а целое число лет (21) в том же промежутке дает число Врат Аалу, соответствующих двадцати одной Ступени Суда, которые он проходит, восходя по той же Камере Сияния.

Когда мы спускаемся еще дальше, к внешнему миру, Камера Тени, где Истина являет себя во тьме, с ее Семью Чертогами Смерти, ведущими вверх от Сокровенной Притолоки, и с ее последним выходом в Место Света (1561 дюйм), измеряется числом лунаций в семи циклах затмений (7 × 223 = 1561). И наконец, подобно тому как Горизонт Точки Равноденствия определяет для усопшего вход на путь света, так и радиус цикла равноденствий (около 4122 лет) определяет нисхождение входного коридора (около 4122 полярных дюймов) на стороне запада, где «солнце заходит из страны жизни».

Завершив этот краткий обзор небесных периодов и их масонских подобий, мы вновь берем в руки «Книгу Владыки» и приближаемся к Дому Сокровенных мест, в котором сокрыты Тайна Небес и Тайна Глубин. В каждом мериле, в каждой единице, угле, отношении и кратном, которыми пользовался великий Зодчий Масонского Света, мы видели отражение пропорций дома нерукотворенного, вечного на небесах, — дома, который божественный Гор построил для отца своего Осириса; «Дома

Великого Бога», куда, как повествует нам папирус Аменхотепа, вводит Просветленного Тот, Вечная Мудрость. И когда мы озираемся вокруг в безмолвном созерцании, из каждого уголка вселенной к нам возвращаются, отзываясь эхом, глубокие слова «Ритуала»: «Миллионы и биллионы — Мои измерения. „Я, ведающий Глубины“ — имя Мое».

Заметка о некоторых мерах Вавилонии и древнего Китая

Если взгляды, изложенные в предыдущих главах, верны, то египетские меры времени и пространства, несомненно, древнейшие из известных; а потому, быть может, не будет лишним, прежде чем перейти к внутренним таинствам, сравнить с ними две другие знаменитые системы древности и посмотреть, как некоторые несообразности, до сих пор не поддававшиеся объяснению, становятся простыми и понятными, если видеть в них искажения египетского счета. Возьмем, например, халдейскую систему. Хорошо известно, что вавилонские астрономы измеряли время периодами в 60, 600 и 3600 лет (*сосс*, *нер* и *сар*) и что они также делили круг на градусы, а градусы — еще на шестьдесят и на шестьдесят раз по шестьдесят долей. Но на каком основании избрали они шестидесятеричную меру и считали ли они эти два ряда кратных хоть как-то связанными между собой — не столь ясно. По Ленорману, они исчисляли свои периоды «по великому астрономическому циклу в 43 200 солнечных лет, представлявшему, согласно их расчету, полный период прецессии равноденствий» (!) — теория, которая, будь она верна, не делала бы большой чести их астрономическому искусству.

Есть, однако, другой цикл, тесно связанный с циклом прецессии, который, наводя на мысль о шестидесятеричной мере,

дает, как окажется, удобную единицу для обоих делений. Ибо поскольку две точки — перигелия и Равноденствия — постепенно обращаются в противоположных направлениях, расстояние между ними каждый год увеличивается на сумму их годичных перемещений, которая исчисляется примерно в 61,9″ и называется Аномалией. Отсюда, пренебрегая десятыми долями секунды и помня, что 61″ = 1′ 1″, а 61′ = 1° 1′, мы получаем следующую таблицу:

	Период	**Аномалия**
За	1 год	= 1′ 1″ = 1 (дуговая) минута + $^{1}/_{60}$ минуты
1 сосс	= 60 лет	= 1° 1′
1 нер = 10 соссов	= 600 лет	= 10° 10′
1 сар = 6 неров = 60 соссов	= 3600 лет	= 61°
Половина цикла = 6 саров = 36 неров = 360 соссов	= 21 600 лет	= 366° = 360° + 6° = круг + $^{1}/_{60}$ круга = 60 × 60 аномалий за 6 лет

И как циклы прецессии и перигелия вошли в построение египетских мер, так и этот цикл (лишь выводимый из двух других) был, надо думать, тоже известен; и в самом деле, мы находим в Египте мерила длины, соответствующие этому циклу, как и прочим. Предположим же, что какой-нибудь приезжий или полуобразованный туземец нахватался обрывков этой астрономии настолько, чтобы усвоить меру одного цикла и название другого, — тогда мы и получили бы ту путаницу между Аномалией и Равноденствием, которая заключена в вавилонских мерах. И предположим далее, что тот же изобретательный любознатец услышал, не поняв, о двойном счете, заключенном в

сотическом цикле, и, желая, чтобы все было совсем правильно, приложил его к периоду, придуманному им для прецессии, — тогда мы получили бы описанные выше 43 200 лет (2 × 21 600). Таково ли объяснение или нет, но замечательный пример весьма сходного недоразумения дает ориентация их зданий. Ибо, как указал покойный профессор де Лакупри, их страны света, будучи верны относительно друг друга, все сдвинуты на одну восьмую круга, так что их Юг на деле есть Юго-Запад. А это, как легко видеть, в точности то, что сделал бы всякий, кто, получив понятие о странах света в Египте, но не уразумев принципа, вообразил бы их неподвижными и стал бы пользоваться египетскими направлениями, живя в Вавилонии.

Такое происхождение вполне согласуется и с другими чертами вавилонской цивилизации. Что некоторые из главных их мер, как, например, мерило Телло, были заимствованы из Египта, — несомненно. А их предание о том, что начатки их цивилизации были преподаны Оаннесом, получеловеком-полурыбой, который каждую ночь удалялся в море, как раз отвечает описанию пришельца, приплывшего вверх по Персидскому заливу с восточного побережья Египта и каждую ночь удалявшегося на свой корабль; а такой путь сам по себе был бы естественным продолжением пути, которым шли предки египтян, переселяясь из Пунта на юге.

Далеко на востоке опять-таки задача, или, вернее, целый ряд задач, от которых туземные знатоки древности отступились уже много веков назад, получает простое решение, если приложить тот же принцип к древнему календарю Китая. Из весьма любопытного доклада, прочитанного в Институте Виктории преподобным доктором Леггом, профессором китайского языка в Оксфордском университете и князем синологов, мы узнаем, что

после IX века до н. э. китайский год делился на периоды по шестьдесят дней. Эти дни обозначались на письме знаками двух разрядов, которые назывались соответственно десятью небесными стволами и двенадцатью земными ветвями; их брали попарно, сочетая каждую ветвь с каждым стволом, но так, что ствол всегда предшествовал ветви и никогда за ней не следовал, — благодаря чему каждый день цикла изображался особой парой. И он замечает, что шестидесятеричный цикл восходит к глубочайшей древности и что «как он возник — тайна; но он придавал бы этому мало значения, если бы мог сказать, откуда изобретатели взяли его составные части — десять стволов и двенадцать ветвей». Но обращение к гораздо более древнему египетскому календарю само собой подсказывает шестидесятеричную меру; а шестьдесят чередований света и тьмы, составлявшие египетский месяц, в чужих руках легко превращаются в период из шестидесяти дней. Далее, два иероглифа, выражающие год, — ствол (*Се*) для его целостности и ветвь (*Any-mep*) для его начала — дают названия знакам; а число дней в священной декаде дает десять небесных стволов, число же месяцев гражданского года — двенадцать земных ветвей. Поэтому, по-видимому, нетрудно представить себе, что начатки восточных исчислений могли быть получены от этой более центральной и гораздо более древней цивилизации, — особенно если принять во внимание, что, как ныне признают многие, начатки религии и науки были впервые занесены в Китай с верховьев Персидского залива (прямой путь из Египта)* знаменитым племенем, носившим имя Бак, — а это слово на языке иероглифов означает землю Египта.

* Покойный профессор де Лакупри, трудам которого главным образом обязано прослеживание связи между цивилизацией Китая и племенем Бак (вышедшим не

из самой Вавилонии, а из страны, лежащей непосредственно к востоку от нее), обнаружил в значительном числе случаев известное сходство между архаическими письменными знаками обеих стран. Но если провести дальнейшее сравнение с соответствующими знаками Египта, окажется, что китайские походят на них по меньшей мере столь же близко, если не ближе, — обстоятельство, которое, по-видимому, указывает на общее происхождение из источника, более древнего, чем тот и другой. И следует заметить, что переселение из страны к востоку от Вавилонии в Китай было бы естественным продолжением переселения к верховьям Персидского залива, точно так же как это последнее было бы естественным продолжением первоначального исхода из Пунта.

Отвлекшись теперь ненадолго от ценного доклада профессора Легга и обратившись к древнейшей из священных книг Китая, «Шу цзину», перевод которого он сам дал миру, мы встречаем не одно место, безошибочно указывающее на более высокое состояние культуры, которым некогда обладали и которое безвозвратно утратили. В конце третьей книги вожди оплакивают утрату «Мерного Камня и Уравнивающей Четверти,* прежде хранившихся в сокровищнице». Мерный камень, хранившийся в царской сокровищнице как образец для весов и мер, — вещь вполне понятная; он напоминает нам упоминание в египетском «Ритуале» о «Камне от здания тех, кто владеет Ковчегом Осириса». Но «Уравнивающая Четверть»! Четверть чего? И что она уравнивала? Мы знаем, правда, об одной четверти — о четверти суток, которой в более древней стране вращения Земли уравнивались, или согласовывались, с ее обращениями вокруг Солнца и которая служила мерилом для всякого рода периодов и мер. И именно эта четверть сразу наводит на мысль о связи с Мерным Камнем, ибо сам этот камень — престол Ра в Доме Осириса, венчающий Камеру пяти Божественных Дней Рождения и содержащий меру тридцати шести священных декад, — представлял «Хеп-Теп», или священный Праздник Завершения-

Начала, заключающий в себе тайну Великого Цикла и уравнивающую четверть суток.

[*] Профессор де Лакупри, удостоивший меня беседы об этом предмете, указал, что Мидлтон переводит это выражение просто общим словом «мера». На это мне нечего возразить, кроме того, что профессор Легг — весьма высокий авторитет и едва ли мог не знать этого перевода. К тому же выражение, по-видимому, говорит само за себя: оно как раз того особого свойства, какое ни один переводчик не стал бы придавать слову без нужды, тогда как и очень искусный ученый мог бы не передать его с точностью.

Что такая четверть была утрачена, тому мы находим доказательство в другом месте тех же священных книг Китая. За двадцать два или двадцать три столетия до н. э. и примерно на тысячу четыреста или тысячу пятьсот лет раньше самого раннего сохранившегося следа китайского календаря императора Китая охватил приступ археологического рвения, и он учредил первые исторические летописи этой страны, от которых дошли хоть какие-то следы. Один из итогов его изысканий имел прискорбные последствия для некоторых из его подданных. Чувствуя себя исполненным древней мудрости, он призвал своих астрономов и изложил им широкое и простое правило, что всякий год состоит из трехсот шестидесяти шести дней, — утверждение, которое, как мы видели, точнее, чем триста шестьдесят пять дней, если понимать его правильно и так, как понимали его египтяне; но которое без тайны либо звездных суток, либо Великого Цикла неизбежно ведет к расчетам, которых события подтверждать не пожелают. Неудивительно поэтому, что злополучные астрономы, взявшись в следующий раз предсказывать затмение, совершенно промахнулись. Но император оказался на высоте. Он, по его словам, «изыскивал древность» и нимало не сомневался в том, чего заслуживает столь грубое невежество в собственной должности. Все, строго заметил он, «было сделано, что следовало

сделать. Били в тамтамы; младшие чины скакали; жители бегали по улицам». И все же, когда солнце не обратило на эти действия никакого внимания, астрономы сидели как чурбаны и ничего не делали! Это было позорно. Впрочем, закон на этот счет был ясен. Если астрономы предсказали затмение слишком рано — голову долой; если слишком поздно — голову долой. А так как в этом случае предсказание непременно было либо слишком ранним, либо слишком поздним, головы их соответственно и слетели. Немудрено, что китайские ученые мужи оплакивали утрату Уравнивающей Четверти.

В этих случаях, однако, указание на египетское происхождение лишь косвенно: эта страна дает лишь ключ, который позднейший народ, по-видимому, утратил. Но есть и другая задача, на которую профессор Легг обращает особое внимание, замечая, что ожидает ее решения с немалым интересом; это происхождение некоторых «двусложий и трехсложий», введенных вместо обозначений дней месяца знаменитым знатоком древности и преобразователем китайского календаря Сыма Цянем, потомком длинного ряда императорских историографов, писавшим к концу II века до н. э. Хотя все термины, которыми пользуется Сыма Цянь, встречаются в зачаточном словаре времен династии Хань, профессор Легг твердо держится мнения, или, вернее, не питает ни малейшего сомнения, что они иноземного происхождения; и он сообщает, что знаменитый даосский ученый Го Пу, умерший в 324 году н. э., отложил эти термины в сторону как не поддающиеся объяснению. «Открытие, — продолжает выдающийся ученый, — может ожидать исследователей санскрита, или ассириологии, или какой-нибудь иной восточной рудной жилы. Но да будет памятно, что употребление шестидесятеричного цикла для счета дней, а быть может, и других периодов, задолго — очень задолго —

предшествовало Сыма Цяню». И вот весьма странное обстоятельство, сильно свидетельствующее о проницательности этого выдающегося ученого: эти самые названия, если отнести их к коптскому, или народному, языку Египта, не только обладают понятным смыслом, но почти в каждом случае обозначают египетский праздник, а именно:

Названия, употребленные Сыма Цянем	Египетское звуковое соответствие	Значение египетского соответствия	Соответствующий египетский праздник или учение
Ю Чао	Иох-Хау	Луна-День	Рождение Луны
Чианг У	Чинка-Уэ	Разделение	Разделение (празднуемое дважды в месяц)
Чю-Ли	Хуо-Лаи	Обильное ликование	Великий праздник (по календарю)
Шун-Ханг	Шеу-Н-Анх	Жертвенник Жизни	Огненный жертвенник («Ритуал»)
Ше-ти-Ко	Шеу-Ти-Кои	Жертвенник Полей Бога	Поля Аалу (рай)
Чао Янг	Хао-Чинк	Разделение Дня	Погребение Осириса
Тан-э	Танге	Сохранение	Одна из ступеней на Пути Света
Чих-Хсу	Хи-Шу	Стрела Шу	Стрела Шу (поворот года)
Та Манг-Ло	Таиа-Маэин-Лау	Хвала Парусу	Парус ладьи Ра («Ритуал»)
Чих-Фун-Жо	Хи-Фун-Иох	Стрела Волос Луны	Локоны Хатор
Кван-ту	Коун-Ту	Внутри Стены	Праздник «Сокровенной Притолоки» («Ритуал»)
Хсие Хсиа	Хсиохе Хсса	Измерь Поля и Области	Поля и Пути Мертвых

Выражение «Внутри стены» особенно примечательно, ибо его совпадение с египетским праздником само по себе столь

необычайно, что весьма трудно счесть его простой случайностью. Поэтому, хотя и маловероятно, чтобы китайский ученый сознательно принял чужеземные названия вместо отечественных, все же, с другой стороны, если начатки календаря были занесены в Китай первыми его просветителями из более первобытной страны, нет ничего вероятнее того, что человек, столь преданный изучению древности, каким профессор Легг изображает Сыма Цяня, разыскал эти архаические названия в древнейших летописях Китая и постарался ввести их в употребление как более правильные термины, хотя, быть может, и сам не умел понять их смысла. Во всяком случае таблица, в которой странные названия, употребленные Сыма Цянем, сопоставлены с их звуковыми соответствиями в египетском языке, а переводы этих соответствий — с праздниками, которым они, по-видимому, отвечают, позволит читателю самому судить, насколько египетский ключ способен открыть китайский замок, от которого китайские знатоки отступились уже полторы тысячи лет назад.

ГЛАВА VI

ПОСВЯЩЕНИЕ СОИСКАТЕЛЯ

✦

Как сотворенный свет есть первичная сила, явленная в устроении творения, так и Несотворенный, или Самородный, Свет (Хепер-Ра) есть первый двигатель и творец как видимой, так и незримой вселенной. «Свет Великий Творец — Имя Его», — читаем мы в одной из глав, прибавленных к египетскому «Ритуалу» при саисской редакции. И еще в другом древнем папирусе: «Бог Вселенной — в свете превыше тверди; и символы Его — на земле». И вот именно с этим божественным Светом — бессмертным, невидимым, невыносимым для смертного ока, со Светом, на который никто не может взглянуть во плоти и остаться в живых, — по древнему вероучению Египта, как и по вероучению христианского мира, святой усопший должен был в конце концов соединиться: лицо с лицом, неразрывными узами. Никакой язык, менее всеобщий, чем язык веры, не в силах выразить это возвышенное верование. Ибо ни в каком ином вероучении мы не находим, чтобы человек, никогда не утрачивая своей личности, был вместе с тем лично соединен с Божеством в единстве столь тесном, что в «Ритуале» Осириса-душу едва можно отличить от Осириса-Божества. «Солнце поклоняется лицу твоему», — говорит Осирис в «Ритуале» душе, новорожденной в божественное бытие; иными словами, само великолепие творения, источник света и

жизни для видимого мира, склоняется в поклонении перед тем, кто стал причастником божества его творца. «Он — я, я — он», — отвечает душа почти подлинными словами Евангелия.

Долгим и многообразным был, по учению Египта, путь, которым человеческая природа соединялась с божественной, — соединение, совершавшееся через Богочеловека Осириса не так, как в мифах классических народов, не претворением Божества в плоть, но внутренним восприятием человечества в Бога. Извне и изнутри преображение было полным. Душа, мгновенно озаренная полнотой Божества, тотчас становилась способной сообщаться с божественной Энергией. Чувства, восстановленные в нетлении, постепенно претворялись в орудия, способные выразить уподобление души той бесконечной силе, для которой пределов пространства и времени не существует, но прошедшее и грядущее равно открыты в нескончаемом настоящем, — той превосходящей все свободе, где Действие совпадает с Волей, а Воля соразмерна Мысли. Итак, чтобы чувства могли быть настолько оживлены и озарены, чтобы воспринимать действие Творящего Разума во внешней вселенной, усопший должен лично пройти тот путь, который ученый, еще не освобожденный от подчинения чувствам, смутно проходит разумом. Ибо всякий, кто желает понять строение небес, устройство священного жилища человека, должен начать с Полярной звезды и, очертив горизонт точки Равноденствия, равно отделяющей свет от тьмы, постичь, как земная ось служит для человека первичной мерой пространства и образцовым мерилом Глубин. Если он желает узнать тайну живой формы, учителем его станет океан, когда он перейдет от берега к глубочайшим глубинам и измерит сокровенные места кишащих жизнью вод. Меру небесных орбит откроет ему луна, когда с этого светила-спутника он будет наблюдать вращение нашей планеты

вокруг оси и ее обращение по кругу. Чтобы понять не только движение, но и развитие нашего шара, он должен дерзнуть вступить в обиталище центрального огня земли, не устрашаясь пещерных мраков багровых бездн. И там, оглядываясь назад на бессчетные века, он проследит среди немыслимых потрясений и катаклизмов «Владыку Закона» и «Слова Порядка», между тем как исполинские горные цепи поднимаются из хаоса все выше и выше, чтобы приготовить поверхность шара к обитанию человека. Затем перед ним простирается тень земли — та смутная и необъятная ширь, где величие открытого неба окутано ночью; и он постигает, что сочетания затмений вызваны той же силой, что и орбиты освещения, и что час тьмы отмерен Подателем Света. Когда эта тень пройдена, перед взором его разверзается видение еще более грозное — страшное великолепие солнечного источника во всей его полноте; и, восходя семиступенчатым подъемом планетных сфер, он без ослепления взирает на исполинские струи и брызги пламени, что внезапно взметаются ввысь на тысячи и мириады миль. А затем, далеко за ними, в бесконечных глубинах пространства, его глаза, теперь сияющие, «как очи Атор», отыскивают возлюбленный Сотис — предвестника новой зари, врата беспредельных небес, «ту землю миллиона крепостей». И, предвосхищая каждую последующую ступень этого изумительного восхождения, этого нового завоевания чувств для владычества разума, мы можем следить за путем масонского соискателя, принятого «Учителем Тайны», когда его вводят, камера за камерой, в Сокровенные места Пирамиды Света.

Но пусть бы человек и понимал вещественные силы вселенной, пусть бы знал все явления небес и состав самых далеких солнц; более того, пусть бы владел жезлом науки столь мастерской

рукой, что по воле своей выводил бы органический мир из атомов бездонных глубин, — всего этого, по мысли Египта, было недостаточно даже для посвящения во внутренние таинства божественных реальностей. Никакое одно лишь расширение разума, сколь бы чистым и возвышенным оно ни было, ни даже научное определение абсолютной истины не могли открыть сокровенного Божия — точно так же, как самое точное знакомство с чертами и пропорциями Пирамиды не раскрыло бы их внутреннего значения без наставления сокровенной Мудрости. И потому в самом начале «Ритуала», в заглавии первой главы, прежде чем открыто хоть одно слово учения, нам сказано, что оно исходит от Тота, «Разума и Воли Бога», как именует его надпись Гермополя.

Есть же три способа, которыми такое знание может быть сообщено тем, кто приготовлен принять его: простое наставление, видение издали и личное причастие. Каждый из этих способов, очевидно, есть шаг вперед по сравнению с предыдущим и приготовление к последующему. Никто не может стать причастником Божеского естества, если никогда не был озарен его созерцанием. Никто не может созерцать Божество, если не наставлен в Истине; и никто не может получить это посвящение, пока не умрет для плоти. Поэтому, как в масонском введении оглашенный мог подняться лишь на несколько ступеней при свете обычного дня, а затем, когда Учитель Тайны открывал диск звездного неба, переходил в глубокую тьму Нисходящего коридора, — так и тогда, когда великое приготовление Смерти было совершено, когда душа и дух были освобождены от владычества чувств, когда через священное очищение бальзамированием тленное тело облеклось в нетление, — тогда, «в день погребения», читаем мы, Незримый Учитель начинал

наставлять оглашенного в ступенях, которые надлежит пройти, готовясь к посвящению. И так тесно соответствует масонский путь в Пирамиде пути усопшего в «Ритуале», что путешественник, проникающий ныне в недра таинственного здания, может почти шаг за шагом следовать мистическому шествию усопшего через незримый мир. Ибо для египтянина древности овладеть тайной Дома Сокровенных мест значило овладеть тайной гробницы. Для него у могилы не было тьмы, смерть не таила ужаса; ибо он заранее знал звездный путь, где каждый шаг приближал его к Творцу-Свету.

С «Ритуалом» в руке займем теперь снова место у подножия наружного подъема, под входом звезды, вместе с оглашенным Тайны; и вместе с ним предвосхитим то время, когда, лишенный чувств, воли, жизни, он выйдет, немой и беспомощный, к устью гробницы и начнет «Вступление в Свет» (гл. I), когда его «несут в землю святых усопших». Тогда, читая главу за главой, пока мы поднимаемся ступень за ступенью, мы узнаем на протяжении этого краткого, но крутого подъема о приготовлении, которое ожидает его, когда последний проблеск земли скроется от его глаз. Так мы узнаем, как (II, III)* по смерти усопший выходит в свет бессмертия, подобно тому как солнце, заходя, вспыхивает сиянием над миром, сокрытым от нашего взора. Затем, поскольку усопший еще не может вынести суда внутренней правды, его заранее предупреждают (IV), что, начав нисхождение, он должен «пройти Дорогу над Землей» — восходящий коридор, сокрытый Сокровенной опускной решеткой за четвертым наружным рядом кладки. И за этими тайными вратами, на виньетке, поясняющей главу, мы различаем лицо Незримого Наставника — тот лик, отдаленное, но уже не прикровенное видение которого святой усопший, когда начнется посвящение, вскоре укрепится вынести.

Прежде чем можно будет миновать эту притолоку и пройти дорогой над землей, его, как он теперь узнает, ожидают многие испытания. Предстоят дела правды, которые надлежит исполнить, если он упустил на земле те добрые дела, памятники которых могут стать его поручителями («Ушебти») (V, VI). Апеп, темный змей, пожирающий сокровенный Свет, как извилистая тьма осеннего равноденствия пожирает свет года, тоже подстерегает его (VII), чтобы сокрушить в своих бесчисленных кольцах, пока он ступает по пути, где Свет и Тьма уравновешены. Все поднимаясь вверх и с каждым шагом приближаясь к могиле, оглашенный узнает, как, когда этот змей будет пройден, Врата Запада (VIII, IX) — проем в западной стене — приведут его в Колодец, или Камеру Глубоких Вод, подобно тому как заходящее солнце опускается в глубокие воды западного океана и выходит оттуда с торжеством (X, XI). Обходя молчанием то, что случится с ним в Колодце, ибо это знание еще не может быть сообщено, Божественный Наставник велит ему, когда таинство новой жизни совершится, вернуться назад к Коридору Небесного Горизонта и, войдя в Камеру Испытания и выйдя из нее (XII, XIII), вновь приблизиться к Притолоке Правосудия. Ибо тогда, и только тогда, сможет он ступить на порог оправдания, когда «пятна будут выжжены из его сердца» бушующим огнем (XIV).

---

* Если нанести эти номера на изображение внутреннего устройства Пирамиды в указанном здесь порядке, они покажут, каким образом названия, присвоенные здесь различным ее частям, взяты из «Ритуала».

На пятнадцатом ряду, уже высоко над горизонтом земли, наши глаза (на два ряда выше наших ног) уже обращены к вратам под двойным сводом, определенным Полярной звездой, — к наружному входу в сокровенные места, открывающему путь Горизонта Небес. И подобно тому в главе XV усопший

приближается к земле Вечности. «Да шествую я, — продолжает он, — как шествуешь ты, без остановки, подобно святости твоей, Ра, ты, над кем нет владыки, великий пересекатель вод, для кого миллионы лет — лишь мгновение». Затем, склоняя голову ко входу Пирамиды и вглядываясь в темный коридор, теперь открытый внутри, он говорит: «Я иду на небо; я преклоняю колени среди звезд». А в заключение главы он узнает слова, которые надлежит произнести, когда его солнце заходит и он преклоняет колени, простирая руки к земле (незримого): «О высота Любви, ты отверзаешь двойные Врата Горизонта».

Этими возвышенными словами благодарения заканчивается наставление оглашенного: ему сообщено знание, достаточное, чтобы направить его путь соискателя к местам Посвящения и Испытания, и пока он не минует этой точки, он не может заглянуть в таинства далее. В следующей главе (XVI), когда мы восходим на последний ряд, прежде чем покинуть наружный свет, божественный голос на время умолкает; и «Ритуал» безмолвно предлагает нашему созерцанию три изображения. На одном из них единственный представленный предмет — священный Скарабей, символ Вечного, Самосотворенного Существа, не знающего ни начала, ни конца. На втором — фигура усопшего, стоящего перед Амоном, Сокровенным Божеством. Третье содержит лишь пустую стелу, египетскую форму надгробного камня. И эта стела, как мы узнаем из весьма древнего папируса Унаса, «пророка Пирамиды», была сделана в виде ложной двери для пирамидального входа — того входа, иначе говоря, что лежит на семнадцатом ряду северной грани и ориентирован по северной звезде.

В это мгновение безмолвия усопший один. Друзья покинули его. Солнце земли, приветствовавшее его с самых ранних лет,

навеки сокрыто. «Врата Земли» пройдены (XVII); и Оглашенный Мудрости принят как Соискатель Бессмертия. Густая, кромешная тьма перед ним; но под водительством Анупа, вожатого душ, он проходит за те Врата Восхождения, где божественный Свет поднимает диск гробницы. «Это область отца его Шу (Света), — продолжает „Ритуал“, — он изглаживает свои грехи, он уничтожает свои пятна». Затем, когда усопший продвигается сквозь тьму и бесстрашно вступает на Нисходящий Путь, внутренний Свет, незримый для смертного ока, открывается ему в видении. Он созерцает нижний мир (XVII) — область Посвящения, вход в Сокровенные места, о которых наставила его божественная Мудрость; место, «куда он должен войти и откуда должен выйти»; превращения, которые он должен пожелать совершить, дабы преобразиться в подобие Бога; добрые дела, которые он должен сотворить; «престол» возрожденной души и блаженное сонмище Осириса после того, как тело будет предано покою. В том же видении он видит и весь нижний мир — «Угол Огня» — и «Водоем», или Колодец Жизни, вершина которого открывается в Двойной Чертог Истины (XVII).

С восемнадцатой главы начинается «Книга Совершения Дней», то есть пора приготовления к Посвящению и Испытанию, должное исполнение которой дает ему право пройти «дорогой над землей» (XVIII), чтобы там получить Венец Оправдания (XIX, XX), когда его победа обеспечена. Пока он следует нисходящим Коридором Небесного Горизонта, медленно начинается воссоздание внутреннего человека, новое творение для жизни бессмертной (XXI). Одна за другой его способности пробуждаются к духовной жизни: отверзаются его уста (XXII), дабы он мог отвечать на учение божественного голоса; возвращаются ему его разум и его имя (XXIV, XXV); отдается ему обратно его сердце

(XXVI), и он больше не знает ледяного оцепенения скованных чувств. Постепенно новообразованное тело набирает силу и плоть; то есть не природное тело, которое не разрывает своих священных пелен, пока его не пробудит в последней главе «Ритуала» и в последней камере здания Великий Восток открытой гробницы, но тело духовное, или астральное, которым человек, уже восставший в нетлении, но все еще ожидающий явного свершения воскресения Осириса, беседует со «Звездными Духами» — разумами превосходящих сфер. С новой жизнью начинается натиск его духовных врагов, ставших теперь ощутимыми для его зрения (XXVII–XXXII), — страшных обитателей нижнего мира, что ведут в человеке великую битву борющихся света и тьмы. Леность — черепаха — силится замедлить его шаги; аспиды изливают свой яд; ползучие гады заполоняют его путь. Со всех сторон бушующие страсти — прожорливые крокодилы, населяющие воды жизни, — яростно бросаются на него; но он отражает все эти порождения тьмы астральным блеском своей звездной природы. «Назад, Крокодил Юга! — восклицает он. — Я — Сотис», — звезда Вечной Зари. Когда враги его повержены божественной защитой (XXXIII–XLI), тело, восставшее в нетлении (XLII), обретает в каждом члене и в каждой черте печать Божию. Его волосы, из которых свет струится потоками, — как «волосы Ну», священного Нила, блистающего потоками жизни; его лицо, сияющее, как солнце, лучезарно, как лик Ра; его глаза, славные, как очи Атор, блистают бессмертной красотой; его пальцы — как уреи, знаки царской власти; его ноги пылают огнем Творца-Духа Птаха; его человечность — как человечность Осириса, воплощенного Бога. «Нет в нем члена, — говорит „Ритуал“, — который не был бы божественным».

Но сколь ни ослепительно прекрасно астральное тело, обретенное новым существом, сам он еще не приготовлен к посвящению: новые испытания еще ожидают его, когда он приближается к гранитной глыбе, преграждающей нисходящий коридор. Власть над собой, глава его славы, может быть отнята у него; он может подвергнуться второй смерти — осквернению от порождений тьмы (XLIII–LI). Но и тут, ведомый тем же водительством и избегая всех этих опасностей, он выходит, как день, через Врата Запада к коридору, что ведет его к Колодцу Жизни; и, переступая этот порог, он питается небесной пищей, которой не могут вкушать причастные осквернению (LI–LII). «Враги не едят от тела моего», — говорит Осирис в другом месте «Ритуала». Избегая осквернения силою этой пищи (LII, LIII), он получает дыхание Птаха (LIV–LVIII) и, приблизившись к Колодцу Жизни, удостаивается первого глотка его освежающих струй (LIX–LXIII). В глубинах этого колодца, где, как говорит нам «Саи-ан-Синсин», совершается приближение к Осирису, вскоре произойдет возрождение обновленного человека (или «Ка») через воссоединение с новорожденной душой среди живых вод. «Я даю воды жизни всякой мумии, — говорит богиня Нут, начальствующая над водами, в надписи на сосуде Осур-Ура (приведенной в „Записях прошлого“), — чтобы воссоединить ее с душой, дабы отныне не разлучалась она с нею более вовеки. Пребывающий на Западе утвердил твою особу среди мудрецов божественной Нижней Области. Он дает крепость твоему телу и не дает твоей душе удалиться от тебя. Он хранит память о твоей особе и спасает твое тело ныне и вовеки».

Во время этого трудного приготовления, пока усопший уходит с земли в совершенной немощи, чтобы вести долгую борьбу света и тьмы, нетленная душа, возвращенная в родную свою стихию,

рождается вторично в Камере Царицы Пирамиды, где был рожден божественный Осирис — одновременно ее Сын, ее Творец и ее Супруг. «Я — Вчера», — говорит Осирис в шестьдесят четвертой главе, которая, как говорят, почти ровесница Пирамиде Света; то есть: «Я Тот, Кто был прежде начала времен», ибо как бы далеко назад во времени ни отстоял какой-либо день, вчера было всегда прежде него. «Я — Заря, — продолжает он, — Свет Второго Рождения, Тайна Души, Творец богов, Которым питаются сокровенные неба». Так и в надписи на гробе Анхес-Ра-Нефераб — то есть той, «чья жизнь была Священным Сердцем Ра», — мы читаем об Исиде, что это она «отверзает тебе сокровенные места теми могучими именами твоими. Имя твое — Младенец и Старец, Зародыш и Рост, Сын Неба, прокладывающий тебе путь по слову своему. Имя твое — Вечный, Самородный, Заря, День, Вечер, Ночь, Тьма. Имя твое — Луна, Сердце Безмолвия, Владыка Незримого Мира». А на другой части гроба той же святой царицы призываются духи Анну, называемого в «Ритуале» «сокровенным местом рождения богов», как те, «кто начальствует над священным рождением».

С новым рождением души приходит и восстановление власти в ее изначальном божественном образе. Ибо как в состоянии, подверженном тлению, тленные чувства господствуют над душой и дают ей форму, так, по теософии Египта, в состоянии бессмертия просветленный дух дает форму возрожденным чувствам и господствует над ними. Пока мы подвластны плоти, внешняя вселенная непрестанно напечатлевается на уме, затемняя и заключая в темницу изначальный «прообраз», или образ Божества, который лишь слабо силится выразить себя в шедеврах поэта или художника. Но когда душа рождается в новую жизнь, она вновь обретает тот Творящий Образ и наделяется силой

содействовать божественной Энергии. Ибо, как мы узнаем из одной прелестной главы «Ритуала», именно благоухание Невинности наполняет ароматом дыхание Творящей Красоты. Поэтому в кладке восточной стены этой сокровеннейшей Камеры Нового Рождения мы находим выраженным пятеричное владычество, одушевленное душой, новорожденной в священном прообразе — образе Царицы. И вот так сами чувства становятся столь существенно божественными, что усопший воздает поклонение собственным способностям. «Я поклонился Осязанию и Вкусу», — говорит он позже; ибо осязание и вкус — те пути, которыми сообщается человеку пища бессмертия. Из этой Сокровенной Камеры возрожденная душа выходит, славная, как день (LXV, LXVI), и, «отворяя дверь» (LXVII), некогда столь тщательно сокрытую, выходит во всем сиянии на поля Аалу (LXVIII–LXXII), в область просветления, — чтобы воссесть (LXXV) на нижний престол над устьем Колодца, между Камерой Орбиты и Камерой Тени. «Врата неба отверзаются мне, — говорит он, — врата земли отверзаются мне».

Когда соискатель в глубинах внизу становится свидетелем этого торжественного возведения на престол, он вспоминает, что время испытания приближается, и, помолившись, как был наставлен заранее, о том, чтобы грех его был изглажен, празднует «праздник души, переходящей к своему телу». Но не сразу может совершиться этот переход. Хотя он и восстал в нетлении, хотя и сияет в каждом члене бессмертным светом, он еще не в силах вынести без покрова подавляющую славу души. Поэтому, по учению Египта, вокруг лучезарного существа, которое в своей возрожденной жизни могло уподобиться славе Божества, образовывался «Хаибит», или светящаяся атмосфера, состоящая из ряда эфирных оболочек, одновременно затеняющих и

рассеивающих его пламенный блеск, — как атмосфера земли затеняет и рассеивает солнечные лучи. И с каждым последующим превращением (LXXVII–LXXXVII) оно нисходило ближе к нравственным условиям человечества. Из образа золотого ястреба, подобия абсолютной божественной сущности, Единого Вечного, Самосущего Бытия, оно переходит в образ «Владыки Времени», образ Творца, ибо с Творением началось время. Затем оно принимает образ лилии — виньетка «Ритуала» изображает голову Осириса, заключенную в этом цветке: Божество, явленное во плоти, исходящее из непорочной чистоты. «Я — чистая лилия, — читаем мы, — исходящая из лилии света. Я — источник просветления (ноздря солнца) и путь дыхания бессмертной красоты (Атор). Я приношу вести (неба), Гор (Вечный Сын) исполняет их». Позже душа переходит в образ урея, «души земли», — змеистого пути, начертанного на земле, озаряемой отвесным солнцем, как чувства озаряются высшим просветлением души.

И наконец, она принимает подобие крокодила, то есть становится подвластной страстям человечества. Ибо человеческие страсти, будучи частью той природы, в которой человек был изначально сотворен, не злы сами по себе, но становятся злом лишь тогда, когда выходят из повиновения душе. И так крокодил, нападавший на усопшего до нового рождения, в возрожденном образе становится божественным. Потому-то крокодил и был в великом почитании у египтян: он говорил им о времени, когда человек вновь обретет власть над своими страстями и когда последняя преграда между ним и его славной душой будет навеки снята.

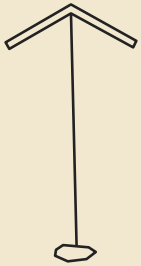
Сколь ни безмерно расстояние, разделяющее, таким образом, два существа, из которых слагается совершенный человек, со стороны души нет ни колебания, ни промедления. Это лучезарное

создание во славе своей не забыло хрупкого спутника, в союзе с которым оно обитало в дни своего уничижения. Возвращенная к родной своей чистоте, принятая Всемогущим в причастие Его собственной энергии, восседающая на престоле безусловного владычества, душа эта, однако, с таким пылом отвечает на любовь человека, что, подобно Самому Творцу, не может удовольствоваться собственным неисчерпаемым блаженством, но спешит сойти со своего престола власти, чтобы поднять и прославить ожидающее человечество. И вот виньетка показывает нам крылатое существо, летящее к соискателю. Тем временем тот, следя снизу за его полетом, в восторге молится о воссоединении. «О приносящий, — взывает он, — о бегущий в чертоге его!» — в Чертоге Истины, где воздвигнут престол души. «Великий Бог, да идет душа моя, куда пожелает (LXXXIX). О правители ладьи миллионов лет, проведенные сквозь врата, расчищающие путь неба и земли, сопроводите души к святым усопшим».

Молитва услышана. Покинув свой престол в вышине и пройдя через свои различные превращения, душа спускается по лестнице колодца, как в папирусе Ани. Тогда обретается божественная защита (XCI); и среди живых вод, в водоеме персеи, Древа Бессмертия (как в другом месте называет ее «Ритуал»), исполняется горячее желание соискателя, и он воссоединяется со своей живой душой (XCIII). «Душа моя — от начала, — говорит он, — от начала времени (счета лет). Око Гора (Божественного Сына) сотворило мне мою душу, приготовив ее сущность. Тьма перед ними; руки Осириса держат их. Откройте путь моей душе, и моей тени (Хаибит), и моему духу, чтобы увидеть великого Бога в гробнице его в день собирания душ». Если это знание имеется, добавляет «Ритуал», он вступает в Свет; он не задерживается в нижнем мире.

Когда этот бесценный дар дарован, соискатель, хотя и не может еще стать причастником божественного великолепия, пока не пройдено его испытание, все же может созерцать его открыто издали и вступить в свое посвящение в священные таинства. Поднимаясь по лестнице колодца в силе, сообщенной ему его душой, он возносит молитву Божественному Наставнику (XCIV) и, «держа в руке своей Священные Таинства», обращает свои отверстые очи поочередно в трех направлениях, которые, как мы видели, указаны иероглифом божественного Посвятителя Тота. Сначала он смотрит вниз, в «отверстие, где Тот», — в Камеру Тени, теперь уже не закрытую для его взора, хотя еще не доступную для него самого; и он созерцает сокровенную Мудрость, дающую Истине ее великолепие (XCV, XCVI), — лик Божественного Наставника, чей голос наставлял оглашенного и чья сила охраняла соискателя. Затем, когда глаза его проясняются, он возносит молитву Анупу (XCVII), звездному вожатому, который довел его так далеко к желанию его сердца; и, обратившись к Камере Нового Рождения, различает Ладью Ра (XCVIII–CII), судно Божие, предвозвещенное ему Божественным Наставником перед вступлением на путь, — судно, которое безопасно перенесет его через Глубокие Воды. Пока он еще смотрит, вся внутренность здания озаряется внезапным сиянием; и кладка, изображающая каждую часть священного судна, открывает их мистическое значение, которое Посвященный должен знать прежде, чем ему будет дано позволение взойти на борт. Во Внутреннем Доме огромный гранитный Треугольник, господствующий над сокровенными высотами, принимает для него образ «Якоря», центральная ось которого указана, но не начерчена равенством его сторон, — подобно тому как, мы видели, средоточная тайна Высшей Тайны, Единство божественной Сущности, указана, но не

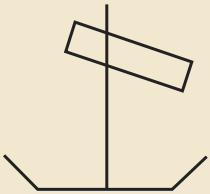
определена равенством Лиц египетской Троицы. И этот «якорь», крепко утвержденный не в глубинах внизу, а в высотах над открытым саркофагом, говорит ему об Осирисе, «Владыке земли в его гробу», — о том видении, которое он недавно молился узреть в Великий День Расчета.



Якорь и Гроб Владыки Земли. (Саркофаг и высшая камера.)

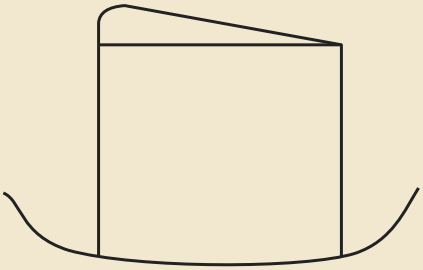
У верхнего конца Большой галереи — «седалище» «Обитающего в Пространстве»: лучезарный престол на вершине долгого подъема, к которому Посвященный теперь возводит очи. Прямо сквозь середину престола незримо поднимается Ось Великого Дома, Центральный Луч Великого Света Египта, подобно огромной, но неосязаемой мачте, высящейся от основания до вершины судна Света. Эта ось проходит сквозь Камеру Нового Рождения внизу и отделяет Внешний Дом от Внутреннего, лежащего за престолом, — как средоточная, но неосязаемая истина Смерти отделяет славу, что есть ныне, от славы, что лежит за нею. И в истине Смерти, которая для египтянина была «Завершением-Началом» Нового Рождения, Посвященный различает «великого приносящего и уносящего», как называет «Ритуал» мачту ладьи Ра. Высоко на той же оси, над солнечным престолом, кровля блистающей камеры с ее звездными лучами являет тому, чьи глаза отверсты, «Парус

Тверди», который своим звездным величием неодолимо влечет душу к Богу.



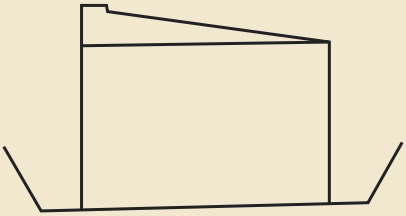
Парус Тверди

Колодец отражает ему «Весло», сияющее в незримых водах, как образ Творца незримо сияет в Водах Жизни; «Доски» — ступени лестницы, по которой душа сошла посетить его, и каждую из них охраняет дух небесного разума. В подземной камере он различает «трюм» «тьмы», а в Камере Нового Рождения — Каюту, или Сокровенное Место Божественного Судна. Замечательный пример пирамидального намека дает форма каюты. Ибо собственно кровля ее была увенчана другой кровлей — того странного и, по-видимому, лишенного смысла очертания, которое приведено здесь.



Каюта

Но если над Камерой Нового Рождения мы обозначим престол Ра, который непосредственно над нею возвышается, мы получим именно это очертание; так что форма означает воцарение Несотворенного Света над Тайной Божественной Матери, Исиды.



Камера Нового Рождения, увенчанная Престолом

На этой ладье спасения совершаются и нынешнее его Посвящение, и Просветление, которому еще предстоит быть; и каждое из этих восхождений находит подобающее выражение в кладке: одно — в месте Нового Рождения, другое — в Камере Сияния. И на виньетках «Ритуала» мы видим судно, несущее на себе то пятиступенчатую, то семиступенчатую лестницу: пятеричное владычество возрожденных чувств и семеричное возвышение просветленного разума.

Еще одно видение открывается Посвященному. Когда он поднимает глаза еще выше, к самой вершине Камеры Сияния, далеко отстоящей от устья колодца, но составляющей часть того же божественного строения, он различает «отверстие, где Атор» (CIII), — лазурные глубины эфирной красоты, ведущие к сокровенным высотам над Камерой Великого Востока. Мгновение он взирает в безмолвном восторге на далекий проем невообразимого видения, а затем призывает себе на помощь «Отверзающего Великое Святилище» (CV, CVI). «О помощник, о

помощник! — восклицает он. — Я среди служителей Бессмертной Красоты!»

Укрепленный затем этим неизгладимым воспоминанием, он отворачивается от места будущего просветления и нисходит к месту предстоящего испытания. Вокруг него открываются взору «Боги Западных Врат» (CVII) — западного проема к Колодцу Жизни, где обитают духи, что незримо пришли ему на помощь в час, когда солнце земной жизни закатилось на Западе. Из «Камеры Вод Небесных» низвергается поток «Небесного Нила» (CX) и смешивается рядом с ним с потоком из «Камеры Места Рождения Богов» — тем потоком, что орошает поля Аалу, обитель возрожденных. А высоко вверху, насколько могут проникнуть его ожившие глаза, собраны светлые сонмы звездных духов со всех стран (CXI–CXIV), чтобы присутствовать при его победе, его суде и его венчании. В памяти об этом неувядающем видении и в силе этих охраняющих духов Посвященный входит в подземную Камеру Огненного Испытания и выходит из нее (CXVI).

ГЛАВА VII

ПРОСВЕТЛЕНИЕ АДЕПТА

✦

Когда посвящение свершилось и испытание пройдено, и само здание, и Ритуал словно преображаются. Не то чтобы покров тайны хоть сколько-нибудь редел — напротив, он, если это возможно, сгущается, по мере того как мы проникаем в самые сокровенные части. Но пора слабости и ожидания миновала, и все отчетливее и отчетливее ощущается сила и торжество, когда мы вступаем в тайные места безусловной «Истины». Повернув назад вместе с Посвященным, ставшим теперь адептом, из «Мескуа», или Места Испытания, мы снова поднимаемся вверх под водительством небесного вожатого, который ведет нас к «Вратам на Холме» (CXVII) — притолоке, скрытой в своде высоко вверху вдоль Коридора Звезды. Поднимаясь по этому восхождению, адепт еще раз «входит и выходит» (CXX) через Врата Колодца, дабы вновь набраться сил для грядущего суда. И когда он приближается к сокрытой опускной решетке, которую ныне призван миновать, — туда, где восседает в лице своем Вечная Мудрость, — он повторяет про себя (CXXI) незабытые слова, которыми Божественный Учитель предостерегал его о близящемся часе вхождения на суд (XIII) и исхода оттуда.

Когда он достигает сокрытой опускной решетки (CXXII, CXXIII), тщательно утаенной в своде, — этих трудных «Врат, уготованных

для Богов», божественных душ-Осирисов, врат, в которые никто не может войти иначе, как «по выходе» из места посвящения, — на каждом шагу его встречает преграда. И в Ритуале, и в здании каждая часть этих таинственнейших врат, секрет кладки которых доныне остается нераскрытым, преграждает доступ на восходящий путь всякому, кроме адепта. «„Не дам тебе переступить через меня, — говорит порог, — пока не скажешь мне моего имени“. — „Груз на верном месте — вот имя твое“», — гласит глубокий ответ адепта. Ибо как поднятие опускной решетки зависит от верного уравновешения груза, так и правосудие есть та добродетель, без которой путь в вышину навеки остается закрытым. «„Не дам тебе миновать меня, — говорит Левая Притолока (так продолжается этот странный разговор), — пока не скажешь мне моего имени“. — „Возвращение истинного — вот имя твое“. — „Не дам тебе миновать меня, — говорит Правая Притолока, — пока не скажешь мне моего имени“. — „Возвращение судимых сердец — вот имя твое“». Ибо без истины и без суда над самим собою невозможно сделать ни шагу вперед на Пути Истины (CXXV). С этим учением можно сравнить «Золотые слова» Пифагора, который и сам был учеником египетских жрецов:

Твори невинное; помысли, прежде чем действовать;
И не давай сну мягкому сомкнуть твои веки,
Пока трижды не переберешь дела минувшего дня:
Что я сделал? в чем погрешил? чего не исполнил?
Пройди весь счет до конца, и если итог
Окажется злом — укори себя; если добром — возрадуйся.
Это твори, об этом размышляй, это всегда возлюби,
И оно поведет тебя путем добродетели.

Но тому, кто научился мудрости, как бы долго и как бы трудно ни длилось искание, вход в Истину в конце концов не может быть заказан. Сокровенная Притолока пройдена; и память об этом переходе благодарный усопший навеки хранит как святыню. «Я прошел через Сокровенную Притолоку, — восклицает он впоследствии с торжеством, — я прошел, как солнце сквозь врата празднества». Когда притолока пройдена, открывается лик Божественного Учителя, и перед ним — истинные Весы Света и Тьмы (CXXV). «Сокровенные лики у врат» снимают с себя покровы; и адепт стоит в Двойном Чертоге Истины — Истины в Смерти и Истины в Жизни, Истины в Правосудии и Истины в Милосердии, Истины во Тьме и Истины в Великолепии.

И тогда, одолевая одну за другой преграды, заграждающие вход на путь, что ведет в вышину, и торжествуя над Смертью, он видит длинный ряд Судей Мертвых — небесных сил, ведущих счет нравственным делам человеческим, каждая из которых владычествует в своем уделе святой земли; и перед каждой из них по очереди адепт, чье сердце омыто от пятен в горниле испытания, свидетельствует о своей невинности в том грехе, за который именно эта сила воздает. Весьма грозны образы, в которых предстают эти испытующие сердца духи, — грозны, как нравственные последствия наших собственных преступлений, когда смотришь на них во внутреннем свете Истины. «Очи Огня» — страсть, иссушающая разум; «Лик Дыма» — гордыня, омрачающая суждение; «Дробитель Костей» — грех, разъедающий всю мужественную природу человека: таковы и подобные им страшные знаки горних сил. Но всех грознее дух, «чьи уста искривлены, когда он говорит, ибо лицо его обращено назад», — дух совести, что неумолимо держит свои грозные очи на нашем прошлом и говорит с нами устами, сведенными мукой

самоосуждения, подобно воплю кающегося, который звучит и ныне так же горько, как и тогда, когда был издан три тысячи лет назад: «И грех мой всегда предо мною».

Не устрашенный этим величественным судилищем, которого, как узнаем мы еще на пороге, не может выдержать никто, кроме того, кто истинно судил самого себя, усопший под защитой Божественного Стража восходит по Коридору Тени, где свет померк, и через Истину одерживает победу над Смертью. Мало-помалу, по мере того как он приближается к низким, но не загражденным вратам, начинает брезжить сияние великолепия; и он видит перед собою Священную Орбиту вращающейся земли, очерченную четырьмя пылающими точками солнцестояний и равноденствий, подобную огненной чаше, окруженной четырьмя языками пламени (CXXVI). Перед каждой из этих стран неба восседают четыре божественных духа в облике обезьяны — того образа, что ближе всех сроден человеческому. К этим четырем вселенским стражам и вестникам истины оправданный обращает молитву, да очистится он еще более от своих преступлений. «О вы, — говорит он, — посылающие истину ко Владыке вселенной, вскормленные без обмана, гнушающиеся нечестием, извлеките из меня все зло. Изгладьте мои проступки и уничтожьте мои грехи». «Можешь идти, — милостиво отвечают четверо небесных наставников, — мы изглаживаем все твои проступки, мы уничтожаем все твои грехи». Так, как возвещает Ритуал, совершается отделение его грехов — «после того как он увидел лики Богов». Отныне смерть не имеет над ним более власти, и в восторге он воздает благодарение верховным судиям, Богам Орбиты, к которым теперь приближается, и Осирису на его престоле (CXXVII, CXXVIII).

Когда он стоит у входа в верхнюю камеру, где небольшой выступ нижнего пола свидетельствует о переходе от смерти к жизни, божественный голос, молчавший, пока не был исчерпан первый его урок, вновь продолжает его просветление, и он «наставляется» (CXXIX) в том, как «стоять в Ладье Ра», — уже не в нижней части судна, но свободно во всякой его части. Повинуясь божественному повелению, он минует «Врата Ворот» (CXXX) и празднует День рождения Осириса, Отверзание Вечного Года. И тогда, сделав шаг вперед и став внутри чертога на небольшом выступе, он видит перед собою все здание, необъятную вселенную пространства во всем ее неизмеримом величии, отныне открытую его непорочному духу. И как у Притолоки Правосудия все заграждено, так здесь все части лежат открытыми. «Отверзается небо», — читаем мы (CXXX), — Камера Сияния с ее семикратными лучами вокруг солнечного престола; «отверзается земля» — Камера Тени; «отверзается Север» — к Камере Полярной звезды; «отверзается Юг» — к Камере Великого Востока; «отверзается Запад» — ко Входу в Колодец; «отверзается Восток» — к Камере Нового Рождения с ее восточным восхождением возрожденных чувств; «отверзаются Северная и Южная часовни» — Преддверие и Место Великого Востока, северная и южная часовни внутреннего дома. Здесь же и «перекресток чистых путей жизни», о котором говорит гроб Амаму. Позади — «пути тьмы», которые усопший в Ритуале некогда так горячо молил миновать. Впереди лежат поля Аалу, блаженная страна, где оправданный исполняет труды, которые ему дано совершать для Осириса.

Взрыв ликования встречает оправданного, когда, совершив Ход Солнца, он вступает в Камеру Орбиты, Чертог Просветления. «Усопший, — читаем мы, — проходит Врата Ворот. Приготовьте

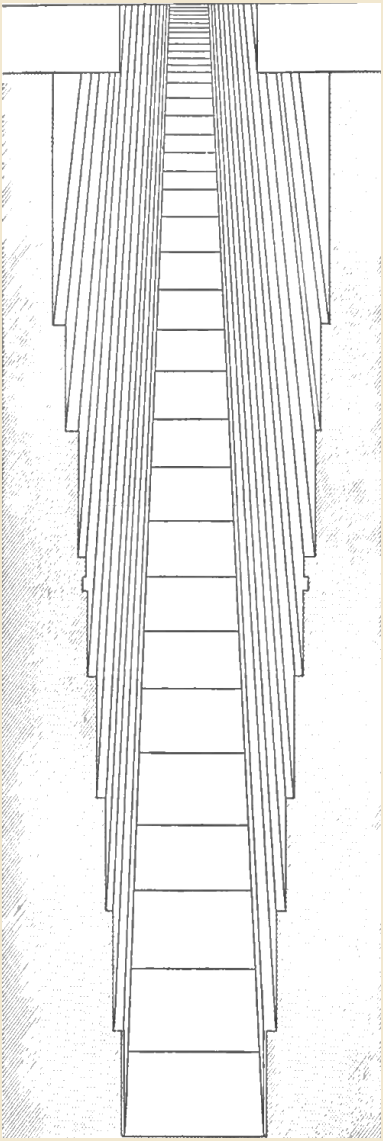
чертог его, когда он придет. Оправдайте слова его против обвинителей. Дается ему пища богов Врат. Сделан для него венец, подобающий ему как обитателю Сокровенного места». В другом месте сам оправданный восклицает: «Я отверз врата неба и земли» (на стыке Чертогов Орбиты и Тени). «Там покоится душа Осириса. Я прохожу чертоги. Не найдено во мне ни изъяна, ни зла». И еще раз усопший молит о том, чтобы ему пройти этот чертог: «Поставь меня пред собою, о Владыка Вечности. Привет тебе, Обитатель Запада, Благое Существо, Владыка Абидоса. Дай мне миновать пути тьмы; дай мне следовать за слугами твоими во вратах».

Тот же звук ликования отличает и то место в «Саи-ан-Синсин», где мы читаем о великом судилище и о Доме Света. «Ты входишь в Дом Бога в великой чистоте, — восклицают плакальщики, обращаясь к усопшему. — Боги обильно очистили тебя на великом судилище. Ты не отлучен от неба; тело твое обновлено пред лицом Осириса. Ты не был отлучен от Дома Славы. Ты зришь Путь Красоты, совершая всякое превращение, какого желаешь». А древний гроб Амаму нес на внешней стороне эту надпись, полную желания и надежды: «Акт поклонения Анупу, переводящему усопшего по далеким путям, прекраснейшим в Карнетер», — то есть в земле святых умерших. «Глаза твои, — говорят наши собственные Священные Писания, — увидят Царя в красоте Его, увидят землю отдаленную».

Когда врата пройдены (CXXX), божественный голос возобновляет свое наставление и учит его о том, как «идти на небо, где Осирис»; о том, как быть «принятым в Священное Сердце Ра», источник жизни (CXXXI–CXXXIII); о «поклонении, которое он должен воздать»; о ладье вечности, в которой святые души движутся вовеки; о ликованиях неба (CXXXIV–CXXXVI) при

явлениях Божества человеку и об именах и местах, где эти явления совершаются (CXLI–CXLIII).

И вот оправданный стоит в полной славе орбиты и взирает не зрением смертного провидца, но как бессмертные духи, что окружают престол. Пока он стоит и смотрит, великолепие за великолепием, откровение за откровением вспыхивают перед его взором. Вниз от лучезарного престола, вдоль пола, вдоль стен, вдоль свода струятся, разливаются, текут реки света, мчась подобно потоку летних лучей, подобно разливу всепоглощающего Нила. Но оправданный свободно дышит воздухом отверстого неба. Его чувства, «навеки оживотворенные», пронзают самые дальние пределы пространства; его пробужденный разум постигает всякий звездный закон и всякую гармонию; его очищенный дух, не ослепленный слепящим сиянием, прозревает Сокровенную Любовь, восседающую на престоле. Уже не как чужеземец и не издали, но как князь, допущенный к высочайшей чести двора, оправданный занимает свое место на самой линии прямого приближения; а вокруг него и над ним необъятный простор наполнен чинами за чинами духов-служителей. «Он прошел свои биллионы, — читаем мы, — круг пламенных служителей вокруг него. Его благословения следуют за ним. „Приди“, — говорит Истина; и он приближается к ее Владыке».



Врата Пылающего Венца

При этом милостивом слове Истины бездны тайны открывают свои самые сокровенные глубины. Прежде всего Камера Тени озаряется излучающимся блеском; и Просветленный прозревает природу греха, увиденного в свете истины. Семь Чертогов Смерти (CXLIV), каждый из которых измерен своим циклом затмения, лежат открытыми перед тем, кто взглянул в лицо Бога; и каждое таинственное имя выдает образ тьмы. «Болтливая» Злоба, что услаждается «ниспровержением»; «Огнеликий» Гнев, «внезапно бросающийся вперед»; Зависть — «Пожиратель Нечистот»; Ненависть, безмолвная и «бдительная»; Похоть — «пожирающая, ниспровергающая в одно мгновение», что «питается гадами»; Гордыня с ее «каменным лицом»; Леность, что безвозвратно ожесточает сердце, — «последний затвор отверженных»: все они выдают свою природу тому, над кем смерть уже не имеет власти. И он прозревает (как на виньетке) семь духов-мстителей, из которых каждый вооружен двумя мечами — телесного и духовного истребления.

Взойдя затем по крутому подъему, он видит, как тайна суда раскрывается последовательными ступенями, когда перед ним развертываются двадцать одни Врата Аалу — промежутки между ними измерены годами Света, мчащегося от Сотиса, — врата, что открываются лишь «кротким сердцем» (CXLVI). У каждого из первых десяти порталов течет небесный поток искрящихся вод, проливающих свой немеркнущий блеск на Просветленного. Восходя все выше к престолу Ра, у девятнадцатого портала он облекается в одежды силы; и у «Врат Пылающего Венца» он стоит под Царским Сводом Планетных Сфер. Тотчас за ними — «Камень Бога», где он получает от Божественного Восседающего «Венец Просветления» — египетский венец «*атеф*», созданный по образу

зодиакального света высшего неба. А позади престола возносятся последние «Врата Покоя» с их семью венцами радости.

Но еще не может Просветленный достичь того бесконечного успокоения, что лежит за этими вратами. Смерть и суд — не единственные тайны, которым надлежит раскрыться, когда око веры становится оком видения. Место божественного рождения, камера в «Полях Аалу», должна быть посещена прежде, чем Просветленный станет Владыкой тайны. И, проходя портал за порталом этих полей (CXLVII), он возглашает титулы той, к чьей обители теперь приближается: «Владычица Священного Трепета», «Владычица Неба», «Правительница Земли», «Помощь Кротких сердцем», «Владычица Молитвы», «Свет Сокровенной Реки». Затем, познав величие ее царицы, он обозревает семичастный свод, Тайну Запредельного Неба (CXLVIII), дабы вступить в беседу с семью Высшими Разумами, что сводом осеняют Великолепие Творения.

Но еще раз должно измерить Глубины и пройти Сокровенные места, прежде чем Просветленный сможет как владыка пройти сквозь Врата Покоя. Одна тайна смерти еще остается — самая страшная и самая непостижимая из всех. Пока мы еще несовершенны, мы можем обрести некоторое знание о действии нравственной смерти на нас самих и даже составить слабое смутное понятие о ее природе, рассматриваемой в свете безусловной истины. Но тайну ее божественного попущения — кто может проникнуть? Если Всемогущий всеблаг, зачем Он вообще допустил зло? Если Он всемилостив, зачем позволяет Своим созданиям страдать? Как могут наши деяния быть справедливо «взвешены» (CLI), когда силы, их породившие, не были созданы нами самими? Почему мы должны быть участниками битвы света и тьмы, когда нам не было дано выбора

— существовать нам или нет? Почему души праведных втайне уловляются и ниспровергаются? Откуда приходит то «скверное истечение», которое очищается из человека и от которого содрогается все живое? Такие вопросы мы задаем, и задаем напрасно. Но если та темнейшая тень, тот ужас, что составляет самую глубину человеческой муки, — сокрытие Вечного Правосудия в черноте совершенного затмения — еще способна подняться и одолеть душу, как может человек когда-либо покоиться в безопасности, и какое откровение или какая степень славы окажется довольно, чтобы даровать ему мир? Но что и эта тень предназначена рассеяться в свете, когда тайны будут открыты и просветление претворится в единение, — кто может в том усомниться?

Так по крайней мере читаем мы в вероучении Древнего Египта; где, после того как Просветленному раскрыты прочие тайны смерти и суда; когда он вошел в тайны нового рождения и беседовал с Высшими Разумами, которые «бодрствуют перед гробницей Осириса»; когда время для него более не существует и он постигает замысел Вечного Дома от основания до завершения, — он совершает последний обход его Сокровенных мест. Облеченный силой и увенчанный светом, он проходит «Обители» (CLI), или места своей прежней слабости, чтобы там собственным просветленным разумением прозреть, как «Осирис уравновешивает весы того, кто правит небесами»; чтобы проявить в его горней свободе свою творческую волю, ныне господина, а не раба чувств; и чтобы возрадоваться праведному страданию, которое совершило его просветление и освобождение.

Наконец, когда это великое шествие по Обителям Человечества завершено, Владыка в величии возвращается к небесному сонму, собранному в Великой Ложе солнечного престола. Восходя под

Царским Сводом Пылающего Венца, он ступает на самый Камень Бога и проходит сквозь Врата Покоя с их семью венцами и титулами Победы. Затем, опережая в своем полете силу смертной мысли, он уходит за пределы сияющей орбиты земли, за пределы необъятного простора солнечной славы, через грозные пропасти бездонных глубин — к далекому Сотису, стране Вечной Зари, преддверию бесконечного утра. Он «имеет звезду свою, утвержденную ему в Сотисе», — говорит Ритуал. И здесь Просветленный, ставший теперь Владыкой, наставляется в последних тайнах, что предшествуют всеобщей славе, — в тайнах божественной скорби, «слез Исиды» (CLII), откуда берет начало небесный Нил, источник просветления для человека. Здесь он проходит за тройную завесу и облекается в нетленные драгоценности горнего блеска (CLIII–CLXI).

Остаются еще одна глава и одна камера: глава Обращения к Востоку и Камера Великого Востока под Сокровенными местами Всевышнего. «Пробудись, пробудись, Осирис!» — так поют плакальщики возлюбленному усопшему, ныне прославленному в Доме Света и нерасторжимо соединенному с божественным Существом. «Пробудись! Смотри, что сделал для тебя сын твой Гор. Смотри, что сделал для тебя отец твой Себ. Восставлен Осирис». «Я отверз двери, — отвечает душа-Осирис, — я отверз двери… Благо Великому, пребывающему в Саркофаге. Ибо всем мертвым проложены будут к нему пути через их бальзамирование», — когда тело их во плоти восстанет в нетлении. Снова и снова празднуется Таинство Открытой Гробницы. Как затмевающая планета, что движется ближе всех к солнцу, ползет, подобно черепахе, по лику этого светила, на мгновение пятная его собственной темнотой, а затем поглощается сиянием, — так и смерть, это темное пятно, ползущее по видению

вечного великолепия, поглощается в воскресении Осириса-Ра, Несотворенного Света. Четырежды возвещается это Евангелие древнего Египта в главе, носящей заглавие Востока. «Черепаха умирает; Ра живет!» Смерть поглощена Светом; Бог живет вовеки. «О Амон, Амон, — так продолжается эта таинственная глава, — Амон, сущий на небесах, обрати лик твой к телу Сына твоего. Даруй ему благо в преисподней. Совершилось».

Так заканчивается странная и торжественная погребальная песнь древнего Египта. Однажды постигнутую, тесную связь между сокровенным учением самых чтимых книг Египта и сокровенным значением самого почтенного из его памятников, кажется, уже невозможно разорвать, и каждая форма поясняет другую и взаимно ее пронизывает. Когда мы вчитываемся в темные речения и распознаем таинственные намеки Книги, нам кажется, будто мы стоим среди глубокой тьмы, окутывающей все внутреннее пространство здания. Вокруг собраны духи и силы, составляющие тайну незримого мира: «Сокровенные Лики у Врат», «Боги Горизонта и Орбиты». И смутно перед нашими глазами, век за веком, безмолвно движется священное шествие египетских мертвых, проходящих сквозь «Врата Холма» к судилищу Осириса. Тщетно пытаемся мы проследить их шаги, пока не войдем вместе с ними в Сокровенные места и не проникнем в тайну Дома Света. Но едва мы приближаемся к коридору и ступаем по камерам таинственной Пирамиды, как учение Священных Книг словно озаряется языком пламени. Сама светоносная завеса медленно тает, открывая Путь Просветления и Великолепие Орбиты; небесные Силы и Разумы воссиявают из-под окутывающих их символов; духи праведных становятся лучезарны в лучах, исходящих от судилища. Ибо хотя никто не может взирать на это без покрова, пока Страж Звездных Врат не

отверзет для него Врата Света, все же для адепта, таинственно посвященного в глубоких водах и просвещенного семикратной Красотой, невидимое становится видимым через рассматривание творений. И Свет не от земли открывает в своем божественном единстве всю тайну Сокровенных мест: Вход на Путь Неба; Колодец Жизни, Место Нового Рождения, Испытание Огнем, Притолоку Правосудия, Победу над Смертью, Суд Истины, Великолепие Просветления, Престол Сияния, Завесу Совершенства и Великий Восток Открытой Гробницы под тайными камерами Высоты, увенчанными Великим Сводом Высшей Троицы.

Лишь так, по этому первобытному вероучению, мог человек исполнить свое дивное предназначение; и лишь так это предназначение может исполнить желание его сердца. Никакое искусство в тайнах вещественной вселенной, никакое владычество над силами жизни и смерти, никакая власть пронзить завесу, висящую перед незримым миром, и вступить в общение с духовными разумами не утолят его сокровенных стремлений. Ибо душа человека — так возвещает всякое вероучение — не может знать покоя, и дух его не может насытиться, доколе хоть тончайшая пелена остается преградой для безоблачного видения Сокровенной Любви; доколе он не станет лицем к лицу и око в око с «Тем, Кто знает Глубины».

Мы покидаем этот торжественный памятник первобытной тайны; и когда мы бросаем прощальный взгляд на Врата Неба, завеса величественной кладки вновь скрывает от взора внутреннее великолепие и окутывает Сокровенные места Сокровенного Бога.

ПУТЬ СВЕТА В ДОМЕ СОКРОВЕННЫХ МЕСТ

